С Новым годом!

Одолеем ли барьеры?

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

12/89

ISSN 0235–7089

Жертвы национализма взывают:
ОСТАНОВИТЕСЬ!

Перестройка захлебнется,
если мы не остановим жестокость,
ненависть, экстремизм.
Жертвы национализма взывают:
ОСТАНОВИТЕСЬ!

Фото Роберта ТОНСТИНГА
(Ассошиэйтед Пресс)

Александра Т[illegible]-РЯДНО

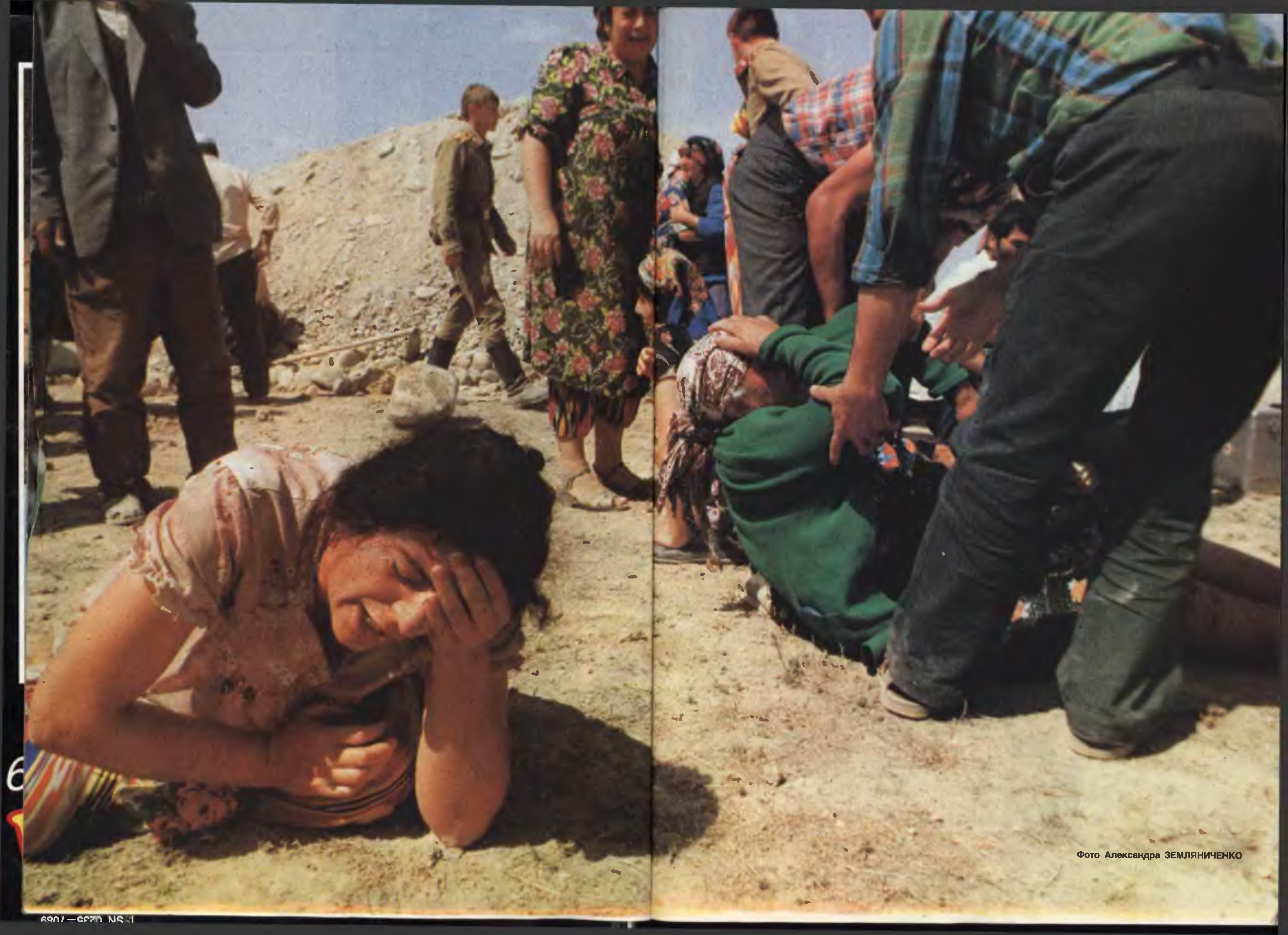

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Фото Андрея СОЛОВЬЕВА

РОДИНА 12/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда»

Выходит с января 1989 г.

На первой обложке фото Александра Земляниченко

Москва
Издательство «Правда».

Под этой традиционной рубрикой публикуются мнения наших читателей, которые могут не совпадать с позицией редакции.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЧТО ГОД ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

Григорий ХАНИН, ведущий научный сотрудник НПФ «Искусственный интеллект»

Текущий год передает будущему тяжелое наследство. Последние два квартала, о которых опубликованы данные (второй и третий), показывают сокращение национального дохода на уровне 4—5 процентов за год. Небывало сократилась эффективность производства, снизилось реальное потребление населения. Такого падения национального дохода, как за этот год, не наблюдалось в худшие брежневские времена. Рост розничных цен превышает 10 процентов — еще один послевоенный рекорд. Огромных масштабов достигли бюджетный дефицит, размер эмиссии, дефицит платежного баланса (свыше 11 миллиардов рублей). Последнее особенно опасно — уменьшается возможность импорта, подрывается доверие к нам кредиторов, резко осложняется возможность перехода к конвертируемому рублю. Дефицит, главное у нас проявление инфляции, стал уже почти всеобщим и охватывает даже соль и мыло, как в начале войны. Началось бегство от рубля. Скупают все, часто совсем и ненужное в данный момент, лишь бы иметь вместо денег что-то более стабильное. И без того медленный научно-технический прогресс стал еще медленнее. В последние годы мы еще больше отстали по всем экономическим показателям от развитых капиталистических стран.

Кризис 1989 года нельзя считать ни неожиданным, ни краткосрочным. Перестройка тут ни при чем. Мы шли к нему — и это важно осознать — многие десятилетия. Не стану говорить о пороках административной системы, об этом и так много сказано. На них наслоилась (но была и неизбежна при них!) деградация генофонда за десятилетия небывалых в новейшей мировой истории кровопусканий. Мало сказать, что мы потеряли десятки миллионов людей в этих кровопусканиях. Ведь били прежде всего по лучшим. Все это сейчас сказывается в полной мере. Мы долго опирались на нравственное и материальное наследство дореволюционной России. Теперь оно уже перестало нас выручать.

Еще в конце 70-х годов, проследив тенденции экономического и социального развития, я пришел к выводу, что в 80-е годы наш национальный доход упадет на 20 процентов, а уровень жизни (с учетом роста населения на 10 процентов) — на 30 процентов. Поясню, как мною был получен этот результат. За 80-е годы при сложившихся тенденциях объем основных производственных фондов должен был упасть на 10 процентов (по одному проценту в год). А фондоотдача последние двадцать лет тоже падала на один процент в год. Лишь смена руководства после смерти Брежнева и энергичные действия нового лидера спасли страну от тяжелого кризиса. Перестройка должна была заложить основы стабильного экономического прогресса. Но намеченные планы в экономике проводились крайне непоследовательно. К тому же они осложнялись и саботажем — в разных формах — противников перестройки. В результате всего этого в экономике воцарился полный хаос. Забастовки шахтеров летом этого года показали, что терпение народа уже истощилось.

В плане и бюджете на 1990 год показатели, связанные с жизнью людей, получают намного больший рост, чем все остальное. Намечено снизить чуть ли не в два раза бюджетный дефицит, в полтора раза — эмиссию денег. К тому же и экономический рост намечается внушительный.

Увы, нетрудно доказать, что эти прекрасные планы недостижимы. Ничего кардинального не предлагается для изменения хозяйственного механизма, а значит, эффективность производства и дальше будет снижаться.

Чтобы хоть как-то свести концы с концами, наши плановики намечают сокращение производственных капиталовложений на 30 процентов, а в ряде отраслей и более того. При росте эффективности экономики это было бы оправдано, а при усилении самоедского ее характера, что имеет место сейчас, мы еще больше усилим сокращение производственных фондов. Вместо одного процента в год они станут сокращаться на три процента.

Еще откровеннее, чем раньше, плановики прибегают к дутым цифрам. Один пример. За год они намечают обеспечить прирост многих предметов культурно-бытового назначения больший, чем за предыдущие четыре года. Такой размах позволяет им «обосновать» и сокращение бюджетного дефицита, и эмиссии денег. Но грош цена таким расчетам. Они рассыплются с первых дней нового года.

Осмелюсь предсказать, что произойдет в действительности в будущем году в экономике. Национальный доход снизится на те же 4,5 процента, а бюджетный дефицит и эмиссия останутся в лучшем случае на уровне 1989 года. Розничные цены вырастут на 12—14 процентов. Усилится дефицит, упадет доверие к деньгам, жизненный уровень населения снизится (хотя, возможно, и меньше, чем в этом году, ввиду усиления социальной направленности экономики).

Худшее, однако, впереди. Мы вступаем — ускоренными темпами! — в тот самый экономический кризис, который начался в начале 80-х годов, но был временно прерван. Однако, поскольку производственные фонды (а это базис экономического прогресса) теперь сокращаются в соответствии с принятым планом быстрее — до трех процентов в год, — их сокращение на 15 процентов произойдет уже в ближайшие пять лет. Добавьте пять процентов на снижение эффективности их использования, и вы получите то самое сокращение национального дохода на 20 процентов, которое раньше должно было произойти за десять лет. Но впереди еще пять лет до конца века, и падение получается уже просто астрономическое.

Еще не поздно не допустить трагедии. Но для этого надо проявить решительность в действиях, которой нам так не хватало в первые годы перестройки. Прежде всего не допустить социального взрыва в ближайшем будущем. Этого можно, по моему разумению, достигнуть одновременным проведением: сокращения военных расходов в ближайшие год-два в два раза, продажей Японии четырех маленьких Южно-Курильских островов за 30—40 миллиардов рублей. В долгосрочном плане нужны частичная реприватизация, создание мощного кооперативного сектора и перевод государственного сектора на начала аренды и акционерных обществ, переход к реальному рынку, реорганизация кредитной и финансовой системы и создание новых, твердых денег. Но осуществить все эти реформы могут только новые люди, свободные от пут административной системы. Их выдвинула перестройка, им и надо доверить руководство ее осуществлением. Пока для этого еще есть время. Надо спешить.

ВИНОВНЫ ЛИ ИДЕИ?

Павел ГУРЕВИЧ,
доктор филологических наук

Гуманна ли гильотина? Представьте, что этот вопрос задан юному Робеспьеру. Вне всякого сомнения, он содрогнулся бы и ответил презрением. «Ничто на земле не стоит цены человеческой крови» — это слова эрменонвильского отшельника. Но оказалось, что без гильотины не обойтись. Только она может осчастливить людей. Есть нечто неизмеримо более важное, нежели струящаяся кровь. Это идеалы человеколюбия.

Не парадокс ли? Гильотина как радикальное средство справедливости. Муки и боль одного человека как досадная помеха на пути ко всеобщему счастью. Воспитание «новой личности» как преодоление изначальной человеческой природы.

Мы ищем выражение человеческого в наскальных рисунках, в иссохшем пергаменте, в величественной усыпальнице фараона. Заглядывая в глубь веков, спросим: содействует ли гуманизм человеколюбию? Вопрос кажется парадоксальным. Гуманизм по первому впечатлению — это и есть человеколюбие. Ответ напрашивается положительный и как бы не требует напряжения. Но ведь у истоков человечества — людоедство...

Жалость, сострадание к другому мы порою бездумно называем гуманизмом. Но ведь это, по мнению Артура Шопенгауэра, лишь элементарное нравственное чувство. От жалости еще далеко до осознанного человеколюбия.

Патриархальное общество с его культом рода. Смерти или страданий отдельного человека вообще никто не замечает. Язычество... Тот, кто сильнее других, может совершить убийство. Чувство личной вины еще не проявлялось. Кровная месть метила жертвы... Потом рабство... Костры инквизиции. Известный немецкий писатель замечает: средневековье вряд ли можно назвать жестоким. Палач, прежде чем отрубить голову приговоренного, просил у него прощения... Демонстрировал милосердие, угодное богу, но топор все-таки вздымал.

Что ни говори, гуманизм — примета нового времени. Но в той же мере, в какой и дегуманизация. Кровавые бойни, адские печи, пыточные подвалы. Усложняющаяся техника надругательства над телом и духом человека. Но разве только это?

А социальные эксперименты на живом теле общества? Проверка на человеческом материале многоликого безумия общественных реформаторов, равнодушных не только к слезе ребенка, но и к стонам миллионов?

Коли так, сколь бережно должны относиться мы к достижениям гуманизма, к реальным всплескам человеколюбия! Но, с другой стороны, гуманизм тоже нередко выглядит понятием нарицательным. Вы только подумайте: еще несколько десятилетий назад проекты создания «социализма с человеческим лицом» казались многим кощунственными, криминальными, идеологически порочными. Сколько было сказано изобличающих слов...

Осознать значимость гуманизма. Особенно в нашей стране, где еще полтора столетия назад можно было просто купить человека, надеть на него ярмо. Да что там века!.. Совсем недавно в Средней Азии не составляло труда превратить какого-нибудь бедолагу в раба, приковать к стене, сделать бессловесным животным. В нашей стране, где миллионы взошли на костер ради торжества идеи... Где десятилетиями взращивалось нечеловеческое... Кому, как не нам, прочувствовать уникальность человеколюбия? Утвердить гуманизм. Но неужели только путем возвращения слова?

Возвращение памяти загубленных. Изобличение сталинщины. Сооружение мемориала. Зазвучавшее свободное слово... Это ли не конкретные дела? Да, это вестники человеколюбия. Но стоит ли наделять высоким статусом гуманизма простейшие акты человеческого общежития? Если общество вспомнило об участи брошенных детей, это — проявление милосердия. Если назвало тирана палачом, стало быть, восторжествовала попранная справедливость. Заговорили об отмене смертной казни, стало быть, ужаснулись факту неценности жизни. Бросились на помощь армянским детям. Но ведь сострадание довлеет человеку... Все это только провозвестия возрождаемого гуманизма.

Гуманизм провозглашает человека высшей ценностью. Он исповедует человеколюбие. Но в какой мере его установки проникают в сознание людей? Становятся ли они жизненно-практическими ориентирами? Такая расшифровка будет, вероятно, неполной. Она сразу снимает проблему ответственности с самого гуманизма. Он, возможно, безупречен, пронизан человеколюбием. Но вот парадокс — люди не хотят следовать гуманистическим заветам. Не их ли это беда? Пусть сами и расплачиваются...

Однако если гуманизм непривлекателен, не рождает подвижнического воодушевления, значит, он в чем-то ущербен. Здесь и проступает ответственность. Время гуманисту оглянуться на себя: отчего опекаемая им паства не слушается пророка?

Но что означает это — «оглянуться на себя»? Платоновский инженер Вермо постоянно воображает «радостную участь человечества». Но он же размышляет, «сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела Босталоевой. Зачем строить крематории? — с грустью удивился инженер.— Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования».

Кто-то может усомниться: разве эти жуткие строчки имеют отношение к человеколюбию? Ведь это же сарказм писателя... Однако перечитаем сегодня партийные документы недавних десятилетий. Разве изобилие стройматериалов и оборудования, возникшее буквально на человеческих костях, не соотносится в них напрямую с «радостной участью человечества»?

На протяжении многих столетий человеколюбие оценивалось как непререкаемая ценность. Гуманисты нередко видели свою задачу в том, чтобы восславить человека. И от имени этой благородной цели предлагали различные социальные программы. Однако сам гуманизм был огорожен при этом неким розовым пунктиром. Не настало ли время проявить трезвость в его оценке?

Говорят, во всех бедах и злоключениях века виноваты идеи. Они совратили умы, породили фанатизм. Не относится ли это к гуманизму? Не правомерно ли поставить вопрос об исторической ответственности гуманизма? Ценность любой доктрины определяется не только тем, к чему она призывает. Следствия-то каковы? Вот почему представляется насущным стремление переформулировать гуманизм как проблему.

Парадоксальная вещь... Гуманистическая риторика пышно расцветает в тени тоталитарного государства. Оказывается, державная власть и не может реализовать себя, если перестает провозглашать человеколюбие.

Крематории для того, чтобы избавить «осчастливленное человечество» от ненужных. Проповедь фанатической ненависти к врагу ради вселенской любви. Печаль по человеку, чтобы плодить «хлам», «мученика из барака»... Невольно возникает подозрение: смогли бы тираны осуществить свои далекие и зловещие замыслы, не будь безоглядно-радостного доверия к гуманизму у самих масс?

Напомним еще раз: сталинские репрессии сопровождались углубленным «теоретическим» проникновением в суть гуманизма. Оказалось, что нельзя любить абстрактного человека. Нежности заслуживал только конкретный индивид. Те же, кого гноили в бараках, истязали в подземельях, превращали в опилки (напомним метафору из «Покаяния»), воспринимались как нечто «абстрактное». «Абстрактный», то есть лишенный классового гнева, гуманизм отвергался. Конкретный же взгляд на человека обнаруживал в нем вражескую сущность. «Человеколюбие» оборачивалось кошмаром злодеяний. Теоретическое размежевание «абстрактного» и «конкретного» гуманизма служило ширмой для кровавых расправ.

Вот и сегодня мы вновь вступаем в густую вязь гуманистической риторики. Это, на мой взгляд, опасный симптом. Журнал «Огонек» рассказал о тяжелейшем труде «хлопкорабов». Ведь это факт, что в среднеазиатских республиках люди стали рабами изнурительного ручного труда. А вот что говорит на сессии Верховного Совета СССР известный теперь в стране парламентарий. Он под аплодисменты заявил: «Журнал оскорбил хлопкоробов, которые никогда не были рабами и ими не будут». Вот, оказывается, как легко быть гуманистом. Рефлекс выработался на то, чтобы «восславить человека».

Не надо его славить. Не надо подхватывать естественное проявление человеческих чувств как «наглядное воплощение» уже утвердившегося гуманизма. Надо осознать: наше общество нельзя называть гуманным. Нам еще предстоит мучительный процесс продвижения к человеколюбию, к восстановлению попранных прав личности. А что может помешать? Прежде всего, видимо, привычное проторение псевдогуманистической лексики, сладчайших манифестов...

Я предложил одному московскому издательству заявку на подготовку книги о гуманизме. Через несколько месяцев меня пригласили в редакцию. «Мы получили,— сказали мне,— два неблагоприятных отзыва на вашу заявку». Читаю: «Автор пытается возродить давно отвергнутые платформы социализма с человеческим лицом», «игнорирует тот факт, что наш гуманизм — самый действенный, самый реальный...», «в заявке не отмечается огромное значение...»

Заведующая редакцией увещевает меня: «Ведь вы же диалектик... Покажите, что бесчеловечность преходяща...» Я бы рад от всей души сделать так, чтобы было свято... Но разве социальные недуги лечат заклинаниями? Неужели гуманизм — это благопожелание, а не проблема? Итак, объявил возрождение утраченных ценностей, и начнется восхитительный процесс гуманизации общества... Произнес магическое слово, и все реальные проблемы как бы исчезли... Жива еще, что и говорить, острота, демонстрирующая «наши принципы»: «при капитализме имеется эксплуатация человека человеком, при социализме все наоборот...»

Будь моя воля, я бы наложил временный мораторий на слово «гуманизм». Да разве может быть иначе в стране, где страх, насилие и репрессии были возведены в ранг государственной политики? Где отвергались общечеловеческие чувства... Где отречение от матери, отца или брата оценивалось как нравственный долг...

Процесс воскрешения начнется только тогда, когда мы в полной мере ужаснемся содеянному. Но ведь мы все еще по инерции относим факты ужасающей растленности, рожденные современным состоянием общества, к отдельным, нетипичным примерам уголовной практики. Сын в пьяном угаре задушил мать. Дочь забыла на стойке пивной урну с прахом родительницы. Молодая женщина, родив ребенка, отправляет его в мусоропровод и присоединяется к веселой компании. Мужчина насилует и убивает трехлетнего младенца...

Лавинообразно нарастает преступность. И уже раздаются голоса о наложении карающей длани. Но поможет ли скорая расправа самому обществу, массовая психология и сознание которого поражены вирусом бесчеловечности? Железнодорожная авария в Башкирии... Бодрые казенные рапорты: движение восстановлено. Но шпалы уложили прямо на человеческие останки. Чьи руки трудились на насыпи? Чей изворотливый ум подсказал: можно прикинуться родственником погибшего, получить компенсацию, а урну с прахом оставить в кустах?..

Нам предстоит осваивать азы человеколюбия. Думать о людях, которые находятся за чертой бедности. Размышлять о том, почему наша страна занимает первое место по количеству абортов. Заботиться о детях, у которых нет родителей. Восстановить в правах понимание живого человека, о котором мы имеем весьма отвлеченное и нередко извращенное представление.

Так, может быть, удастся утвердить в обществе некие новые традиции? Кое-кто называет их традициями политической духовности. Не пора ли заново вырабатывать идеологию гуманности? Но не возвращает ли это нас к стилистике прошлого? Как раз на словесном уровне у нас полное благополучие. Человек у нас зазвучал... Возьмите в руки хотя бы новую Программу КПСС. Вы найдете там слова о благосостоянии, о духовно богатой личности, о гармоничном развитии. Вы также узнаете, что у нас господствует подлинно гуманистическая идеология. Но там нет ничего об отчуждении труда, власти, собственности. Разумеется, не составит затруднений вписать в хартию гуманизма возвышенные параграфы. Будет ли полновесным сам гуманизм?

Гуманизация нашего общества, согласитесь, может начаться с возвращения человеку того, что у него было отобрано. Право распоряжаться собой, своей жизнью, своим трудом, отвоеванной землей. Возрождение гуманизма — это процесс. Судьбы его — в социальной практике...

Сколько сарказма извели наши публицисты по поводу лондонского Гайд-парка! Не забавно ли — человек встает на картонный ящик и начинает вещать о вселенских проблемах. Тут же и слушатели — тоже случайные пророки. Но ведь это такое естественное право человека — быть для самого себя мудрецом, высказываться по вопросам, которые выходят за узкий горизонт собственного существования.

Да, политические процессы в нашей стране развиваются сейчас предельно динамично. Нельзя недооценивать значение гласности, начавшейся демократизации. Но как недалеко мы ушли от авторитарных методов, от командных замашек. И потом эта стремительность. Масса новых решений, законодательный бум... Люди не успевают обсудить, обдумать. Не следует торопить события, если люди не успели выговориться. Это, кстати, мысль Ленина. И опять-таки демократия измеряется не числом публикаций, не обилием политических институтов и даже не развитием парламентаризма, а реальным мироощущением человека. Чувствует ли он, конкретный индивид, что он не пешка, как это подчеркивает один из персонажей пьесы Гельмана «Премия», что от него что-то зависит... Гуманизм — это возвращение человеку политической суверенности, свободы.

Но можно ли считать свободу абсолютной ценностью? Издревле человека, который стремился обрести свободу, казнили, подвергали изощренным пыткам, предавали проклятию. Но никакие кары и преследования не могли погасить свободомыслие. Сладкий миг свободы нередко оценивался дороже жизни... На алтарь свободы легли бесчисленные жертвы. Так, может быть, история человечества и есть дорога к свободе, мучительный путь освобождения от оков?

Однако история подтверждает не только истину свободы. Она полна примеров добровольного закабаления, красноречивых иллюстраций психологии подчинения. Великие инквизиторы и диктаторы основывали свои системы власти как раз на предпосылке, что люди бегут от свободы...

Не вырабатывается ли на протяжении веков инстинктивный импульс, парализующий волю человека, его спонтанные побуждения? Напротив, мы проходим, как мне кажется, мимо важнейшего исторического урока современности. Пора, по-видимому, в полной мере открыто и по возможности всеобъемлюще разобраться в нем. Я говорю о тщете тиранических режимов, «сильной руки».

Сталинщина показала, что деспотизм вообще обречен и бесперспективен. Ничего нельзя построить на человеческих жертвах, на беззастенчивой эксплуатации человеческого материала... Ведь это факт, что никакая самая изощренная тирания, на какой бы разветвленный аппарат насилия она ни опиралась, не способна загнать человека в тупик...

Не означает ли это, что провозвестия Замятина и Оруэлла оказались излишне трагедизированными? Нет, их предостережения были эффективными. И прав немецкий философ К. Ясперс, который полагал, что человечество ни-

когда не знало и, к счастью, никогда не узнает такой ситуации, когда возможен тотальный надзор за человеком... Я обращаю эти слова к тем, кто сегодня тоскует по временам жесткой диктатуры, кто рассчитывает силовыми методами принудить человека бежать за прогрессом.

Деспотия действительно обнаружила свою ущербность. Но это вовсе не означает, что исторический урок воспринят адекватно. Не исключены рецидивы прошлого. В рождающемся информационном обществе могут вновь возродиться тиранические сюжеты, иллюзии тотальной власти над человеком. «Это жутко, когда можно, нажав кнопку, выяснить о человеке в течение нескольких секунд все, включая сумму денег на его счете в банке. И многие еще не поняли, что это погубит свободу, которой они так гордятся». Это слова писателя Саши Соколова. Нам, разумеется, еще далеко до тотальной компьютеризации. Но свобода а не меньшей опасности. Велик соблазн унять незапланированные, стихийные действия традиционными методами — силой...

Один из уроков, который дает нам история революции, состоит в том, что попытки радикальной и быстрой смены старого порядка неизбежно сопряжены с опасностью невольной подмены цели средствами. В обществе рождается множество «несвобод», а гильотина оценивается как самое надежное средство ускорения прогресса. В горячечном бреду насилия она воспринимается как безотказный способ «гуманизации» общества.

Верно ли, что всякое философское постижение человека неотвратимо превращается в критическую теорию? Это надо, видимо, понимать так: рассуждая о человеке, нельзя не критиковать общество, в котором он живет. Более того, изобличительный пафос тем глубже, чем дальше продвигаемся мы в собственно человеческие проблемы. Такую точку зрения излагают некоторые советские философы, например, В. И. Межуев.

Человек как историческое существо постоянно развивается. Изучать человека — это значит подвергать критике наличную социальную ситуацию. Но ведь именно общество позволяет индивиду реализовать свои потенции. Социальность не враждебна человеку. Она благотворно влияет на многие его черты, формы жизнедеятельности. Вне общества человек не может себя раскрыть. Нет, пожалуй, не всякое знание о человеке — знание критическое...

Но давайте разберемся. Ведь эта мысль, по существу, восходит к Марксу. Движение истории он рассматривал как процесс очеловечения человека.

Теперь, когда человечество прошло через опыт массовых насильственных расправ, через практику чудовищных экспериментов с человеческим материалом, можно сказать без преувеличения: история — это также процесс расчеловечивания человека.

Социализм как идея тем и привлекателен, что он восстанавливает в правах гуманизм. Мы за эти десятилетия целиком вытравили из марксизма всякое человеколюбие. Но разве идея несет ответственность за то, что ее искажают? Можно ли изобличать гуманизм, если присущее ему содержание извращено, обессмыслено, превращено в свою противоположность? Может быть, вслед за Фейербахом можно назвать это «призрачной человечностью»? Не гуманизм, а его призрак?

Но как провести различие между гуманизмом истинным и ложным? Никто не собирается подвергать сомнению благородные устремления Эразма или тревогу Рассела за спасение человечества. Однако это вовсе не означает, что каждый, кто печется о благе человечества, должен вызывать сочувствие и доверие. Можно, например, считать, что великие немецкие идеалисты — Фихте, Кант, Гегель — стремились раскрыть тайны одухотворенной мысли. Но вот «новые философы» во Франции предъявили им счет. По их мнению, немецких ученых обуревала жажда познания и власти. Они-то и породили современный идеологический диктат, принесший такие издержки...

В истории духовной мысли важно не только то, что ты провозглашаешь. Каковы, однако, при этом твои цели? Осознанные или стихийные. К чему, наконец, приводят провозглашенные тобою манифесты? Нельзя, одним словом, ценить доктрину только за то, что в ней провозглашается любовь к человеку. Оценивая конкретную форму гуманизма, мы не должны впадать в славословие, в бездумный экстаз... Между тем уже наметилась опасная тенденция. Мы изо всех сил стремимся объявить наш гуманизм особенным, исключительным, самым последовательным...

Немецкий философ М. Хайдеггер в «Письме о гуманизме» подчеркнул: чтобы оценивать ту или иную форму гуманизма, надо прежде всего понять природу человека, его сущность. Иначе и на самом деле можно принуждать человека ко злу под видом блага. Как можно, не понимая предназначения человека, исповедовать гуманизм? — спрашивал Хайдеггер. Но ведь именно в философском осмыслении человека у нас разительное отставание. Мы воспринимали его как некую абстрактную точку различных социальных пересечений. Только сейчас возвращаемся к философской антропологии, которая бурно развивалась на Западе все эти годы. Жертвенное, слепое служение истории, о котором так пылко мы говорили многие десятилетия, тоже украшалось цветами человеколюбия. Но разве миссия человека в том, чтобы взойти на костер истории?

■

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Совсем недавно была трагическая годовщина армянского землетрясения. Кто-то продолжает оплакивать родных и близких, кто-то уж и забыл о том, как год назад мы все были охвачены состраданием и скорбью, старались всем миром помочь, утешить, спасти. Делали это действительно всем миром — ежедневно поступали сообщения о денежных пожертвованиях, медицинской помощи, продовольственных транспортах, которые направляли в Армению люди из всех стран мира.

Сейчас западная пресса вновь переполнена сообщениями об Армении. Но речь идет уже не столько о страданиях бездомных и искалеченных людей, сколько о том, как странно и непонятно обходятся с пожертвованными деньгами те неизвестные распорядители, в руки которых эти деньги отданы.

О том, что в первое время после землетрясения в Армении царили неразбериха, коррупция, неразворотливость, хорошо известно из наших внутренних сообщений. Но почему-то ни пресса, ни телевидение, ни депутаты Верховного Совета не обращают внимания на то, о чем во весь голос говорят на Западе: пожертвованные немалые деньги сгинули в «черную дыру». Никто не счел нужным отчитаться перед народом и перед миром: сколько всего средств в иностранной валюте было пожертвовано? Кто является распорядителем валютного счета? Кто его контролирует? Почему нет никаких отчетов о том, на что конкретно тратятся эти миллионы марок, фунтов, долларов, франков?

Не принято в цивилизованном мире поступать так, как ничтоже сумняшеся с нами испокон веков поступает большое и малое начальство. Никому ни разу и в голову не пришло отчитаться перед народом за пожертвования в фонд помощи Чернобылю. Видимо, власти взяли на вооружение позицию, прославленную в фольклоре и в карикатурах: «Ты что, меня не уважаешь?» И никто не вспоминает другую мудрость: «Не плюй в колодец...»

Недавно промелькнуло сообщение из Донбасса: стачечные комитеты с боем вырвали у обкомов суммы, поступившие в фонд помощи участникам забастовки от западных рабочих, поддержавших таким образом их справедливую борьбу. Почему обкомы любезно согласились оформить на себя валютные счета солидарности — особый вопрос. Но у бастующих рабочих был по крайней мере конкретный адресат, с которого они и спросили со всей присущей рабочему классу нелицеприятностью и строгостью. А кто ответит за деньги, перечисленные Армении? За все эти астрономические суммы, по поводу которых народ шутил: «Ну, на такие деньги коммунизм построить можно!» На коммунизме никто не настаивает, но деньги-то где?

Трудно приходится сейчас тем, кто работает переводчиком или общается с иностранными друзьями. До бюрократии, как водится, волны не докатываются. А нам все чаще приходится оказываться лицом к лицу с людьми, еще недавно преисполненными симпатии и дружелюбия, а ныне, не в силах себя сдержать, гневно вопрошающими: «Мы вам не верим! Где деньги?!»

Лариса ЛИСЮТКИНА,
кандидат философских наук,
член международной инициативной
группы помощи Армении
Москва

Так получилось, что я одновременно прочла статью Г. Ханина «Как скончался нэп» («Родина», 1989, № 7) и воспоминания Б. Бажанова («Знание — сила», 1989, №№ 7, 8). В статье Г. Ханина подробно описываются все сложности нэпа, в частности и «кризис сбыта» 1923 года.

А из воспоминаний Б. Бажанова видно, что у партийного руководства того времени головы были заняты другим — «революционной войной» в Германии. И людей туда отправляли, и коммунистов-немцев мобилизовывали, и финансировали из «коммерческих фондов Госбанка, депозированных в Берлине для коммерческих операций». Помнится, что в это же время были «революционные войны» в Эстонии, в Болгарии. Мне очень интересно, сколько денег, «депозированных для коммерческих операций», ушло на цели, не связанные с экономикой.

Ведь финансирование революции в Германии, мне кажется, нельзя считать коммерческой операцией. Как такие расходы отражались, например, в бюджете?

Может быть, эти деньги и дома бы пригодились и не было бы такого острого «кризиса сбыта»?

1923 год — это только начало. Очень интересно узнать, как в дальнейшем финансировались операции, вроде убийств И. Рейсса, Л. Троцкого, сколько было потрачено на революцию в Китае (хотя бы узнать, кто платил советникам).

И, конечно, интересно знать, существует ли сейчас такая статья расходов в нашем государственном бюджете. Очень бы хотелось прочесть в вашем журнале о связи экономики и внешней политики, о том, как финансирование «революционных войн» отражалось на бюджете СССР.

Татьяна КЛУБКОВА
Душанбе

Положив в основу будущего рая на земле коллектив, марксизм утратил, по-моему, интерес к личности, к условиям ее развития и основаниям ее независимости. Вся энергия мысли оказалась сконцентрированной на способах самоустроения общественной жизни, на изобретении новых форм социальной жизни. При этом марксизм не только принизил представление о роли человека, о изобретательстве и изобретении, как основных источниках развития, но и отринул заботу о тех условиях, которые способствуют расцвету изобретательности, стимулируют творческую активность человека, благоприятствуют самораскрытию личности.

«Небольшая» теоретическая ошибка обернулась массовыми трагедиями и катастрофами. Утопия бесконфликтного общественного устройства обернулась невиданной эскалацией насилий, ростом озлобления и отчуждения. Политика геноцида стала, как мне кажется, спутником попыток реализации «передового учения», а усилия по форсированному развитию хозяйства послужили почвой для возрождения худших вариантов государственного крепостничества. В конечном итоге ошибки догматического марксизма обернулись для России (и ряда других стран) отходом от цивилизации, переходом от эволюции (движения вверх, к большей сложности и жизнестойкости) к инволюции (движению вниз, к распаду и уничтожению).

Сейчас мы пытаемся отойти от края пропасти. Лозунгом дня (уже 4,5 года) стал переход от административного хозяйствования к рыночной организации экономики. Но можно ли совершить это изменение, не изменяясь в главном — в отрицании системы частной собственности? Многие наши ученые утверждают: да, можно. Мы создадим социалистический рынок, говорят они. И в основе этого рынка будет система коллективной собственности на средства производства. Арендные и кооперативные коллективы должны принять знамя социалистического строительства из уставших рук министерств и ведомств. На этом пути мы объединим рыночное процветание и социалистическую благодать, западную технологию изобилия и национальное своеобразие. Но исследовался ли когда-либо у нас вопрос о пригодности арендных и кооперативных предприятий на роль основной формы собственности? Боюсь, что нет.

Припомним-ка, что нам говорит мировой исторический опыт о возможностях и перспективах арендаторского хозяйства — семейного или коллективного? Арендаторство было широко распространено в императорском Риме, в средневековой Европе. И вот о чем неоспоримо свидетельствует мировой опыт. Первое: краткосрочная и среднесрочная аренда разорительны для земли и неблагоприятны для общества в целом. Арендатор, не имеющий уверенности в том, что земля (именно этот кусок, именно этот участок) перейдет к сыну, внукам и правнукам, не будет себя вести как настоящий хозяин. Он неизбежно становится для земли хищником, истощает ее для получения наибольших краткосрочных выгод и уходит в поисках стабильной перспективы. И с моральной точки зрения такой человек достоин оправдания: он единственный отвечает за благополучие своей семьи. Он должен предвидеть будущее и в игре по предложенным правилам не остаться в убытке. Итог: аренда на срок менее 50 лет, не гарантирующая наследования земли, не выход из общеэкономического кризиса. Такой способ хозяйствования опасен для будущего страны.

Второе: долгосрочная аренда с правом наследования хозяйства как будто лишена основных недостатков предыдущего варианта, но и она содержит зерна нелегких соци-

альных и экономических конфликтов между арендаторами и владельцами земли, в нашем случае — с представителями государства. Источник конфликта — неравномерное изменение ценности денег (арендная плата) и производительности земли. С точки зрения арендаторов наилучшим случаем является такой, когда величина арендной платы фиксирована обычаем или законом. В этом случае арендаторы имеют свободу вкладывать большие средства и труд в улучшение земли, в хозяйственное обустройство, в дороги и т. п. Но в периоды инфляционного обесценивания денег (каково наше время, и каким было позднее средневековье) фиксированность денежной арендной платы ведет к обнищанию землевладельцев. В средние века результатом обесценивания денежной арендной платы стали в некоторых странах, в том числе в Германии и России, переход к барщине и закрепощение крестьянства. Конечным историческим результатом арендаторства стали крестьянские войны и развитие полицейской монархии, т. е. исторический тупик, выход из которого был найден в «переходе к капитализму», точнее — к вольному крестьянскому хозяйству.

В средние века эти процессы растянулись на столетия с XV века по XVII век — по причине медленности инфляционных процессов и сравнительной слабости товарно-денежного хозяйства. Кризисное развитие отношений с новыми ленд-лордами пойдет намного быстрее. Даже при умеренной инфляции, например, в 5 процентов в год, покупательная способность арендной платы сократится вдвое всего за 14 лет.

Легко понять, что в промышленности отношения между арендатором или коллективом арендаторов и собственником средств производства должны оказаться еще более проблематичными. Вот что, например, писал о производственных кооперативах известный экономист М. И. Туган-Барановский: «Самая слабая сторона артели заключается в ее коммерческих операциях, и чем примитивнее хозяйственный строй страны, тем легче в ней удаются артели, особенно в добывающей промышленности, в которой требуется наименьшая затрата капитала... Вот почему у нас в России встречаются артели в рыболовных промыслах, охотничьих, в горном деле, например, по разработке камня, добыче разного рода руд, золота и пр.».

Если кому-либо свидетельство М. И. Туган-Барановского покажется недостаточно убедительным, стоит задуматься о причинах, которые помешали развитию коллективных форм собственности в развитых промышленных странах.

По данным 1987 года во всем мире (несоциалистическом) в производственных кооперативах (артелях) было занято 5,5 миллиона человек, что составляет менее 2 процентов общей занятости. И это при том, что даже в странах с наиболее успешным кооперативным сектором (в Скандинавских странах, во Франции, Испании, Италии) их коммерческое процветание поддерживается мощными налоговыми привилегиями. Но и при всех льготах, включающих (кроме налоговых послаблений) техническое и коммерческое обслуживание государственными агентствами (т. е. опять-таки за счет налогоплательщика), кооперативы не выказывают способности к росту. Трудности те же, что отмечались исследователями еще в начале нашего века: слабость капиталообразования и малоквалифицированность коммерческого и технического руководства. Особенно любопытна такая деталь: кооператоры всегда и везде склонны скорее потреблять доходы, чем накапливать их. Коллективная воля явно проигрывает в этом отношении воле индивидуального владельца (а вместе с ней проигрывает и все народное хозяйство).

Могут возразить, что в нашей стране в последние годы коллективы кооператоров и арендаторов дали образцы как раз замечательно производительного и прибыльного труда и что, может быть, в нашей стране благоприятны именно эти формы хозяйствования. Думаю, что дело в ином. Во-первых, отличная эффективность наших кооператоров и арендаторов определяется двумя факторами: «низкий старт», т. е. поразительно «благоприятные» экономические условия в стране,— и — работа в среде (и на фоне) государственных и колхозно-совхозных предприятий. При таких начальных «преимуществах» даже наведение элементарного порядка дает замечательные результаты. Во-вторых, лучшие наши кооперативы и арендные коллективы вовсе не кооперативы по своему внутреннему устройству. Вы не найдете в них ни выборности руководства, ни соответственно равенства прав у кооператоров. Даже в тех случаях, когда (как это происходит в больших строительных кооперативах) все работники имеют статус члена кооператива, фактически большинство — обычные наемные работники. Их нанимают на работу, когда растет потребность в рабочей силе, и увольняют, когда сужается фронт работы. Эти кооперативы мгновенно избавляются от неспособных работников, чего просто не может быть в случае действительного кооператива. О равенстве вознаграждения в таких кооперативах тоже речи не идет. Фактически вся власть в них принадлежит небольшой группе (1—3 человека) инициаторов, умеющих устанавливать связи с работниками хозяйственного и государственного аппарата (получение кредита, покупка техники, получение заказов и т. п). От обычного частного предприятия такие кооперативы отличаются только беззаботностью в деле накопления. И это понятно. Права собственности в таких организациях размыты, перспективы всегда в тумане. Разумно ли в таких условиях накапливать?

По мере наведения порядка в хозяйстве, сокращения числа убыточных предприятий относительные достоинства кооперативных и арендных предприятий померкнут. Ведь эти преимущества суть всего лишь отражение бедственного положения всего хозяйства. Единственное, что останется: слабость капиталообразования, как непременный спутник слабости коллективной воли.

Не придется ли нам в будущем для стимулирования накоплений устанавливать законом долю средств, предназначенных для инвестиционных фондов? Придется. Следом возникнет нужда и в усилении системы контроля, в умножении указов и подзаконных актов, которые бы затыкали щели утечки инвестиционных фондов. А кончится, скорее всего, полной национализацией кооперативных предприятий. Так стоит ли для такой перспективы огород городить?

Наконец-то надо понять, что с идеей отказа от частной собственности в пользу государственной и общественной некогда связывалось представление о быстром росте благосостояния. За последние 70 лет нам была дана возможность убедиться, что эксплуатация труда на госпредприятиях выглядит, как правило, менее привлекательно и вознаграждается много хуже, чем в частнособственнической промышленности. Не пора ли сделать вывод из этого ясного факта? В конце концов перспектива борьбы с общим кризисом перепроизводства куда привлекательнее, чем вечные дефициты и перманентный кризис недопроизводства.

Борис ПИНСКЕР,
кандидат экономических наук
Москва

ОТ РЕДАКЦИИ. В дополнение к публикации писем русского писателя М. А. Осоргина («Письма к старому другу в Москве». «Родина», 1989, № 4) сообщаем, что полный их текст был впервые помещен во французском журнале «Cahiers du Monde Russe et Sovietique», vol. XXV (2—3), 1984.

В «Родине» письма Осоргина публиковались в сокращенном варианте не по цензурным, а по техническим причинам. Сокращения не были согласованы с живущей в Париже вдовой писателя Т. А. Осоргиной, в чем мы приносим ей свои извинения.

Алла НАЗИМОВА, Виктор ШЕЙНИС

ПОКА НЕ УПАЛ ФЛАЖОК

Консерватизм общественного сознания часто проявляется в том, что, вступая на неизведанные исторические пути, люди одевают события в костюмы предшествующей героической эпохи и осмысливают свои сегодняшние задачи на языке вчерашних или даже позавчерашних, не осуществившихся, но не потерявших своей привлекательности лозунгов. К. Маркс хорошо показал, как французские революционеры 1848 года говорили на языке Великой революции 1789 года. В нашей истории 1917 год был не менее глубоким историческим рубежом, и не случайно в процессах социального обновления, развернувшихся с середины 80-х годов, многие теоретики, публицисты и политики увидели «возвращение к истокам», к Ленину, к предоктябрьским и октябрьским идеалам.

В их ряду — девиз «Вся власть — Советам!», который обрел как бы второе дыхание в избирательной кампании 1989 года. Нет необходимости отказываться от слов-символов, если они пустили глубокие корни в общественном сознании, но надо отдавать отчет в том, о каких политических структурах идет речь. В 1917 году, когда Советы жестко противополагались парламентским учреждениям, быть может, еще можно было добросовестно разделять иллюзию, что Советы, органы «прямого народоправства», не признающего разделения властей, сформированные на основе невсеобщего, неравного, непрямого избирательного права открытым голосованием,— высший тип демократии. Исторический опыт, нам думается, показал, что отличия советской системы от парламентарной в то время, когда Советы еще располагали известной властью — не всей, разумеется, таковой у них не было никогда,— во многом предопределили сползание страны к тоталитаризму.

Сегодня мы должны четко представлять, идем ли мы вперед, к одному из универсальных созданий мировой цивилизации — парламенту, даже если он и будет носить у нас имя, возбуждающее романтические воспоминания, или хотим создать нечто, с парламентаризмом имеющее мало общего.

Ирония истории: именно когда Советы окончательно стали чисто декоративной структурой, своего рода «вокзальными пальмами», самое большее — «приводами и рычагами», как однажды определил их роль Сталин, им были возвращены некоторые формальные атрибуты парламента и муниципалитетов, а система Советов объявлена высшим типом парламентаризма. На самом деле роль Советов оставалась довольно жалкой. Прежний Верховный Совет был встроен в социальную систему, в которой не столько законодательство, сколько партийно-государственная практика и общий уровень политической культуры общества предопределяли его недееспособность. Под отведенную ему роль подбирал и назначал депутатов всемогущий аппарат, оформляя свои решения посредством отработанной псевдоизбирательной процедуры. Верховный Совет не избирался — он тщательно конструировался из предварительно подогнанных кубиков. Смогут ли новые высшие органы государственной власти, возникшие на первом этапе политической реформы, дать старт парламентаризму и открыть новую эпоху в истории нашей страны?

В результате выборов Съезда и Верховного Совета **серьезно поколеблен**, хотя и не полностью преодолен **номенклатурно-разнарядочный принцип** формирования этих органов, без чего о восстановлении власти Советов в нашей стране, не говоря уже о парламентаризме, не могло быть и речи. Но для ответа на главный вопрос: сложились ли к весне 1989 года предпосылки для перехода власти к Съезду, избранному народом на всеобщих выборах, необходимо дать себе отчет, во-первых, в том, в какой мере готовы уступить власть те партийные и государственные институты, которые ею до сих пор безраздельно владели, и, во-вторых, готов ли Съезд повести борьбу за власть, стать если не де-юре, то хотя бы де-факто Учредительным собранием?

Известен довод: партия начала перестройку, и только партия может довести ее до конца. И то, и другое утверждение преднамеренно или непреднамеренно затемняет суть проблемы, ибо партия давно уже — очень сложный политический и социальный конгломерат, разные части которого думают и действуют по-разному, занимают разные позиции в обществе. На память сразу приходит оруэлловский образ: «внутренняя» и «внешняя» партии. Но и он уже не отражает расчленения ни той, ни другой части партии.

Когда-то Пушкин сказал: «...правительство все еще единственный европеец в России». В первые годы перестройки высшее политическое руководство было у нас если не единственной, то главной моторной силой общественных изменений в стране. Вещи надо называть своими именами: именно оно, а не вся партия и тем более не ее номенклатура, начало перестройку. Гарантом перестройки была не партия — ее официальные структуры были приспособлены лишь к «единодушному одобрению» решений руководства, каковы бы они ни были,— а, во всяком случае, до недавнего времени, счастливо складывавшееся, хотя, вероятно, и не раз подвергавшееся испытаниям соотношение сил в пользу М. С. Горбачева и его сторонников.

В прошлые времена высшее политическое руководство было лишь верхушкой и распорядителем партийного и государственного аппарата. Оно обладало, как однажды справедливо отметил И. Клямкин, безграничными полномочиями для поддержания того, что есть, и не имело решительно никаких полномочий для серьезных изменений. Начав действительные изменения, новое руководство оказалось в сложных отношениях с весьма обширным слоем партийно-государственного аппарата, политические воззрения которого формировались в годы так называемого застоя и даже раньше. Необходимость каких-то перемен к середине 80-х годов в большей или меньшей степени осознавали все. Но чем определеннее высшее руководство формулировало цели перестройки и чем выше поднимались волны «низовой» инициативы, тем отчетливее заявляли о себе консервативно-охранительные силы, вовсе не намеренные расставаться со своими привилегиями и главной из них — на свою долю власти. Похоже, что и высшее руководство (или, по меньшей мере, его наиболее доверенные лица, которые наделены правом принимать ответственные политические решения) не всегда остается устойчивым перед этим давлением. Снова и снова появляются призраки реставрации прежнего порядка — то в виде идеологического прессинга в защиту известных «принципов», то в виде поразительных указов, то в виде мобильных карательных подразделений,

возникающих, как из-под земли, в Минске, Ереване, Тбилиси. Видимо, возможности высшего руководства продолжать курс на глубокие реформы, используя многократно испытанные в прошлом механизмы и опираясь на безусловную лояльность номенклатурного «актива», подходят к критическому пределу.

Не менее глубокие изменения произошли и во «внешней партии». Перестройка выдвинула свой партийный и беспартийный актив. Силы, которые вначале выступали лишь как эшелон поддержки прогрессивных решений центральной власти, постоянно обретали собственный политический опыт. На волне нарастающей политизации в стране начали формироваться подлинные, а не аппаратно-декоративные «блоки коммунистов и беспартийных», отнюдь не объемлющие целиком тех и других, но доказавшие свое влияние.

В Верховном Совете прежних созывов партия была представлена прежде всего своими центральными органами — ЦК и ЦРК, которые были практически полностью влиты в его состав. Им принадлежало около трети депутатских мандатов. В 1989 году на Съезд народных депутатов были избраны 108 из 251 члена ЦК (42 процента), 29 из 109 кандидатов (27 процентов) и 22 члена ЦРК (31 процент). Таким образом, в составе Съезда высший эшелон партийного руководства владеет лишь около 7 процентов мандатов. В Верховном Совете ему принадлежит 41 мандат (24 члена, 6 кандидатов ЦК и 11 членов ЦРК), или менее 8 процентов.

Однако влияние руководящих партийных органов в государственной системе определяется далеко не их численным представительством. Уже в ходе избирательной кампании возник вопрос, постановка которого привычна в парламентских системах Запада и была бы совершенно непредставима у нас еще в недавнем прошлом: чем в первую очередь должно определяться поведение депутата — партийными решениями и дисциплиной или волей избирателей? Депутат А. Емельянов ответил однозначно: «Народ выше партии. Наш Съезд выше съезда партии. Верховный Совет выше Центрального Комитета партии, Конституция выше Устава партии. Партия функционирует в рамках Конституции, разработанной представителями народа. И это определяет наши приоритеты. Прежде всего каждый из нас депутат, а потом уже член партии».

Эта позиция, конечно, решительно порывает со всей нашей практикой вчерашнего и даже сегодняшнего дня, при которой не только все принципиальные вопросы решаются высшими партийными органами, но во власти ЦК — предписать своему члену воздержаться от выдвижения своей кандидатуры на политический пост, как это было с Б. Ельциным.

Правомерность партийной власти обосновывают по принципу — так везде: в любой, самой демократической системе власть достается партии, победившей на выборах; партийные инстанции направляют деятельность депутатов, которые при их поддержке прошли в парламент и т. д. Наша ситуация, однако, совершенно иная. И дело не только в том, что монополия власти закреплена за партией статьей 6 Конституции, что она и по закону, и по пронизавшему всю нашу жизнь «обычному праву» стоит над государством. В самой партии основные политические решения принимаются, до сих пор на недемократической основе, не партией — в лучшем случае ее лишь призывают одобрить принятые решения,— а от имени партии ее верхними инстанциями.

Между тем верхушке административного корпуса партии избиратели, в том числе коммунисты, во многих центрах страны недвусмысленно выразили недоверие. Известно, что лишь 10 процентов граждан, опрошенных социологами накануне первого Съезда народных депутатов, высказались за то, чтобы оставить власть в руках партийного и правительственного аппарата. Демократизация в партии, как было уже официально признано, идет медленнее, чем в стране. При таких обстоятельствах считать, что ЦК, избранный в начале 1986 года, на заре перестройки, даже после корректировки его состава на апрельском Пленуме 1989 года, адекватно отражает соотношение сил в партии — достаточно произвольное допущение.

Принято решение созвать очередной XXVIII съезд партии в более ранний срок — в октябре 1990 года. Но пока действует антидемократическая процедура, позволяющая аппарату регулировать состав выборных партийных органов, пока в общепартийной дискуссии не конституируются основные политические платформы и не выявится степень их поддержки в партии,— трудно ожидать, что съезд даст действительное продвижение по пути демократизации. Велика опасность, что без этой предварительной работы съезд поможет консолидации консервативных сил, подвергнет серьезному испытанию доминирующее положение реформаторов в Политбюро и не захочет слушать доводы демократического меньшинства, как это было и на XIX партконференции, и на Съезде народных депутатов. Более того, не может быть уверенности в том, что даже относительно свободные выборы в партии дадут на ее ближайшем съезде соотношение сил, более благоприятное для решительной демократизации, чем на Съезде народных депутатов.

Зона, открытая не только для критики, но и для общественной инициативы, после Съезда народных депутатов заметно расширилась. Но пока еще очень слабо затронуто главное — монополия политической власти самоназначаемой номенклатуры. Ее нельзя ликвидировать с ходу, декретом. Ее можно ограничить рядом хорошо продуманных законоположений и персональных назначений. Препятствуют этому и организационная слабость, и неопытность демократов, и многолетняя политическая инерция, позволяющая консерваторам располагать голосами большинства депутатов как своими собственными, и — быть может, главное — стратегический курс высшего руководства, проложенный «правее центра». Благодушная формула: «мы только учимся демократии» противоестественно соединяет, топит в безбрежном «мы», кроме широких масс народа, которые ускоренным образом и с неодинаковым успехом действительно проходят школу демократии, тех, кто отлично знаком с принципами демократии, но не в состоянии их реализовать, тех, кто никакой демократии учиться не хочет и не будет, для кого «учеба» — лишь формула прикрытия антидемократических амбиций, и тех, кто, располагая серьезными возможностями, по тем или иным соображениям руководствуется формулой: «поспешай медленно». Между тем давно известно, что в критических ситуациях отказ от решений может сильнее повлиять на развитие событий, чем самые резкие решения.

Можно лишь строить гипотезы, почему высшее политическое руководство и его лидер — которому, как это не раз говорилось, нет альтернативы,— оказались несколько «правее» центра. Опасаются ли М. Горбачев и его окружение лишиться поддержки того социального слоя, из которого они вышли? Или сказывается раздражение против непочтительной активности «левых», против «митингового начала»? Но ведь М. Горбачев — слишком искусный политик, чтобы поддаваться эмоциям или переоценивать свою зависимость от партийных инстанций, особенно теперь, когда его власть получила — и не могла не получить — внушительную легитимизацию. Вероятно, высшее политическое руководство сочло преждевременным форсировать процесс передачи власти, перебазирования центра ее тяжести со старых, номенклатурных,— на действительно выборные органы.

Ускорением перехода пожертвовали, как это уже делали не раз, во имя поддержания политической стабильности. «Мы должны считаться и с прогрессивно, и с традиционно мыслящими членами общества, в противном случае неизбежно противостояние со всеми вытекающими тяжелыми последствиями»,— заявил А. И. Лукьянов («Известия» № 176, 1989 г.). Но противостояние уже реально существует, и ослабить его «тяжелые последствия» нельзя торможением процесса и изоляцией «прогрессистов». «Считаться» с существованием консервативных слоев в обществе и их представительством в законодательных органах надо, но опасно попустительствовать «игре мускулами», которые постоянно демонстрируют аппаратные силы, чтобы наглядно показать стране, у кого в руках власть, несмотря на все избирательные поражения. Ублаготворяя амбиции этого политического сектора, высшее руководство подвергает небезболезненному испытанию свой авторитет среди тех общественных сил, на которые только и может опираться продолжение перестройки.

Тем не менее и этим силам надо считаться с реальностью. Продвижение вперед экономической и политической реформы по-прежнему в решающей степени зависит от позиции высшего руководства. На протяжении четырех лет его курс постепенно радикализировался. Нет доказательств, что его

реформаторский потенциал исчерпан. Ближайшие цели «левого» меньшинства в законодательной, контролирующей и иной деятельности нашего протопарламента могут быть достижимы, лишь если на его сторону встанет — или по меньшей мере в том или ином вопросе займет нейтральную позицию — высшее партийно-государственное руководство. Ибо именно в его руках «контрольный пакет» голосов на Съезде, безотносительно к тому, каковы истинные предпочтения большинства депутатов.

И все же замещение декоративно-буффонадного «морально-политического единства», служившего идеологическим прикрытием тотальной монополии и сковывавшего жизнедеятельность общества, **конкуренцией** сил, выражающих различие реальных общественных интересов, ведущих — не будем бояться слов — борьбу за власть,— действительно громадный шаг вперед. Не пугаться следует разъединения, не обнадеживать себя всеобщей консолидацией, а на основе объективного размежевания искать и находить компромиссные решения, выражающие баланс основных интересов, формировать блоки, объединенные хотя бы временной платформой, утверждать правила цивилизованного политического поведения.

Не дать увести народ с политической арены, на которую большие массы людей вышли во время выборов. Защитить печать, которая шла в авангарде перестройки и внесла колоссальный вклад в политическое просвещение миллионов людей. Поддержать и укрепить демократически созданные и ориентированные общественные организации — эту нарождающуюся инфраструктуру гражданского общества, базис правового государства. Провести возможно скорее демократические выборы республиканских и местных органов власти и закрепить там политические сдвиги, которые продолжаются в стране. Таковы, на наш взгляд, ближайшие политические задачи нашего общества.

Архитекторы перестройки, вероятно, имеют свой план продолжения реформы. Более того, они постепенно корректируют его, учитывая меняющиеся обстоятельства. Очень хотелось бы положиться на разумную самореорганизацию, исходящую из центра системы,— отсюда распространение своего рода авторитаристских иллюзий среди части сторонников радикальной реформы. Существует, однако, жесткое шахматное правило: как бы ни был гениален замысел, контрольные ходы надо сделать в условленные сроки. Наша ситуация острее: мы лишь догадываемся, через какое время может упасть флажок, да и не о выигрыше в шахматном матче идет речь.

Один-два неверных шага — и мы окажемся перед лицом распада общества и государства, гражданской войны либо правого переворота, который совершат силы, опирающиеся скорее всего не на ослабевшие партийные структуры, а на армию, спецвойска, госбезопасность. Им уставшее и разуверившееся общество вручит свою судьбу в обмен за «восстановление порядка» — так не раз бывало в истории. И тогда на смену обветшавшей и дискредитированной, уходящей со сцены диктатуре придет свежая диктатура с обновленными лозунгами (они уже мелькают) и крепкими зубами (их заботливо отращивают). Можно представить, к чему это приведет не в начале, а в конце XX века...

Вероятно, мы находимся сейчас — и в обозримый период будем находиться — на самом опасном участке нашего исторического пути. И мы обязательно придем к демократическому парламенту, к цивилизованной жизни, если у нас, у всех, кто сознает свою ответственность за судьбу страны, как бы ни велики были различия между нами, перефразируя известное изречение: хватит смелости — ускорить движение, осмотрительности — не делать ложных шагов в сторону с узкой тропы и мудрости — своевременно отличать одно от другого.

ОТ РЕДАКЦИИ:

В многоголосом хоре сегодняшней дискуссии о трудностях и перспективах демократизации политической системы нашего общества есть характерная особенность: на страницах печати в достатке суждений более или менее частных, отрывочных, но остро ощущается дефицит цельных, концептуальных работ, выявляющих основные направления политической мысли. В этом контексте статья ученых-политологов А. Назимовой и В. Шейниса представляется существенной и своевременной. Приглашаем к разговору наших читателей.

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЮ ГАЗЕТЫ «ФОРВАРД» *

Сэр, во время московских политических процессов 1936 и 1937 годов много раз упоминалось о связи Льва Троцкого и других обвиняемых с нацистским правительством и гестапо.

По этим процессам была создана по инициативе Американского комитета защиты Троцкого Комиссия, получившая мандаты подобных организаций в других странах. Ее председателем был Джон Дьюи, известный либеральный просветитель и публицист, секретарем — писательница и журналистка Сюзанн ля Фолетт, адвокатом — Джон Финнерти, известный как защитник Сакко и Ванцетти и Тома Муни. В Комиссию входили уважаемые общественные деятели: социологи, педагоги, издатели, журналисты, писатели. В издававшемся Комиссией огромном «Отчете» они определили себя как «людей самых разных политических и социальных ориентаций, ни один из которых не является приверженцем Троцкого». Комиссия признала Троцкого полностью невиновным в предъявленных ему обвинениях.

В 1936 и 1937 годах во время процессов в Москве и в 1938-м, когда работала Комиссия, было невозможно выяснить отношения между Троцким и нацистами непосредственно по материалам нацистских архивов.

Сейчас совершенно другая ситуация. Все архивы гестапо в руках союзников, и Гесс, имя которого звучало на московских процессах, может быть публично допрошен. Представляется, таким образом, шанс установить историческую истину и выяснить характер политических фигур и тенденций международного значения. Поэтому мы настаиваем на следующем:

1) Гесс должен быть допрошен в Нюрнберге по поводу его встречи с Троцким, о которой говорилось на процессе.

2) Аккредитованный представитель Наталии Седовой-Троцкой (вдовы Льва Троцкого) должен присутствовать на Нюрнбергском процессе с правом задавать вопросы обвиняемым и свидетелям.

3) Эксперты союзников, изучающие материалы гестапо, должны быть проинструктированы на предмет установления, есть ли документы, подтверждающие или не подтверждающие связь между нацистской партией или государством и Троцким или другими вождями старых большевиков, обвинявшимися на московских процессах; обнаруженные документы обнародовать.

Примите и проч.

25 февраля 1946 г.

Джон Бэйрд, А. А. Баллард, Фрэнк Хоррибин, С. Джоуд, Артур Кестлер, Джордж Оруэлл, Джордж Пэдмор, Пол Поттс, Ф. А. Ридли, Генри Сейр, С. А. Смит, Джулиан Саймонс, Г. Дж. Уэллс.

---

* Опубликовано в «Форварде» 18 марта 1946 года. Перепечатано в «Собрании эссе, журналистики и писем Джорджа Оруэлла», т. 4, Лондон, 1978, с. 143—144. На полях гранок написано рукой Оруэлла: «Широко циркулировало в британской прессе, но напечатано было, кажется, только в «Форварде» и в «Манчестер Гардиан».

Перевод и публикация Виктории ЧАЛИКОВОЙ

ФАКТ ИЗ БИОГРАФИИ

ТАКАЯ СУДЬБА

С документами по делу Александра Юрьевича Вахермаа меня ознакомил его сын Хиллар Александрович в марте этого года в Таллинне, где в этот день проходила учредительная конференция Эстонского Союза противоправно репрессированных лиц «Мементо». Дело это, в сущности, ничем не отличается от тысяч ему подобных. Есть в нем, однако, некоторые особенности, еще не ставшие, насколько мне известно, достоянием широкой общественности. Между тем именно сейчас, когда эффект сенсационности утрачен и картина сталинского террора в общих чертах сложилась, самое время приступить к детальному анализу. Ведь подробности более красноречивы, нежели голые цифры или громогласная риторика.

В ночь на 14 июня 1941 года в Прибалтике органами НКВД была проведена крупномасштабная операция по массовой депортации «антисоветских элементов». Из Эстонии, по неполным данным, было насильственно вывезено 10 205 человек. В их числе оказалась и семья Вахермаа. Взрослых мужчин на железнодорожных станциях отделили от жен и детей и поместили в особые эшелоны. Семья А. Ю. Вахермаа была направлена на спецпоселение в Томскую область. О том, что произошло с самим Александром Юрьевичем, свидетельствуют документы.

Обвинительное заключение от 3 января 1942 года за подписью следователя НКВД ЭССР младшего лейтенанта госбезопасности Антипова гласит:

«В НКВД ЭССР поступили данные о преступной деятельности Вахермаа А. Ю. На основании этих данных Вахермаа А. Ю. арестован и привлечен к уголовной ответственности.

Предварительным расследованием по настоящему делу установлено, что Вахермаа А. Ю. в 1918—20 годах служил в эстонской армии рядовым, неоднократно участвовал в боях против частей Красной Армии. С 1930 по 1940 год состоял в контрреволюционной организации «Кайцеелиит», основной задачей которой была борьба с революционным движением, где занимал должность помощника начальника батальона по хозяйственной части.

За активную деятельность в организации «Кайцеелиит» имеет награду «Белый крест» и «Крест орла».

Допрошенный по существу предъявленного обвинения Вахермаа А. Ю. виновным себя признал».

Далее следуют анкетные данные обвиняемого, где особо подчеркнуто: «...применял наемную рабочую силу 1 человек, в течение двух лет имел собственную пекарню»,— а затем резюме: «...настоящее дело направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР и полагал бы обвиняемому Вахермаа А. Ю. меру наказания определить — РАССТРЕЛ». На бумаге три визы: «Согласен. Заместитель начальника следчасти НКВД ЭССР лейтенант госбезопасности Якобсон», «Утверждаю. Начальник УНКВД Свердловской области старший майор госбезопасности Борщев» и «Обвинительное заключение утверждаю. Меру наказания Вахермаа полагаю определить расстрел. Заместитель облпрокурора по спецделам Кабаков». К этому времени А. Ю. Вахермаа уже более полугода содержался в Севуралдаге. 21 марта 1942 года ОСО постановило Александра Юрьевича расстрелять, лично принадлежащее имущество конфисковать. Согласно совсекретной справке за подписью лейтенанта госбезопасности Кротова («за начальника 4 отдела I спецотдела НКВД СССР»), решение ОСО приведено в исполнение ровно через месяц, 21 апреля 1942 года.

Итак, статья 58-4. Для тех, у кого нет под рукой сталинского Уголовного кодекса, процитируем этот пункт:

«58⁴. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности».

Да, но ведь Вахермаа жил на территории ЭССР, а не РСФСР, следовательно, судить его следует по эстонским законам, а отнюдь не по УК РСФСР. Кроме того, инкриминируемые ему действия он совершил до вхождения Эстонии в состав СССР, то есть тогда, когда эти действия были вполне законными,— каким же образом закон возымел обратную силу? На оба вопроса отвечает Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1940 года:

«1. Удовлетворить просьбу Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик и временно, впредь до издания общесоюзных кодексов, разрешить применение на территории этих республик следующих кодексов РСФСР — уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального, кодекса законов о труде и кодекса законов о браке, семье и опеке.

2. Установить, что приговоры и решения по уголовным и гражданским делам, вынесенные судами в Литве, Латвии и Эстонии до установления в них Советской власти и не приведенные в исполнение, не подлежат исполнению. Эти дела подлежат пересмотру судебными органами Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик в соответствии с временно действующими на их территории кодексами РСФСР.

3. Привлечение к уголовной ответственности за преступления, совершенные на территории Литвы, Латвии и Эстонии до установления в них Советской власти, а также окончание и направление по подсудности следственных и судебных дел, возбужденных соответствующими органами Литвы, Латвии и Эстонии до установления в них Советской власти, должно производиться в соответствии с кодексами РСФСР».

В 1947 году жене А. Ю. Вахермаа было выдано свидетельство о смерти мужа, из которого следует, что Александр Юрьевич умер от *тифа* 21 апреля 1942 года (дата, заметим, указана точно). В графе «место смерти» стоит прочерк.

В 1957 году Алида Иохановна Вахермаа обратилась в КГБ при Совмине ЭССР с целью выяснения подлинной судьбы мужа. По этому поводу произошел обмен письмами между учетно-архивными отделами КГБ при Совмине ЭССР и УКГБ по Томской области.

«Прошу устно объявить заявительнице, что Вахермаа А. Ю. в 1942 году был осужден на 10 лет ИТЛ и, отбывая наказание, умер 28 января 1944 года от *артериосклероза сосудов мозга*». Подпись: начальник учетно-архивного отдела КГБ при СМ ЭССР подполковник Шорников.

«...при вызове гражданки Вахермаа А. И. было выяснено, что гражданка Вахермаа имеет на руках копию свидетельства о смерти мужа Вахермаа А. Ю. за № 2232, выданное Таллиннским горбюро ЗАГС в 1947 году.

В свидетельстве о смерти указано, что смерть Вахермаа А. Ю. зарегистрирована в Таллиннском горбюро ЗАГС 9/09-1947 за № 2124, что он умер 21/04—1942 года от тифа.

В связи с этим дата и причина смерти, указанная в Вашем отношении № 13/3-П-19.825 от 12/04—1957 года гражданке Вахермаа А. И., нами не объявлялась. Начальник Учетно-архивного Отдела УКГБ при СМ СССР по Томской области подполковник Лев».

Отлаженная машина дала осечку. Видимо, подполковник Шорников не потрудился или не сообразил запросить Таллиннский загс, однако же и не совсем с потолка взял свои сведения: во-первых, правильно указана дата — 1942 год, во-вторых, 10 лет без права переписки — это как раз и есть эвфемизм расстрела. Откуда же разночтение? Скорее всего (такие случаи мне известны) свидетельство о смерти было выдано по телефонному распоряжению, в учетную же карточку эту версию по небрежности не занесли.

Подполковник Шорников исправляет «неточность»:

«Начальнику I спецотдела МВД ЭССР полковнику тов. Куропаткину город Таллинн.

Прошу сделать отметку на учетной карточке осужденного 21 марта 1942 года Особым Совещанием при НКВД СССР к ВМН, Вахермаа Александра Юрьевича, 1898 года рождения, о том, что его смерть 9.09.1947 года зарегистрирована в бюро ЗАГС города Таллинна, как умершего от тифа 21 апреля 1942 года. Начальник Учетно-архивного отдела при СМ ЭССР подполковник Шорников».

Остался совсем свежий документ — протест первого заместителя прокурора ЭССР Ю. Роотса от 12 декабря 1988 года: «Согласно ст. II-й «Тартуского мирного договора» между РСФСР и Эстонской республикой, заключенного в 1920 году, Российская Федерация признала независимость и суверенность Эстонского государства, и на основании ст. Х-й того же договора военнопленные и интернированные лица освобождены от наказания за имевшие место действия в пользу противника.

Таким образом, участие Александра Вахермаа в составе армии Эстонской республики в военных действиях против Красной Армии, как и участие его в действовавшей в соответствии с законами Эстонской республики легальной организации «Союз обороны», не могут служить основанием для привлечения А. Вахермаа к уголовной ответственности.

В действиях А. Вахермаа состав ст. 58-4 УК РСФСР отсутствовал уже по той причине, что его деятельность не была направлена ни на подрыв коммунистической системы, ни на враждебные действия против Союза ССР».

29 декабря 1988 года сыну А. Ю. Вахермаа выдана справка о реабилитации «в связи с отсутствием состава преступления».

Кем был Александр Вахермаа? Как жил, какую память по себе оставил?

Вот чудом сохранившаяся заметка из местной газеты «Маа Хяэль» («Голос села») от 14 ноября 1935 года:

«Когда в хозяйственной жизни Ваоской волости настали трудные времена, бремя предводителя взял на себя Александр Вахермаа. Было это в 1930 году. Экономическое положение волости было тогда тяжелым, делопроизводство было поставлено из рук вон плохо. Долг волости составил 10 000 крон. Чтобы навести в делопроизводстве порядок, пришлось сместить двух волостных писарей, третий устоял.

За пять лет финансовое положение волости настолько поправилось, что теперь ее капитал составляет 20 000 крон. Отремонтированы школьные здания, а в ближайшем будущем в Вяйке-Маарья намечается построить новую школу, проект которой готов, ведется сбор средств.

«Отец волости» А. Вахермаа, в то время еще Вакманн, родился 27 ноября 1898 года в Пыдрангу Ваоской волости, в семье арендатора-хуторянина. Образование получил в Пыдрангуской начальной школе и в Вяйке-Маарьяском приходском училище. Добровольцем участвовал в войне за независимость, служил в кавалерийском полку. За проявленную храбрость Александру Вахермаа был бесплатно выделен поселенческий хутор в поместье Пандивере. Позже он построил в Вяйке-Маарья дом и совместно с супругой содержал кондитерскую. В 1931 году купил новый хутор у горы Эбавере, в четырех километрах от станции Килтси.

А. Вахермаа активно участвует в общественной жизни. В настоящее время он является заместителем начальника роты Вяйке-Маарьяской дружины «Союз обороны» («Кайтселиит»), председателем правления Вяйке-Маарьяского коллективного банка, заместителем председателя «общества земледельцев».

Такая судьба...

Владимир АБАРИНОВ

ОБСУДИМ?

Господа!

А не пора ли нам вернуться к этому традиционному, принятому во всем мире вежливому обращению? (Как мы вернулись к традиционным русским погонам, которые долгие годы были символом врага.) Конечно, не сразу, в ночь на воскресенье, и не полностью, хотя бы частично, разделив сферу применения его с привычным, партийным — «товарищи». (Как разделили мы сферу применения государственного и партийного гимнов.) Поучительный пример дает нам Германская Демократическая Республика, где в обиходе две формулы: официальное обращение — «герр» («господин»), а члены СЕПГ называют друг друга «геноссе» («товарищи»).

Конечно, у нас нет «господ» в старом смысле слова — угнетателей, но и от единоутробных по классу «товарищей» (вроде Сталина и прочих) натерпелись мы бед пострашнее старорежимных. Речь идет о другом значении слова «господин». Цитирую Академический словарь русского языка: «...форма вежливого обращения или упоминания в дореволюционное время... В настоящее время по отношению к официальным представителям или гражданам других государств».

— Значит, опять «только для иностранцев»,— резюмировал славист из Тюбингена (ФРГ), пытавшийся вникнуть в ситуацию.— И деньги у вас какие-то условные, и вежливость не для всех.

Он же обратил внимание на то, что в широко распространенной среди наших дипломатов и политиков кальке с немецкого «дамы и господа» содержится логическая ошибка: «господа» — это множественное число не только от «господин», но и от «госпожа». «Дамы и господа» — по форме — то же самое, что «дамы и товарищи», «дамы и люди». К тому же в этой конструкции неистребим фривольный оттенок («дамы и гусары»).

И уж совсем полуприлично звучит обращение по половому признаку, которое мы все чаще слышим на улицах: «мужчина», «женщина» («Мужчина, угостите сигареткой» — прямо из лексикона проституток). В. Солоухин в свое время предлагал возродить обращение «сударь» и «сударыня». Полностью с ним согласен. Тем более что почтенное слово «гражданин» полностью скомпрометировано тюремно-лагерной практикой.

Сегодня мы все решительнее начинаем ощущать себя неразрывной частью единого человечества. По многим параметрам возвращаемся в цивилизованный мир. Настало время подумать об этой пусть внешней, но все же весьма важной части культуры. Не так ли, господа?

Арсений ГУЛЫГА

К нам возвращается литературное наследие русской эмиграции. Среди его бесчисленных страниц — материал М. Агурского «М. Горький и Ю. Н. Данзас», помещенный в историческом альманахе «Минувшее» (издательство «Atheneum», Франция). Исследователь публикует и комментирует очерк Юлии Данзас «Максим Горький», который интересен не только своеобразным подходом к творчеству писателя, оригинальным анализом его эволюции. Внимательно читая текст, вы заметите, как он полон тепла и благодарности к Горькому. Доброе чувство к нему Данзас, вероятно, сохранила со времени их знакомства. И это немаловажный штрих к портрету писателя, который так медленно создает история.

ФРЕЙЛИНА С СОЛОВКОВ

Михаил АГУРСКИЙ

Имя Юлии Николаевны Данзас (1879—1942) практически неизвестно современному читателю. Она родилась в Афинах в семье русского дипломата (потомка друга Пушкина, секунданта на его дуэли), женатого на гречанке, происходившей от византийских императоров. Благодаря знатности рода и своей красоте, Ю. Данзас некоторое время была фрейлиной русской императрицы Александры Федоровны. Одним из наиболее стойких увлечений этой одаренной личности был глубокий интерес к религиозно-философским вопросам. В ранней молодости Ю. Н. Данзас испытала сильное влияние Шопенгауэра и Ницше, затем увлекалась теософией (и то и другое пережил и Горький), стала членом масонского ордена мартинистов. Под различными псевдонимами занималась журналистикой. В 1913 году под псевдонимом Ю. Николаев Данзас опубликовала апологетическую работу о гностиках «В поисках божества» (правильное название книги «В поисках за божеством».— **Ред.**), отражавшую ее теософские взгляды. Она интересовалась хлыстовством, посещала хлыстовские «корабли». Научная репутация Ю.Данзас как историка религии была достаточно высока, чтобы в 1917-м ее назначили профессором Петроградского университета [1].

Неизвестно, когда Горький познакомился с Данзас, но ее книга о гностиках сразу привлекла его внимание (как, впрочем, и любая литература о гностицизме, которым он крайне интересовался). Экземпляр этой книги с пометками Горького хранится до сих пор в его личной библиотеке. Влияние Данзас чувствуется и в его литературных произведениях, по крайней мере в третьей части эпопеи «Жизнь Клима Самгина» (1930) — в содержании бесед предводительницы хлыстовского «корабля» купчихи Марины Зотовой с Самгиным. Можно предположить, что Данзас была одним из прототипов образа Зотовой. Интерес же к гностицизму прослеживается уже в «Жизни Матвея Кожемякина» — романе с глубоким религиозно-философским подтекстом, написанном еще в 1909—1911 годах.

На близость Данзас к Горькому указывает и тот факт, что в марте 1920 года она была назначена заведующей петроградским Домом ученых, основанным в январе того же года, который, как известно, был детищем Горького и находился под его покровительством вплоть до отъезда писателя из России.

В 1920 г. Данзас знакомится в Доме ученых с главой русских католиков, экзархом Леонидом Федоровым, и в том же году под его влиянием принимает католичество, решительно порвав с теософией и масонством, с которыми она была связана много лет. В 1923 году она принимает монашеский постриг.

Горький знал о католицизме Данзас. В одном из опубликованных в последнее время его черновиков двадцатых годов ее имя упомянуто в числе русских католиков. Горький покинул Советскую Россию в октябре 1921-го, а 13 ноября 1923 года Данзас была арестована в группе других католиков [2]. Не исключено, что ее арест был связан и со стремлением властей дискредитировать Горького.

Данзас была отправлена на Соловки. Есть основания полагать, что Горький поддерживал с ней контакт. Это было вполне возможно через его бывшую жену Е. П. Пешкову, возглавлявшую еще не утративший своего значения Политический Красный Крест. В самом деле, в письме к Ольге Форш, датированном 13 ноября 1926 года, Горький между прочим замечает, что книга, изданная в 1926 году в Харбине, есть у Данзас[3]. По-видимому, он посылал Ю. Н. в заключение литературу, возможно, оказывал и материальную помощь. Поскольку Горький упоминает ее имя без всяких комментариев, не исключено, что в судьбе Данзас каким-то образом участвовала и сама Форш (также бывшая в прошлом теософкой и, по-видимому, остававшаяся ею до конца жизни).

Леонид Федоров, обративший Данзас в католицизм и также находившийся на Соловках, был освобожден по ходатайству Пешковой, что не исключает участия в этом деле Горького. Однако Данзас по-прежнему оставалась в заключении, и, когда Горький в июне 1929 г. посетил Соловецкий лагерь, он виделся с ней. Однако в очерке «Соловки», описывая посещение женского барака, он ни словом о Данзас не упоминает. И это проливает некоторый свет на характер горьковской публицистики того периода. Несомненно, от той же Данзас Горький знал, что представляют собой Соловки на самом деле. Тем не менее описал он не то, что было реальностью, а то, что, по его мнению, должно было быть на Соловках. В этом ключ к пониманию Горького того периода. Он пытается менять действительность не критикой, а созданием новых мифов, которые, как он считал, должны были учить власти правильной политике...

Данзас была освобождена в январе 1932 года, то есть лишь через два с половиной года после горьковской поездки на Соловки. Каким образом проходило вмешательство Горького в ее судьбу и в какой степени оно было действенным, нам неизвестно, но освободили Данзас досрочно. О том, что произошло далее, пишет автор пространной биографии Леонида Федорова — диакон Василий, который пользовался недоступными нам биографическими материалами о Ю. Н. Данзас:

В январе 1932 года, в один особенно морозный день, когда было 35° ниже нуля, Юлии Николаевне сообщили в канцелярии, что она свободна. Ее освободили досрочно; срок десятилетнего заключения кончался 14 ноября 1933 года (арестовали ее вечером 14 ноября 1923 года). Известие пришло совсем неожиданно. Освобождение давало ей право уйти немедленно из лагеря куда угодно, но как и куда — об этом ей нужно было самой позаботиться. Одежда Юлии Николаевны была буквально в лохмотьях. В кармане оставалось мелочи не больше того, сколько надо на булку.

Юлия Николаевна попросила разрешения остаться в лагере еще на 2—3 дня. Ей нужно было для начала обеспечить себя ночлегом, пока не удастся приискать убежище где-нибудь поблизости лагеря. В конце концов одна добрая женщина пустила ее в свою хижину. Затем надо было приискать какой-нибудь труд, чтобы заработать на железнодорожный билет. Но и это тоже устроилось. Юлию Николаевну приняли помощницей счетовода для ликвидации товарного склада на станции. Когда у нее появились деньги на билет, возник самый серьезный вопрос: куда ехать? Где быть ***свободной****, раз (как она в этом сразу же убедилась) вся Россия превратилась в огромную советскую тюрьму, в которой удел* ***свободных*** *граждан мало чем отличался от рабства бесчисленного множества заключенных.*

Оказалось, что досрочное освобождение последовало по ходатайству Максима Горького, который где-то «нажал». Юлия Николаевна была ему и раньше хорошо знакома как писательница и профессор университета, и он ценил ее. Ей представился даже случай встретиться с ним однажды на Соловках, куда власти послали «совесть СССР», как тогда называли Горького, лично все осмотреть и сказать, правда или нет то, что начали говорить и писать за границей о Соловках.

О приезде Максима Горького было дано знать заранее. Заключенных подготовили к встрече с ним. Лагерным учреждениям было приказано показать работу, которая там выполняется. Когда в одно прекрасное утро на Соловки прибыл Максим Горький, то заволновался весь остров. Доверие к нему у всех было полное. Он мог ходить без охраны, мог останавливать любого заключенного и беседовать с ним. Горький внимательно выслушивал, расспрашивал, сочувствовал, записывал в книжку, обещал помочь. Велико было удивление и возмущение заключенных, когда они потом прочитали в «Известиях» большую статью Горького, озаглавленную «Соловки», в которой он дал лестную оценку деятельности ГПУ и его детищу — «Соловецкому исправительно-трудовому концлагерю».

Но Юлии Николаевне Горький действительно пришел на помощь. Ходатайства его жены, Е. П. Пешковой, в отношении Юлии Николаевны было бы недостаточно. Горький помог ей и после освобождения литературной работой — дал какой-то перевод. Юлия Николаевна решила хлопотать через него о разрешении выехать за границу, ибо только таким путем можно было освободиться из той огромной тюрьмы, которую теперь представляла собою Россия. Хоть как-нибудь примириться с этим режимом и бытом и приспособиться к нему было не по силам Юлии Николаевне. [...]

В Берлине проживал теперь ее брат Яков Николаевич. Он хотел вырвать сестру из советского ада. Единственной возможностью было «выкупить» (как тогда говорили) Юлию Николаевну. Нужно было внести советскому представителю в данной стране определенную сумму, за которую власти в России выпускали выкупленного за границу. Якову Николаевичу Данзасу ценою долгих усилий и материальных жертв удалось освободить сестру (это обошлось ему по тогдашнему курсу около 20 000 франков, что составляло, во всяком случае, для него огромную сумму). Однако чтобы довести начатое им до успешного конца, Юлии Николаевне нужна была помощь и в России. Рассчитывая на Максима Горького, она написала ему, прося об «аудиенции», чтобы переговорить с ним лично. Так как на ее письмо не пришло никакого ответа, то она обратилась за советом и содействием к жене Горького, Е. П. Пешковой. Та сказала ей, что все зависит от приставленного к ее мужу чекиста Кузьминского[4]. По ее словам, ни одно письмо не доходило до Горького, не пройдя через его цензуру, и никто не мог быть допущен к Горькому помимо того же Кузьминского. А с ним нужно было держать себя очень осторожно и действовать «политично». Тем не менее Пешкова решила сделать попытку и при случае «замолвить слово» за Юлию Николаевну. Однажды, выбрав подходящий момент, она сказала мимоходом Кузьминскому:

— У вас должно быть письмо от приятельницы мужа, гражданки Данзас; она просит о свидании, хорошо бы устроить...

Через несколько дней Юлия Николаевна получила приглашение явиться к Горькому в таком-то часу. Она явилась. Горький занимал подаренный ему особняк Рябушинских. Получал миллион рублей жалованья в год. В квартире все оставалось нетронутым — паркеты, ковры, зеркала, картины, позолота, мебель, анфилада комнат,— словно хозяева только что покинули свой дом. Вопиющий контраст с тем миром, из которого только что вышла Юлия Николаевна! По-видимому, «совести СССР» это не претило.

Юлию Николаевну довели до кабинета Горького. Тут сидел, как сторожевой пес, чекист Кузьминский.

— Сейчас доложу.

Доложил, попросил Юлию Николаевну войти и сам вошел вслед за ней. Горького она застала за большим письменным столом. Направо и налево от него лежали кипы бумаг. Он принял ее радушно, как старую знакомую. Предложил сесть, указав на стул рядом с собою. Кузьминский тоже уселся.

Горький начал разговор с извинения, что завален срочной работой и не может уделить сейчас Юлии Николаевне достаточно времени, а хотел бы переговорить с ней об одном переводе, который он приготовит к следующему разу. Просмотрев свою записную книжку, он назначил Юлии Николаевне свидание в среду.

— В среду мне неудобно,— вмешался Кузьминский без всяких стеснений.

— Ну что же делать,— возразил Горький,— у меня нет другого свободного дня, а работа для Юлии Николаевны важная.

— Хорошо,— сказал Кузьминский,— я пришлю Тихонова вместо себя.

Этого-то Горький и добивался. Как выяснилось впоследствии, он потому и выбрал среду, что Кузьминский был в этот день несвободен.

Когда Юлия Николаевна пришла в среду, у двери Горького ее встретил Тихонов. Повторилась та же церемония приема с той только разницей, что теперь против Горького уселся Тихонов. После нескольких приветственных фраз Горький, как бы спохватившись, обратился к нему:

— Сейчас же надобно съездить в редакцию, доставить поправку для срочной статьи. Пожалуйста, съездите и отвезите. Сейчас предупрежу по телефону.

Тихонову, не столь твердому на этом посту, как Кузьминский, пришлось удалиться. Только он вышел, Горький вздохнул с облегчением:

— Ну, теперь мы можем поговорить с вами...

Отъезд Юлии Николаевны за границу устроился. [...]

После отъезда из СССР Данзас получает возможность создать первый серьезный советологический центр на Западе — «Истина», которым она руководит в течение нескольких лет. Она издает журнал «Russie et Chrétienté», причем по степени осведомленности о происходящем в России и глубине анализа это издание является едва ли не лучшим современным западным источником об СССР. В частности, Данзас регулярно помещала в журнале обзоры советской прессы. В 1935 г. она опубликовала отдельной брошюрой свои воспоминания о Соловках — «Красная каторга», которые вышли без указания имени автора.

Попав на Запад, Данзас пытается критически осмыслить свой гностический опыт прошлого. Это проявляется, в частности, в поисках гностических элементов в современной ей русской религиозно-философской мысли. Естественно, что будучи знатоком гностицизма и пройдя лично через теософию, она понимала эту проблематику, как немногие. Данзас утверждала, что русское православие в целом находится под сильным влиянием религиозного дуализма. В дуализме же обвиняла она и Достоевского. Но особое внимание Данзас привлекла группа русских православных богословов во главе с о. Сергием Булгаковым, сделавших центром своих богословских исследований учение о Софии Премудрости Божией. Она обвинила «софианство» в «неогностицизме» и полностью поддерживала его осуждение как тогдашним главой Московской Патриархии митрополитом Сергием, так и Архиерейским Собором Русской Православной зарубежной Церкви, который состоялся в Сремских Карловцах, в Югославии...

Ю. Данзас была не единственным человеком, который выехал тогда из России с помощью Горького. Среди других мы видим таких, казалось бы, далеких от него людей, как бывший троцкист Виктор Серж, книги которого, написанные позднее, стали одним из ведущих свидетельств о советском терроре. Судя по опубликованным в последнее время документам, Горький оказался решающим звеном кампании в защиту Сержа и в конечном итоге добился его освобождения.

Печатается с сокращениями.

[1] Источником биографических сведений о Ю. Н. Данзас для нас является книга католического диакона Василия «Леонид Федоров. Жизнь и деятельность». Romae, 1966.

[2] Данзас полагала, что ее арест был частью ответной кампании Советского правительства против русских католиков — после известной ноты английского министра иностранных дел лорда Керзона, но вряд ли это исчерпывало ситуацию. Преследования католиков начались еще до ноты Керзона. 3 апреля 1923 года завершился суд над Цепляком, Будкевичем, Федоровым и другими. Нота Керзона, в которой, в частности, выражался протест против религиозных гонений в СССР (и католиков, и православных), была опубликована 5 мая 1923 г. Известно, что в июне 1923-го был неожиданно освобожден из заключения патриарх Тихон, которого ожидал суд и, возможно, расстрел. Считается, что это было одним из результатов ноты Керзона. В конце 1923-го возобновляются гонения на духовенство. Так что преследования католиков были лишь частью общей антирелигиозной кампании, направленной и против католичества, и против православия.

[3] «Литературное наследство», т. 70, М., 1963, с. 590.

[4] Здесь явная ошибка. Видимо, имеется в виду Петр Петрович Крючков (1889—1938) — личный секретарь Горького и сотрудник ГПУ. Расстрелян в 1938 году по обвинению в убийстве Горького.— **Прим. авт.**

Юлия ДАНЗАС

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Максим Горький умвр в Москве 18 июня в возрасте 68 лет. Мало кто из писателей удостоился при жизни такой славы, как он. О величайших гениях, которыми может гордиться история литературы, не трубили по всему свету так громко и с такой настойчивостью. Правда, в наши дни для зтой цели используют инструменты, куда более совершенные, чем простой пастушеский рожок. Имя Горького было связано с самыми важными моментами нашей грозовой зпохи, в нем почти всюду видели живое воплощение идей, пострясавших ввсь мир. Впрочем, именно так и представляют его те, кто ищет вдохновение в Москве.

Там Горький в продолжение восьми лет был чем-то вроде «Папы от литературы». Даже устроенные ему грандиозные похороны бледнеют по сравнению с тем апофеозом, в который четыре года назад вылилось чвствование его литературного юбилея. Все формы официального знтузиазма были исчерпаны. Один из крупнейших городов России, старинный Нижний Новгород был переименован в Горький, ибо удостоился чвсти быть родиной писателя. То же имя было присвоено самой красивой улице Москвы; театру, который создал и которым с таким блеском руководил более трех десятилетий знаменитый Станиславский; институтам всвх рангов, колхозам и т. д.— вплоть до чудовищного азроплана. Не оставалось уже никаких почестей, которые в час похорон могли бы окружить его память дополнительным ореолом. Имя его дали на зтот раз лишь нвскольким школам да знаменитому Институту зкспериментальной медицины, созданному полвека назад принцем Александром Ольденбургским. Если мы обратим внимание на тот факт, что имя Горького в настоящее время связано с вещами, происхождение и сущность которых были ему абсолютно чужды, станет ясно, что зто лишь составная часть сложного явления, которое был Горький.

Никакая литературная слава не может объяснить такого апофеоза. Он обращвн к политической личности, или, точнее, к той политичвской роли, какую хотели навязать человеку, к ней неподготовленному. Во всем зтом казенном превозношении явно ощутима фальшивая нота. Реальная личность Горького исчезает за облаками официального фимиама. Когда зти облака рассеются, снова обнаружится живой человек, гораздо более простой, иногда озадачивающий, но и более привлекательный.

Недоразумения, окружающие имя Горького, начинаются уже с биографических двталей его детства. Правда ли, что маленький Алексей Пешков (таково было его настоящее имя) рос в нищете, что ему приходилось с самого детства добывать хлеб насущный, занимаясь унизительным ремеспом: быть тряпичником, поваренком, подмастерьем у булочника, получая везде тумаки и оплвухи? Этим обстоятельством в дальнейшем очень кичились — оно якобы доказывало чистокровное пролетарское происхождение великого писателя. Но некоторые документы как бы показывают обратное — что семья его не имела к пролетариату ни малейшего отношения, что дед Пешкова занимал видное положенив среди волжских торговцев. Спорить на эту тему нам кажется напрасным. Даже если дед его и жил в достатке, то состояние было промотано сыном, умершим в 1872 году от холеры и оставившим вдову (тут же вышедшую замуж) и маленького четырехлетнего сына, будущего писателя (он родился в 1868 году). Максим Горький сам рассказал о тяжелых годах своего детства и отрочества («Детство», «В людях», «Мои университеты»). Свои автобиографические повести он писал в зпоху, когда уже сделался питератором-революционером, другом Ленина. И потому можно заподозрить, что Горький нарочито усиливал «пролетарскую» ноту. Однако сущность его описания должна быть верной, ибо она подтверждается живостью рассказа и выпуклостью образов. Это, конечно, лично пережитые впечатления, может быть, лишь нескопько романтизированные. Впрочем, совершенно очевидно, что в детстве он не получил никакого образования, кроме начальной школы. Все знания, приобретенные им позднее, стали результатом той жажды чтения, что владела им с ранних лет. Необходимо отметить, что Горький всю жизнь нес в душе отпечаток детства, проведенного в предместье большого города. Он любил рассказывать о своих играх с уличными мальчишками, маленькими злоумышленниками, которые забавлялись, разбивая уличные фонари. Он никогда не знал, что такое сельская жизнь, и испытывал по отношению к ней ужас горожанина. Отвращение к крестьянину — вещь характерная для жителя предмвстья. И Горький часто говорил об «идиотизме деревенской жизни». Это не было презрением к человеку, обрабатывающему землю, но глубочайшим презрением к жизни провинциальной, патриархальной, с ее покоренностью судьбе, отягощенностью мирскими традициями — всем тем, что так ненавистно было любознательному и гордому мальчику. Позднее, когда настало время долгих странствий по Руси, внимание его привлекали не крестьяне, но бурлящая портовая толпа, люди, морально свободные от пут земли, ничем не связанные, готовые отправиться куда им вздумается, чтобы заработать немного, а затем, как только работа наскучит, вновь отдаться собственной фантазии. Этот тип он описал с такой захватывающей силой, что совершенно ясно, что и сам автор в полной мере дышит этой полнотой свободы, свободы от всех материальных стеснений. Достаточно перечесть хотя бы историю его странствия пешком из Одессы до Тифлиса («Мой спутник»).

Этот тип Горький ввел в русскую литературу, и он прославил своего создателя. Но было бы ошибкой видеть в нем пролетария, по крайней мере такого, какой существует на Западе. Босяк, описанный Горьким, по своему мироощущению не имеет ничего общего с европейским рабочим. Это прежде всего — деклассированный человек, и обаятельный рассказчик прекрасно умеет живо описать зтот любопытный и чисто русский тип. В зпоху, когда Горький создавал свои первые рассказы, рабочий класс в России еще лишь появлялся. У него пока не было ни традиций, ни организаций. Молодыв деревенские парни, покидавшие свои медвежьи углы, чтобы поселиться в городах, твряли всякий контакт со своей средой, но при зтом не могли войти в иную социальную среду. Это ломало традиционное мироощущение, и в сознании зтих людвй радость от обретвнной свободы и независимости уживалась с презрением ко всему, что ранее считалось святым. Такая неуравновешенная психология осложнялась пережитками вековых инстинктов — инстинкта русского кочевника, привыкшего к свободе неограниченного пространства. Горьковский босяк имеет удивительное сходство со странниками, которых всегда было много в русском народе. Разница лишь в том, что у святого бродяги, проводившего жизнь в странствовании от одного святого места к другому, находившего пропитание где попало, свободного, как перелетная птица,— у такого странника подсознательный инстинкт кочевника субпимировался в религиозное чувство. У нового жв «пролетария», созданного ломкой зкономических условий, не было религиозного чувства, или по крайней мере оно исчвзало под влиянием секупяризованной городской жизни, пронизанной антиклерикализмом. Отрицая традиции русского крестьянства, зтот новый человек, явившийся внутри еще только формирующегося общества, также отрицал религию и любые моральные нормы. Свобода прежде всего, полная беспечность и безразличие к другому, вплоть до жестокости. Босяк способен на благородный поступок, но он же способен не задумываясь совершить зло. Повторю, что тип этот был специфичвски русским, очень характерным для той зпохи, когда Горький вошел в литературу. Просто питература не замечала его, сосредоточив внимание на крестьянине или на высших слоях русского общества. Крестьянскую тему разрабатывали все писатели России, одни идеализируя сельский мир, другие рисуя его в черном цвете. Новый тип, созданный Горьким, стал откровением, а талант писателя дал ему жизнь.

О литературном пути Горького говорилось уже много раз. Вернувшись после странствий в Нижний Новгород, он стал рассыльным у нотариуса. Его первые рассказы, написанные в зто время, привлекли внимание Короленко, который советовал молодому автору больше работать над стилем. Затем последовал новый период странствий Горького по России, в продолжение которых он опубликовал свой первый рассказ «Макар Чудра» в тифлисской газете (1892 год). Именно зту публикацию считают его литературным дебютом. Далее, в течение нескольких лет Горький сотрудничает в малоизвестных провинциальных газетах, где он печатал свои очерки и рассказы. Он заболевает туберкулезом, и зто заставляет

У здания управления СЛОН (Соловецкого лагеря особого назначения) Июнь 1929 года.

Горький выступает на митинге у Белорусского вокзала. 28 мая 1928 года.

Редакция благодарит сотрудников Музея А. М. Горького АН СССР (Москва) за помощь в подборе иллюстративного материала.

его подолгу жить в Крыму. В 1898 году появился (в двух небольших томах) первый сборник его рассказов, получивший беспрецедентный успех. Вчерашний бродяга превратился в прославленного писателя. С точки зрения литературной зтот первый сборник критика будущего, возможно, сочтет основным шедевром Горького. В более позднем творчестве писателю так и не удалось превзойти живости и свежести красок, образной попноты, которая отличает его первые небольшие рассказы. В них смешивалась романтическая пылкость и острое чувство реальности. Позднее манера Горького стала более тяжеловесной, а естественность сменилась усилиями, часто очень упорными, доказать правоту какой-либо идеи. Горький перестал быть свободной и беспечной певчей птицей, он оказался втянут в политические страсти, сотрясавшие страну, и старался ввести в свои произведения идеологию, навязанную ему новыми друзьями.

С юности он был связан с революционными кружками — обычный и даже неизбежный путь всякого деклассированного человека его типа. Интеллектуальная злита — русская интеллигенция — была насыщена революционными идеями, и приход Горького в ее ряды был предопределен с самого начала. Вся социальная структура России представлялась ему чудовищным скоплением несправедливостей. Но если он и мечтал о великом потрясении, то лишь во имя анархического идеала, где для человеческой свободы уже не было никаких стеснений. Этого непонятного великого романтика привлекал хмель разрушительной бури, а не созидательный труд. Он никогда не мог заставить себя следовать какой-либо определенной политической доктрине и, по существу, никогда не входил в какую-либо партию.[5] И все же из двух революционных партий тогдашней России — социалистов-народников и марксистов — он предпочитал последних уже потому, что первые строили свою программу на организации крестьянства, на развитии сельской общины, а Горький, как

[5] Горький все же короткое время формально принадлежал к большевистской партии начиная с 1905-го, однако затем выбыл из ее рядов.

мы видели, питал непреодолимое отвращение к крестьянам и их традиционному быту. Он связал судьбу с пролетариатом, и тот сделал его своим певцом. Правда, здесь есть одно важное недоразумение: организованный рабочий никогда не был и не мог быть идеалом Горького. Но в то время важнее была не программа будущего, а великий порыв перевернуть существующий мир, и к этому Горький прилагал все силы.

Мы не будем следовать всем подробностям жизни плененного поэта, ставшего актером политической драмы. Горький оказался на стороне демократических социалистов, он выполнял даже важные партийные поручения, такие, как поездка в Америку в 1906 году для сбора средств в пользу русской революции. Именно в ходе этой поездки был написан роман «Мать», который столь часто выдается за шедевр Горького. Маловероятно, чтобы такую оценку разделили будущие поколения. Это лишь одно из его произведений, где усилие доказать определенную идею пошло в ущерб психологической правде. Горький брался за разные жанры, писал многотомные произведения, обычно менее успешные, чем его рассказы, занимался драматургией. Он находился под сильным литературным влиянием, главным образом Толстого и Чехова, и оно отразилось во всех его пьесах, особенно в его знаменитой драме «На дне» (1903 год), принесшей ему мировой успех. Революционная деятельность не раз приводила писателя в тюрьму, правда, всегда ненадолго [6],— по слабости его здоровья, а также потому, что он не состоял в какой-либо политической партии.

После поражения революционного взрыва 1905 года Горький покинул Россию поселился в Италии, на Капри, где его дом стал одним из центров революционной активности русских эмигрантов. Его личная встреча с Лениным приходится на 1907 год, и Ленин был многим обязан Горькому и умел использовать его в своих целях [7]. Эта дружба сильно пострадала, когда столь долгожданная революция наконец совершилась в России. Горький связывал с нею все свои чаяния, встретил ее с трепетом и энтузиазмом. Но когда первое опьянение прошло, он с отвращением увидел насилие и резню, топившие в крови его идеалы свободы. Издаваемая им газета («Новая жизнь») стала настоящим воплем протеста, а Ленин теперь видится Горькому как «хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата» («Новая жизнь», 20 ноября 1917), который «бесчестит революцию», «оправдывает деспотизм власти, против которого так мучительно боролись все лучшие силы страны» (23 ноября 1917) и т. д. Газета была закрыта.

Но отношения двух людей были слишком давними, их связывало слишком много общих интересов, и окончательного разрыва не произошло. К чести Ленина, он никогда не забывал тех личных услуг, которые оказал ему писатель. Но и к великой чести Горького, надо отметить, что он никогда не отказывался от того, как вел себя в первые годы революции, и даже подчеркивал это. Вынужденный замолчать на политической сцене, он делал все возможное, чтобы спасти остатки русской культуры: музеи, научные учреждения, но особенно — человеческие жизни. Можно утверждать, что все, что еще сохранилось от прежней научной России и русских культурных сокровищ, обязано своим существованием Горькому. Это он придумал «Комиссию по улучшению быта ученых» и добился разрешения Ленина на ее создание. Оставаясь председателем комиссии, он никогда не стремился придать ей узкоутилитарного характера и никогда не требовал от тех, кого она поддерживала, идеологического повиновения. Горький беззаветно боролся, чтобы спасти возможно больше чужих жизней, даже бесполезных для режима, даже враждебных ему. Сколь многих защищал он, часто на свой страх и риск,— от великих князей до нищих священников. Кровавый разгул власти вызывал в нем ужас и почти физическую боль... [8]

Но влияние его ослабевало, а волшебные сны, которыми он себя убаюкивал, наталкивались на слишком жестокую действительность. Свобода превращалась в кошмар: крестьянская стихия, выплеснувшаяся, как бурное море, грозила окончательно смыть остатки культуры, и без того подорванной революционным взрывом. Таким он видел будущее. В 1922 году он покидает Россию под предлогом ухудшения здоровья.[9] Горький снова поселился в Италии и оставался там шесть лет, разочарованный, дезориентированный. Слабеет его творческая энергия: «Дело Артамоновых» (1925) — лишь бледный отблеск прежнего таланта. К тому же экзотика, которая некогда принесла ему успех за границей, вышла из моды. Автор, которому все льстили, теперь оказался забытым. Горький плохо уживался в буржуазном мире. Триумф фашизма в Италии раздражал его. Тоска по родине не оставляла. Все это заставляло Горького прислушиваться к льстивым отзывам из Москвы, к приглашениям вернуться...

Ему приготовили золотой мост, устроили восторженный прием [10], поселили в роскошном особняке — одном из тех, которым он сам в прошлом грозил кулаком. Окруженный лестью, вознесенный до небес, объявленный крупнейшим писателем мира, получивший все мыслимые почести и богатства, старый бунтарь, опьянявшийся свободой, оказался в положении увенчанного лаврами наемника, призванного воспевать несгибаемую диктатуру партии, радости принудительного труда, жизнь, регламентированную до мелочей, прелесть казарменного существования. Прежний антимилитарист стал воспевать Красную Армию. Человек, столь остро переживавший людские страдания, начал проповедовать ненависть и беспощадность к классовому врагу. Он опустился до восхваления чекистов, до воспевания концлагерей, он использовал свое перо для камуфляжа, представлявшего разгул нечеловеческой жестокости как дело перевоспитания...

И все же отметим, что это нравственное падение было результатом не столько лицемерия, сколько добровольного ослепления. Горький любил говорить о себе, что обладает талантом не видеть того, чего ему не хотелось видеть. Он знал, как отгонять от себя «несвоевременные мысли». Можно не сомневаться, что в последние годы писателю приходилось отгонять множество таких мыслей. К тому же за ним строго наблюдали, стараясь отдалить от него все, что могло возмутить человека по натуре сострадательного и благородного, каким он был. Быть может, и его подспудный романтизм помогал ему создавать воображаемый мир, где реальность казалась ему преображенной, очищенной от кровавых пятен. А может быть, в уюте своего маленького дворца, он опустился до сенильного эгоизма, до обычного буржуазного благополучия. Человек в нем пережил сам себя.

Но пережил себя и писатель. Горький хотел создать грандиозную эпопею, похожую на «Войну и мир» Толстого. Ею думал он завершить свою литературную карьеру. Он работал над ней несколько лет, мучительно и безуспешно. «Жизнь Клима Самгина» — произведение тяжеловесное, плохо связанное, почти непреодолимо скучное. Свое творческое бессилие Горький ощущал с горечью. Ощущал он такое же бессилие и вокруг себя, заявляя в своих писаниях и торжественных речах о триумфальном взлете новой русской культуры. В минуты отрезвления ему случалось говорить, что советская литература не что иное, как гримаса гальванизированного трупа. Когда ему показали конкурсные эскизы и проекты грандиозного Дворца Советов, он отреагировал в обычном официальном духе, а в частной беседе проворчал: «Здесь не хватает дыхания, воодушевления... Все они какие-то придавленные и бездушные». Приходится откровенно признать, что такие моменты прозрения были редкими. Появился новый человек — так мало похожий на прежнего,— и этот новый Горький уже с гневом отгонял от себя несвоевременные мысли. Потому что сам он в глубине своего сознания был поражен тем, что яростно обличал в других, проповедуя религию ненависти и уничтожения «классовых врагов», смешивая с грязью все проявления свободы совести и интеллектуальной независимости.

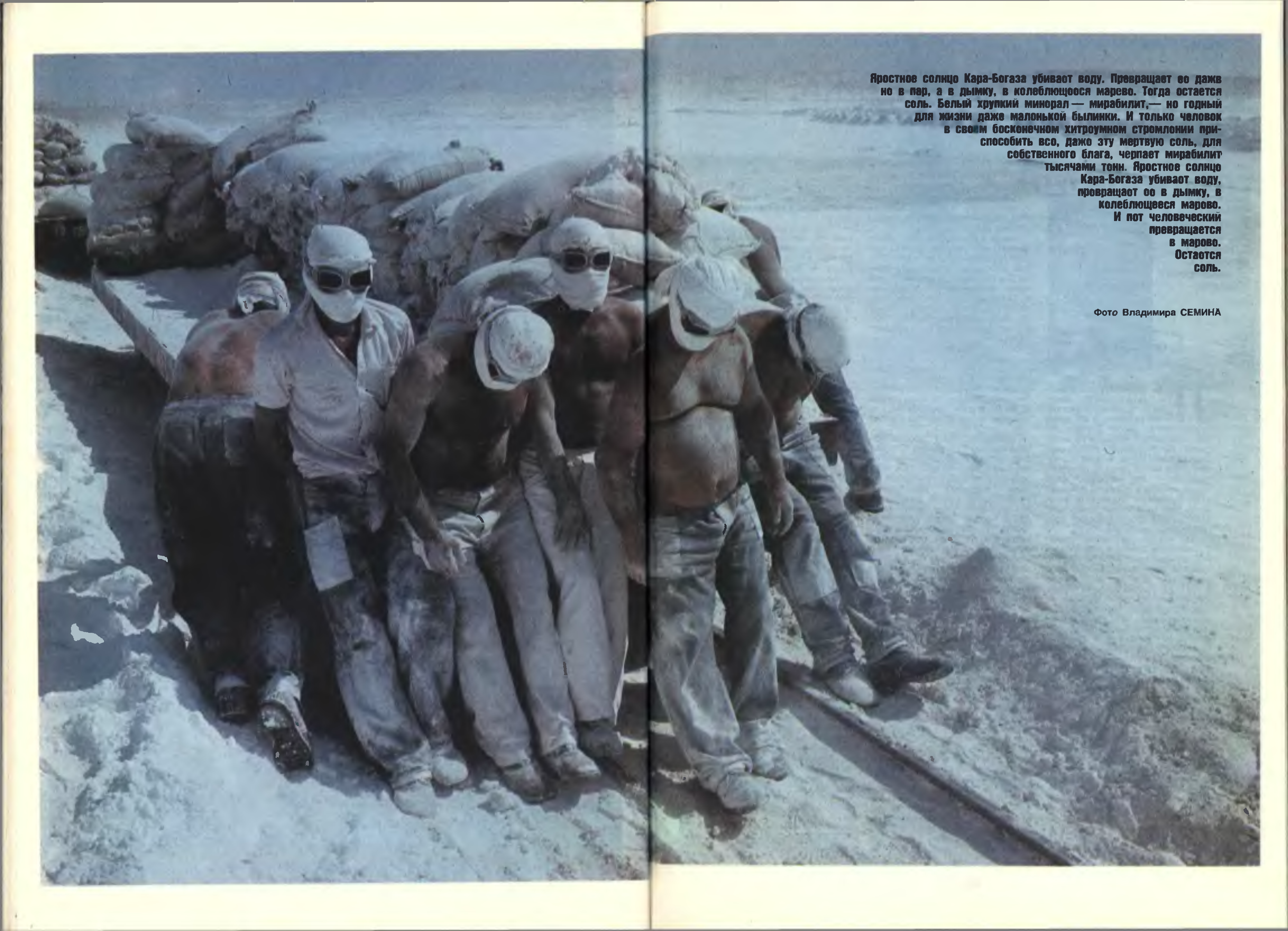
Максим Горький не только пережил себя, он забыл себя, и будущее с трудом обнаружит его истинную личность за бесчисленными ширмами, которыми он добровольно окружил себя. Сейчас, когда он держит ответ перед Высшим Судьей за врученные ему дары, можно утешаться мыслью, что он окружен не только ширмами, но и молитвами тех, кого он утешал и поддерживал, тех, кто обязан ему своей жизнью, и тех, кто знал в нем человека доброго и чувствительного, с сердцем широко открытым состраданию.

[6] Горький находился в заключении несколько раз. Впервые был арестован в 1889-м в Казани, затем — в 1898-м в Тифлисе, в последний раз — в 1906-м в Риге.
[7] Неточно. Ленин и Горький впервые встретились 27 ноября 1905 г.
[8] Крайне интересное замечание. По воспоминаниям второй жены Горького М. Андреевой, во время работы над «Жизнью Матвея Кожемякина» Горький упал в обморок при описании сцены, когда один из персонажей романа ударяет женщину ножом в печень. Андреева обнаружила на животе Горького кровавый след, словно от ножевой раны.

[9] Неточно. Горький выехал из России в октябре 1921 г.
[10] Горький прибыл в СССР в мае 1928 г.

МИРАБИЛИТ

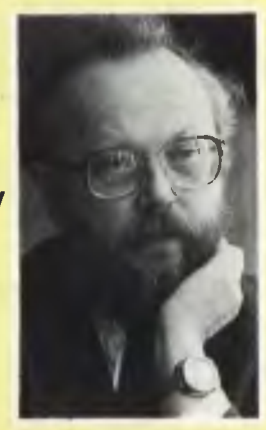
Яростное солнце Кара-Богаза убивает воду. Превращает ее даже не в пар, а в дымку, в колеблющееся марево. Тогда остается соль. Белый хрупкий минерал — мирабилит,— не годный для жизни даже малонькой былинки. И только человек в своем бесконечном хитроумном стремлении приспособить все, даже эту мертвую соль, для собственного блага, черпает мирабилит тысячами тонн. Яростное солнце Кара-Богаза убивает воду, превращает ее в дымку, в колеблющееся марево. И пот человеческий превращается в марево. Остается соль.

Фото Владимира СЕМИНА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Виргилиюс ЧЕПАЙТИС, ответственный секретарь Литовского движения за перестройку «Саюдис»

Легко прогнозировать развитие тоталитарного общества — точнее, отсутствие в нем развития. А вот демократия всегда вносит злемент непредсказуемости, слишком уж много разных сил участвуют в формировании будущего. Когда говорят, что перестройка ничего не дала, ничего не изменила,— зто неправда: наша неуверенность в будущем, повсеместно ощущаемая его непредсказуемость сами по себе уже доказательство далеко продвинувшегося процесса демократизации.

То, что мы наблюдаем сейчас в Советском Союзе,— зто продолжение революций 1905 и 1917 годоа, дальнейшее развитие которых было заморожено на многие десятилетия. В 1917 году Россия одной из первых декларировала право народов на самоопределение, которым успели воспользоваться пять народов бывшей империи: польский, литовский, латышский, эстонский и финский. Они были более других готовы к независимости и отстояли ее с оружием в руках, когда новый бюрократический аппарат, окрепнув, стал собирать утраченные земли державы. Правда, при этом использовалась мифологема коммунизма, и держава зта из Российской должна была превратиться во всемирную — не зря ведь в Гербе СССР изображен земной шар под сенью серпа и молота, не зря бойцы Красной Армии в двадцатом году зубрили эсперанто, чтоб договориться с пролетариями всех стран.

За семьдвсят лет доведенная до абсурда централизация управления развалила экономику, лишила инициативы отчужденного от собственности человека и вернула нас в эпоху натурального обмена.

Сейчас, когда так часто говорят о построении правового государства, пора вспомнить и о правовых основах самого Союза.

Когда в Москве, по моим наблюдениям, идут дебаты, сколько следует даровать народам и республикам свободы — на сантиметр меньше или больше, — это лишь показывает непонимание начавшихся в СССР исторических процессов. Народы больше, я считаю, не желают быть объектом истории. Как и в 1917-м, они хотят сами взять зту свободу.

Между прочим, подобные процессы сейчас характерны и для других стран. В Испании крепнут движения басков и каталонцев, в Италии усиливается борьба за независимую Венецию, Словения приняла поправку к конституции, гарантирующую ей право на выход из состава Югославии...

Советский Союз возник как продолжение унитарного Российского государства. Республики, названные в Конституции СССР суверенными, по-моему, таковыми не были, поскольку естественный исторический процесс деколонизации был остановлен. За зто время другие народы Европы успели уже пройти этап автаркии и стали соединяться на новой основе — не силы, но взаимной выгоды. Самый характерный пример — Европейское сообщество, члены которого постепенно отказываются от некоторых своих суверенных прав для общего блага. Но они отказываются от них добровольно, являясь субъектами, получая взамен преимущества совместного выполнения экономических, политических, оборонных программ.

В сентябре 1989 года в Паневежисе состоялось заседание Балтийского Совета, на котором было принято постановление о создании к 1993 году основ Балтийского рынка — экономического сообщества Эстонии, Латвии и Литвы. Мир действительно идет к интеграции, и в этом начинании трех республик я вижу зародыш Союза нового типа. Новый Союз территориально не обязательно должен соответствовать нынешнему. Все будет зависеть от воли народов. Весьма много шансов на успех имеет создание сообщества государств Восточной Европы. Популярна идея Балтийского содружества — народов, живущих вокруг Балтийского моря, когда-то вскормившего их, а сейчас ставшего самым грязным морем мира и нуждающегося в спасении.

Если Москва согласится с программой экономической самостоятельности республик Прибалтики, переход к независимости в Эстонии, Литве и Латвии будет плавным и эволюционным. Если же победят московские ведомства, не желающие выпустить из монопольного владения зкономику своих «колоний», правительства зтих республик (такова точка зрения «Саюдиса») будут вынуждены уже весной 1990 года объявить о выходе из СССР, поскольку зто единственная возможность спастись от зкономического краха. Борьба за суверенитет — главная задача всех зарождающихся и уже действующих Народных фронтов в республиках. Движущая сила здесь — растущее национальное самосознание. Несколько сложнее дело обстоит в России, поскольку русский народ, я думаю, служил цементом для укрепления державы и привык видеть именно в этом свое национальное предназначение. Но народ только тогда становится народом, когда он понимает свои границы, очертания, знает, где он кончавтся. Слова отчаявшегося Валентина Распутина на Съезде народных депутатов о возможности России выйти из состава СССР при всей парадоксальности, я думаю, таят в себе зерно истины.

В 1990 году окрепнет, мне кажется, движение матерей за изменение порядка службы в армии. Забастовочные комитеты, очевидно, завершат объединение своих структур и начнут координировать действия по всей стране. Униатская церковь Украины воссоединится с Римом. Смею надеяться, хоть сейчас зто и кажется невероятным, что Народные фронты Азербайджана и Армении начнут поиск компромисса, поскольку от существующего положения выигрывает только аппарат обеих республик. В армии получат право голоса офицеры, выступающие за новую военную доктрину, которая не менялась несколько десятилетий. Во многих городах и районах на местных выборах пройдут люди, верящие, что власть на самом деле должна принадлежать Советам.

Итак, революция продолжается!

Материал написан автором до октябрьского Пленума ЦК КПСС.

ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА

ПАМЯТНИК НА АМУРСКОМ УТЕСЕ

Евграф КОНЧИН

Я родился в Хабаровске и хорошо помню, как мне, еще совсем нвсмышленому мальчишке, мама рассказывала о прекрасной статуе прославленного генврала Муравьева-Амурского и с гордостью говорила, что мой прадед внес на сооружение памятника двадцать пять рублей — сумму по тем временам внушительную. С горвчью и недоумением вспоминала она, как статую уничтожали. От мамы, бабушки, от хабаровских старожилов и из старых книг я подробно узнал о первом дальневосточном монументе. Постамент от него сохранился, и все почитали его как дорогую достопримечательность города. Вначале на нем поставили очень плохой в художественном отношении бюст Ленина, а потом — декоративный кораблик, который казался инородным на старинном пьедестале.

Упоминать в печати о варварски разрушенном памятнике было строжайше запрещено. Тому, кто пытался приоткрыть завесу молчания, грозили серьвзные неприятности. А ведь монумент был создан выдающимся русским скульптором Александром Михайловичем Опекушиным.

Но вначале — о самом Николае Николаевиче Муравьеве-Амурском. С 1847 по 1861 год он был генерал-губернатором Восточной Сибири, много сделал для изучения и развития Сибири и Дальнего Востока. Но главное — Россия обязана ему тем, что весь Амур отошел к нашей стране. Притом без единого выстрела. В 1858 году он заключил с Китавм взаимовыгодный Айгунский договор, по которому России были возвращены территории по рекам Амур и Уссури, отторгнутые в 1689 году. Муравьев, адмирал Неввльской и другие его сподвижники заложили или восстановили крепости и военные посты, которыв со временем превратились в города Хабаровск, Владивосток, Уссурийск, Благовещенск, Николаевск.

За исключительные заслуги перед государством Муравьев был произведен «в графское Российской империи достоинство» и в попные генералы, а к его имвни присоединипи почетное название «Амурский».

«Чвловеком с государственным смыслом» назвал Муравьева Герцен. И добавил, что тот «без всякого сомнения умнее, образованнее, честнее всего кабинета совокупно». Того самого царского кабинета министров, да и самого Николая I (напомню о такой самодвржавной резолюции: «Вопрос об Амуре, как реке бвсполезной, оставить»), которые всячески мешапи ему и в конце концов вынудили подать в отставку и увхать из Сибири.

Как сложилась дальше жизнь этого образованнейшего и, по словам М. Н. Волконской, «честнвйшего и одареннейшего человека»? Муравьеву «подсластили пилюлю» — назначили членом Государстввнного совета. Однако Николай Николаевич не ужился в сановном Петербурге и вскоре уехал в Париж, на родину своей жены Екатерины Николаввны, урожденной де Ришемон, стойко делившей с ним все тяготы походной жизни. Здесь он и умер в ноябре 1881 года. Похоронен на Монмартрском кладбище. На могиле установлен памятник в виде вытесанного из белого камня массивного православного креста. У подножия — металлический венок и бронзовая плита, на которой по-русски выбиты слова: «Города Приморской области — Хабаровск, Владивосток и Никольск-Уссурийский — графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому».

Теперь о памятникв. О нем стали размышлять сразу после смерти Муравьева. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин ходатайствовал перед правительством об увековечивании памяти графа, поскольку «во всей Восточной Сибири, и особенно на Амуре, Н. Н. Муравьев-Амурский пользовался бопьшими симпатиями общества... Как генврал-губернатор Восточной Сибири, считаю долгом быть верным истолкователем желаний населения вверенного мне края, чвсть имею обратиться к Вашему сиятельству (он писал министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву.— **Е. К.**) с покорнейшей просьбой повергнуть вышеизложенное на высочайшве государя императора благоусмотренив и ходатайствовать соизволения его величества на открытие в Восточной Сибири добровольной подписки с вышеизложенной целью, с разрешением принимать подписку и от других почитатепей графа Муравьева-Амурского, находящихся ныне в других частях империи...».

21 двкабря 1881 года Игнатьев сообщил, что «государь император... высочайше соизволил разрешить сбор в Восточной Сибири и в других местах империи добровольных пожертвований на сооружение бывшему генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому... памятника... Министерство внутренних дел разослало генерал-губернаторам и губернаторам циркупяр о подписке и направление жертвуемых денег в Иркутск на имя генерал-губернатора в главное управленив Восточной Сибири».

В работе спвциального комитета (во главе с генерал-губернатором Приморского края бароном А. Н. Корфом) большое участие принял товарищ (заместитель) министра народного просвещения Михаил Сергвевич Волконский (сын декабриста Сергея Григорьевича Волконского), служивший под началом Муравьева-Амурского в Сибири, побывавший с ним в Якутске и на Амуре.

Сбор пожертвований на сооружение памятника стал всенародным. К маю 1891 года сумма вместе с процентами достигла 82 тысяч рублей. Всех скульпторов пригласили участвовать в конкурсе.

И вот в Петербурге, в доме М. С. Волконского, 11 апреля 1887 года собрались члены комитета, а также приглашенные ему в помощь писатели и художники. На их суд было представлено 18 моделей и один рисунок. Отобрали три лучшие. Когда вскрыли конверты, то выяснили, что первая премия была присуждена академику А. М. Опекушину, вторая — академику П. П. Забелло, третья — профессору М. Попову.

Один из членов комитета, генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин, вспоминал: «Проект академика Опекушина был весьма хорош. На высоком, отлично украшенном пьедестале, поставлена в горделивой, но вполне естественной позе фигура графа Н. Н. Муравьева-Амурского. Непокрытая голова, с лицом, дышащим энергией и смелым взглядом... Руки скрещены на груди, причем в правой руке была зрительная труба, а в левой — свиток (Айгунского договора.— **Е. К.**) с картой. Левая нога выдвинута вперед и опиралась на верхушку вбитой сваи в ознаменование того, что графом Муравьевым-Амурским положено твердое основание Амурского края. Сваю в несколько рядов обвивала цепь от лежащего у ног якоря...»

14 февраля 1888 года модель фигуры Муравьева-Амурского была выставлена в Аничковом дворце. Ее осмотрел Александр III и одобрил работу. Указал только, что нужно заменить генерал-губернаторский мундир на более простой — походный казачий чекмень. Его повеление было принято.

30 мая 1891 года памятник был торжественно открыт.

А 26 января 1925 года под председательством Яна Гамарника состоялось заседание Дальревкома, на котором было решено фигуру Муравьева-Амурского снять с пьедестала и передать в музей. Статую сбросили с постамента и разбили на куски. Они долго валялись в парке, а у «головы Муравьева» назначались свидания. В годы прошедшей войны остатки монумента отправили на переплавку вместе с бронзовыми досками, на которых значились имена участников Амурских экспедиций.

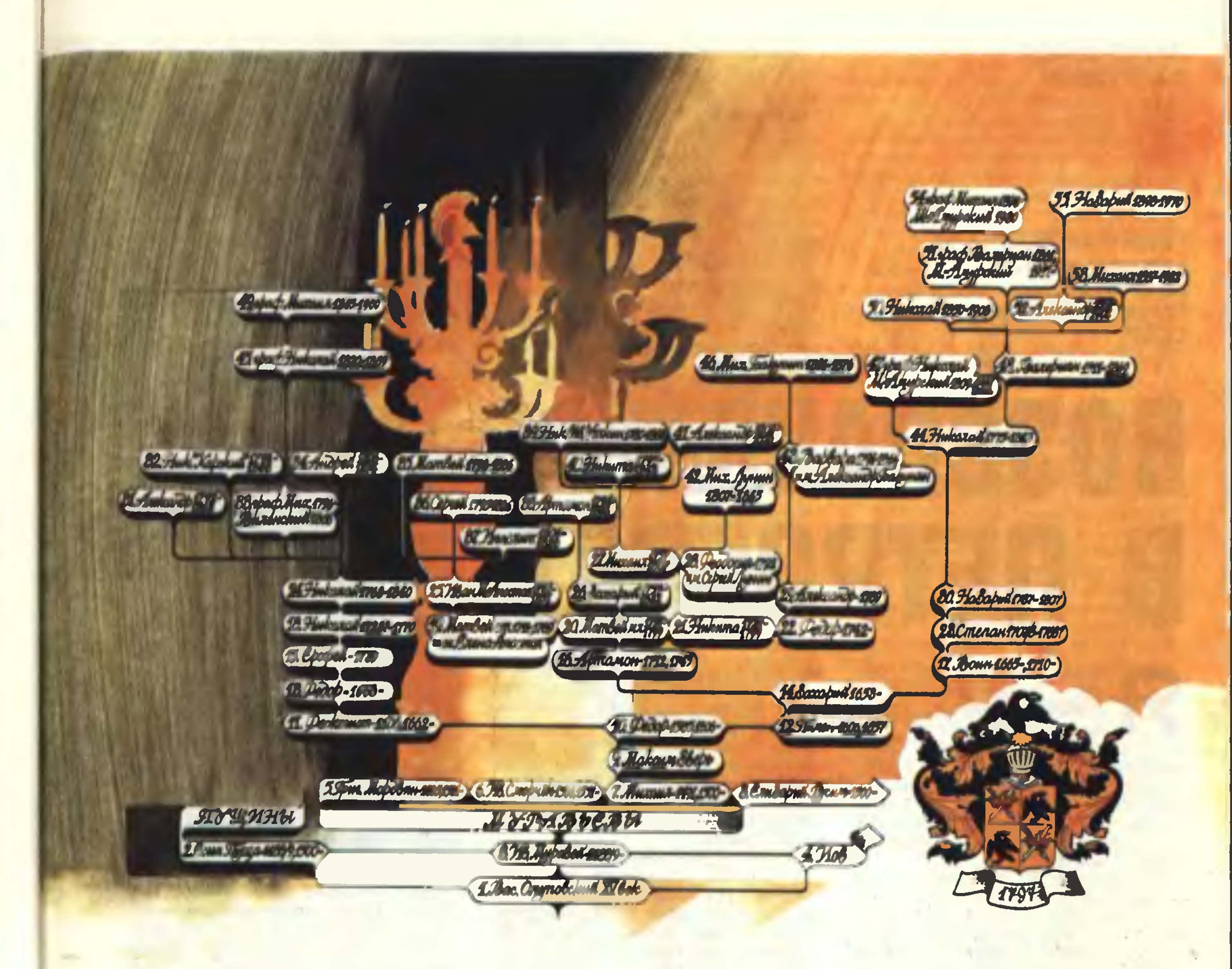
Времена, к счастью, изменились. Летом прошлого года Хабаровский крайком партии и крайисполком вынуждены были под давлением общественности принять решение о восстановлении памятника.

Решение решением, а есть ли реальные — финансовые и технические — возможности его осуществить? Да, есть. В Ленинграде, в Русском музее, сохранилась авторская модель скульптуры, с которой, как полагают специалисты, можно изготовить статую. Воссозданием памятника Муравьеву-Амурскому заинтересовались столичные и местные скульпторы, они также предложили свои услуги.

А для тех, кто хочет помочь этой благородной акции, называю расчетный счет **№ 702402 Жилсоцбанка города Хабаровска**, куда можно перевести деньги на восстановление памятника.

Памятник Н. Н. Муравьеву-Амурскому в петербургской мастерской А. М. Опекушина.

Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский принадлежал к двенадцатому колену древнего дворянского рода, основанного в конце XV века Иваном Васильевичем Муравьем Олуповским — одним из сыновей рязанского боярина Василия Олуповского. Второй сын, Есип Васильевич Пуща,— родоначальник другого небезызвестного русского рода Пущиных. Обоих братьев великий Московский князь Иван Васильевич III «поместил» на землях, отнятых у новгородцев. Иван и Есип поселились в Вотской пятине, в деревнях Сойкины Горы и Урмизно, у самого Финского залива (ныне Кингисеппский район Ленинградской области). Произошло это зимой 6998 года от сотворения мира, то есть зимой 1488/89 года. Сейчас оба рода отмечают свое пятисотлетие.

За многовековую историю среди Муравьевых больше всего прославились потомки третьего сына Ивана Муравья — Михаила (7). От его прапраправнука Ерофея Федоровича (15), Артамона Захарьевича (16) и Воина Захарьевича (17) произошли три основные ветви Муравьевых.

К старшей ветви (Ерофеевичей или Феоктистовичей) принадлежали Николай Ерофеевич Муравьев (18) — инженер, генерал-майор и сенатор, автор популярных песен и первого русского учебника алгебры, его сын Николай Николаевич (24) — генерал-майор, участник войны 1812 года, основатель училища колонновожатых и московского обществ сельского хозяйства; сыновья последнего Александр Николаевич (31) — декабрист, основатель Союза спасения, Николай Николаевич (32) — декабрист, основатель «Священной артели», знаменитый военачальник, Михаил Николаевич (33) — декабрист, впоследствии реакционер, получивший титул графа Виленского и прозвище «Вешатель», наконец, Андрей Николаевич (34) — писатель, востоковед и историк церкви, подаривший Петербургу привезенного из Египта сфинкса. Внук Михаила Николаевича, тоже Михаил Николаевич (49), был министром иностранных дел России и инициатором Гаагской конференции всеобщего мира (1899).

К средней ветви (Артамоновичей) относились три семьи Муравьевых. Главою первой был писатель и дипломат, сенатор Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (он присоединил к отцовской материнскую фамилию). Его дети Матвей (35), Сергей (36) и Ипполит (37) — декабристы, организаторы восстания Черниговского полка. Из второй семьи наиболее известен декабрист Артамон Захарьевич (39). Третью прославили сенатор Никита Артамонович (21), его сын — поэт и просветитель Михаил Никитич (27), дети последнего — декабристы Никита (40) и Александр (41) и незаконный сын Николай Иванович Уткин (39) — художник и гравер. К третьей семье Артамоновичей имеет отношение декабрист Михаил Лунин (42): его мать Феодосия (28) была родной сестрой Михаила Никитича. К Артамоновичам принадлежит и семья, которая дала России революционера Михаила Бакунина (46).

Николай Николаевич Муравьев-Амурский (47) — представитель младшей из трех ветвей Муравьевых — Воиновичей. Его прадед Степан Воинович (23) был флота лейтенантом и участвовал в Северной экспедиции Беринга, отец Николай Назарьевич (44) — начальник собственной канцелярии Николая I, автор многочисленных научных и околонаучных сочинений. Племянники Муравьева-Амурского — Николай Валерианович (50), министр юстиции и дипломат, и Михаил Валерианович (51), историк Новгорода и генеалог, издавший первую научную родословную Пушкиных (в соавторстве с Б. Л. Модзалевским) и две родословные Муравьевых.

Николай Николаевич Муравьев был бездетным. Он испросил разрешения передать свой титул «граф Амурский» в наследство брату Валериану Николаевичу (48). Тот, однако, умер раньше, и Николай Николаевич добился права завещать титул племяннику Валериану Валериановичу (51), который и унаследовал его в 1882 году. Графом Амурским был и его сын Михаил Валерианович (54). В 1915 году, семнадцати лет от роду, он вступил вольноопределяющимся в действующую армию и в том же году был награжден всеми четырьмя Георгиевскими крестами, а через два года стал казачьим сотником и кавалером всех орденов до Анны 2-й степени с мечами. В гражданской войне он участвовал на стороне белых, эмигрировал и умер в Италии бездетным, в 32 года, от неудачной операции. Род Муравьевых-Амурских пресекся.

Сергей МУРАВЬЕВ

ЗАВЕРШАЕМ РАЗГОВОР

Проблема насилия в революции, правомерности ее жертв требует глубокого историко-философского осмысления. Но, помимо строго научного подхода, существует другой — нравственный, человеческий. Сострадание и искренняя душевная боль способны объединить людей разных убеждений. Именно так и получилось, когда после публикации в №№ 4—5 материалов о гибели царской семьи редакция стала получать множество читательских писем. Мы были рады каждому из них, потому что оно означало: еще один неравнодушный человек хочет наладить расшатанные и проржавевшие нравственные весы — те, на которых взвешивают добро и зло.

Сегодня обзором присланной почты мы завершаем разговор. Высказанные на этих страницах мнения наших авторов — Г. Рябова и Г. Иоффе — различны, с некоторыми суждениями редакция не может вполне согласиться. Но вовсе не обязательно одинаково мыслить, чтобы вместе учиться милосердию.

Гелий РЯБОВ,
кинодраматург,
лауреат
Государственной премии
СССР

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТРОГРАД

Я приехал в Петроград[1] осенью — с режиссером и художником будущего фильма о гибели династии, небо было на удивление высоким и синим, мы пришли в Зимний и на окне северо-западного ризолита увидели надпись, нацарапанную на толстом зеркальном стекле: «Nicky 1902 looking at the hussare 17 march» (Никки 1902 смотрел на гусар 17 марта).

И я подумал: 87 лет назад русская императрица наивно обозначила незначительный факт из жизни русского императора, и зтот факт дошел до нас, дожил, сохранился вопреки разрушительной, сжигающей воле, вопреки ненависти, проклятьям, распаду.

Это весьма примечательное обстоятельство. Потому что те, кто поставил своей изначальной и, может быть, главной задачей навсегда отсечь Россию от того, что по нарастающей входило в нашу жизнь после 25 октября, просчитались все же...

Живые нити великой государственности, существующей волею Бога и народа более тысячи лет, нельзя оборвать даже по самому непреодолимому и страшному, казалось бы, произволу и насилию и нельзя обмануть заверениями о том, что все «лучшее»-де из прошлого мы «берем» в свое «светлое» будущее, ибо мы не иваны, не помнящие родства, а пронизанные светом общечеловеческой культуры строители великой Мечты.

Нет в прошлом — в культуре, науке, религии — в любом феномене общественного сознания или бытия «лучшего» и «худшего», кое можно удалить из жизни народа, как больной зуб. Нет и не может быть, ибо бытие неразрывно.

История мученической смерти последнвго русского императора, членов его семьи и последних верных ему людей возникла отнюдь не как проявление псевдоисторического любопытства, а как вполне неизбежное стремление открыть для себя и всех жаждущих правды тщательно спрятанный кусок отечественной истории, который неумолимо свидетельствует: что бы ни возводилось на крови — непрочно, ибо кровь человеческая всегда отзовется, и отзовется страшно.

Утописты-практики закрывали на это глаза или отбрасывали, как нечто вредное и ненужное — опиум для народа, а невежды даже не задумывались, потому что они, невежды, всегда и безусловно живут только сегодня и только для себя. Обо всем об зтом я думал, читая и перечитывая редакционную почту...

Публикация еызвала многочисленные отклики, главный их итог прост и ясен: большинство наших корреспондентов за то, чтобы похоронить Романовых и их людвй по-человечески, то есть по православному обряду и в достойном месте.

О последнем, вероятно, говорить еще рано: решение должно быть принято принципиально, и тем не менее рискну высказать свое личное мнение.

Существуют три варианта — они, во всяком случае, на поверхности: оставить там, где лежат, воздвигнув над ними часовню (или перенести в одну из бывших церквей Екатеринбурга, для чего ее рвставрировать и освятить — это в сущности одно и то же); перенести в Архангельский собор Кремля, к предкам и родоначальнику династии; перенести в родовую усыпальницу — Санкт-Петербургский во имя св. Апостолов Петра и Павла собор в крепости, похоронив рядом с родителями и дедами.

Вести, которые доходят из Свердловска, свидетельствуют, что партийно-государственное руководство города все еще пребывает, как мне кажется, в состоянии гражданской войны.

«...Мальчик кладет одиннадцать роз. Ему столько же лет, сколько было царевичу Алексею. Большинство в безмолвии. Только майор милиции непрерывно и оглушительно повторяет через мегафон: «Это мероприятие несанкционированное, расходитесь!» В руках у людей появляются горящие свечи. Все больше таких, кто ставит свечи на каменную землю среди роз. Все больше маленьких огней. Несколько человек держат перед собой самодельные хоругви, трехцветный национальный флаг. Звучит молитва. Майор подносит к лицу того, кто читает молитву, раструб мегафона и глушит его приказом разойтись». (Все это происходит в Свердловске на том самом месте, где до 1977 года стоял особняк Ипатьева — «Дом особого назначения»...) *«...И вдруг из «коробочек» выскакивают крутоплечие спецназовцы, «режиссер» понял, что пора «брать», и стали «брать». Некто в штатском на виду у всех профессионально обрабатывал по ребрам артиста Анатолия Гомзикова, которого несли три молодца...»*

Это короткая выдержка из подробного письма Юрия Васильевича Липатникова о том, что случилось в Свердловске 17 июля 1989 года, когда была сделана попытка почтить память Романовых и их людей, отметить 71-ю годовщину кровавой акции.

Будем реалистами: даже если «отцы города» и получат указание из Москвы быть лояльными к погребению праха в Свердловске или области (такого указания нет, и Бог весть — появится ли оно?), полагаю, что будут приняты «особые» меры: однажды утром горожане проснутся и узнают, что «неизвестные хулиганы» (а кто же еще?) осквернили место захоронения, причем настолько, что от останков практически ничего не осталось. Так что, думаю, «свердловский» вариант безнадежен...

Может быть, Москва? Архангельский собор?

Это тоже нереально. Кремль — резиденция Правительства, место деятельности Верховного Совета СССР, у Кремля похоронены борцы за Октябрьскую революцию, здесь Мавзолей В. И. Ленина. Здесь ли хоронить последнего русского царя?

Остается последнее: Санкт-Петербург, город Святого Петра, основанный Трвтьим Романовым; он может и должен — на мой взгляд — принять под спуд собора Петра и Павла останки безвинно погибших. В зтом есть великий смысл и еще более великое Искупление.

Но все по порядку.

«Может показаться, к примеру, абсурдом развернутая сейчас... кампания за реабилитацию и возведение в ранг святых великомучеников (!) царя Николая Кровавого и членов его семьи... зта кампания может смутить души многих людей, слабо знакомых с историей». Далее автор зтого пассажа возмущается тем, что поднимается все выше *«мутная волна красочных россказней»* о том, что *«большевистские варвары зверски убили последнего русского императора»*, что тем самым *«коммунистическая сатанократия предприняла свой первый опыт геноцида, а посему, дескать, кости Николая II и членов его семьи надо похоронить в «исторической усыпальнице царей — а Петропавловском соборе Санкт-Петербурга». ... Почему мы не противопоставляем подобным выступлениям историческую правду о кровавом царе..?»* — вопрошает недавний член ЦК КПСС Юрий Жуков.

Юрий Жуков отстаивает свои партийные и человеческие позиции, свое знание новейшей истории Родины. Это его несомненное право.

Я не историк. Но знаю, что с XVII века и по нарастающей — царское, затем императорское правительство России допускало одну ошибку за другой, кроваво подавляя отдельные выступления за новую, лучшую жизнь, преследуя инакомыслие. Опоздали с отменой крепостного права (хотя вот самый нравственный персонаж чеховского «Вишневого сада» Фирс полагал, что «до несчастья», то есть до 19 февраля 1861 года в России все было хорошо!), на сто (как минимум!) лет затормозили Прогресс, с последней же четверти XIX века процесс стал сплошь и рядом принимать неестественные, уродливые формы хищничества и усиленной зксплуатации, что и вызвало, согласно третьему закону Ньютона (не я первый заметил зто — социальная среда значительно более упруга, нежели физическая), равное и неадекватное (позже) противодействие.

Сами виноваты.

Но ведь лучшие русские умы (Гоголь, Салтыков-Щедрин, например) были убеждены и всем своим творчеством доказывали непреложно, что от добра добра не ищут и надобно старательно исправлять и улучшать то, что Бог дал, а не затевать Вселенскую ломку с непредвиденными последствиями.

Можно, можно было и дураков-генералов перевоспитать или устранить (ненасильственно, одним только улучшением нравов, как и заповедал великий Пушкин!), и мужика включить в прогресс естественно, не разрывая все до основания — ведь это и делалось при Николае II, вспомним реформу великого русского человека Столыпина, который упразднил общинное землевладение и насаждал крестьян-собственников, сеятелей и делателей, и вел Россию семимильными шагами к сытому первенству на Земле и нравственному состоянию. Община (предшественница совхозов и колхозов) выжигала живую крестьянскую душу дотла, плодила Завистливый и Безнравственный коллективизм с привкусом легкой соседской крови, давила и душила. Мы сегодня по-прежнему можем только мечтать о том, к чему стремился в зкономике П. А. Столыпин.

Все можно было, но мы пошли другим путем и теперь заявляем: «Мы все родом из Октября».

Рискну поспорить: мы родом из России, ибо, как верно заметил один из авторов писем, Октябрю 72 года, а России — тысяча лет.

Об идеалах: Всемирная Советская республика? Всемирная революция для зтого? Революционная война? Красное знамя труда над всей землей?

Возможно ли достигнуть всего зтого с помощью плюрализма?

Правда, от этого давно отказались.

Мир — народам, земля — крестьянам, фабрики и заводы — рабочим? Но ведь зто не идеалы. Это практические задачи, из которых пока реально выполнена только одна — мир народам. Великое достижение, небывалое в истории Страны Советов, но два остальных даже не на горизонте?

«Только совхозы и колхозы»,— утверждает уполномоченный на то член Политбюро ЦК КПСС.

Хилый Закон о государственном предприятии оброс антиинструкциями и не действует. Но тогда, спрашивается, каким образом передать фабрики и заводы рабочим?

Я заглянул в Советский энциклопедический словарь и обнаружил: «Все во имя человека, все для блага человека. Социализм — зто общество, в котором: средства производства в руках народа, навсегда покончено с зксплуатацией человека человеком, социальным угнетением, властью привилегированного меньшинства, нищетой и неграмотностью миллионов людей». Как понимать, «все во имя и для блага», когда народ голоден и раздет, а страна разорена именно в результате огнем и мечом проводимого «во имя и для блага»? «В руках народа»? Разве себялюбивые и антинародные наросты в виде министерств и ведомств — это народ? «Покончено с зксплуатацией»? Но человек, во имя которого живут и творят руководители и направители, есть не субъект деятельности, а пока всего лишь безликий объект, получающий едва ли пятую часть того, что зарабатывает на самом деле? А ведь прибавочный продукт полностью присваивается теми, «кому виднее»? Разве зто не зксплуатация?

Разве исчезло социальное угнетение, когда меньшие социальные группы оседлали практически всех остальных и выдавливают из них все, на что хватает сил и умения?

Разве не существует власти привилегированного меньшинства? Да ведь это утверждение Энциклопедического словаря, согласно поэтике Аристотеля, не более чем проявление комического в виде иронии, когда утверждается (или отрицается) то, что прямо противоположно реальности! Словарь горько иронизирует, вот и все!

В этом подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге летом 1918 года погибли вместе с Николаем II и его дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия.

[1] То, о чем я пишу здесь, к Ленинграду никакого отношения не имеет.

Нищета? Да у нас миллион бездомных и несчастных, 6 миллионов безработных, 40 миллионов живут ниже черты бедности!

...А тысячелетняя Россия, сколь бы «плоха» она ни была, и своим хлебом кормила не только собственный народ, но почти весь остальной мир, и во время первой мировой войны ни на миг не останавливала процесс обмена бумажных денег на золотые, и чистого товарного хлеба собирала столько, сколько наш СССР никогда вообще собрать не смог ни разу! И бюджетного дефицита в России не было (при Николае II Кровавом — я имею в виду), и преступность неуклонно сокращалась (57 человек в 1911, 56 — в 1912 году в расчете на сто тысяч населения, тогда как сегодня эта преступность неуклонно растет, достигает двух тысяч на сто тысяч населения — страшная сила, даже с учетом того, что в «той» России было 180 миллионов человек, а в нашей с вами — 280 миллионов), и рождаемость при вышеобозначенной цифре населения в России была 1700 человек на сто тысяч, у нас же (согласно статистике) 2000 — на сто тысяч, но здесь разница в общем количестве населения весьма и весьма существенна, я думаю...

«Есть нечто гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, не уменьшая при этом нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем рождаемость». Я думаю, комментарии к этой фразе Маркса в данном случае излишни.

В абсолютном же исчислении трагедия России «Николая II Кровавого» (как настаивает Ю. Жуков) и России социалистической совершенно несравнимы.

При царе (но без его непосредственного участия и вины) погибло 75 тысяч человек (имеются в виду расстрелы демонстраций, казни, смерть в тюрьмах и на каторге, смерть по приговорам военно-полевых и иных судов и так далее), что является несомненной трагедией, но мне бы хотелось заострить внимание на другом — в печально знаменитые годы террора погибло от голода, в тюрьмах, лагерях, этапах, ссылках, от бессудных расстрелов и просто запланированных убийств от 40 до почти 70 миллионов советских людей (как утверждают историк Рой Медведев и Словарь рекордов Гиннесса за 1988 год).

Так стоит ли нам всуе говорить о ценностях социализма, или следует создать,— а, точнее, воссоздать — общечеловеческие? Трудно не согласиться с М. С. Горбачевым: «Мы должны сотворить и выстрадать свое, социалистическое». Примечательная констатация: «сотворить» — значит, создать то, чего еще нет. Что касается названий и определений — это, на мой взгляд, малосущественно. Было бы хорошо стране и всем в стране, вот и все...

Гегель утверждал: «Неудовлетворенное стремление исчезает, когда мы познаем, что конечная цель мира (добро.— **Г. Р.**) столь же осуществлена, сколь и вечно осуществляется. Это вообще позиция зрелого мужа, между тем как юношество полагает, что мир весь лежит во зле и нужно сначала сделать из него другой мир». Помните? «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Это сказал Маркс, эти пламенные слова высечены на постаменте его памятника. К счастью для Маркса, он никогда не интересовался практической ценой, которая будет уплачена за это пресловутое изменение. Маркс был теоретик.

Письмо, которое я хочу сейчас процитировать, получено редакцией «Медицинской газеты» и опубликовано 30 июля 1989 года. На мой взгляд, эти строки весьма ярко выражают отношения многих и многих наших сограждан к проблеме уничтоженных Романовых: *«В подвале дома Ипатьевых не только была расстреляна семья Романовых! Расстреляна была Россия! Романовы и их приближенные должны быть погребены по христианскому обычаю — с памятником на могиле. Я отдам свою 50-рублевую пенсию на памятник с благом на сердце. Поймите, что история нужна не так нам, как нашим детям и внукам. Только правдивая, правдивая... На крови и лжи не может быть ни нравственности, ни здоровья нашей великомученицы-страны».*

Эти удивительные искренние строки прислала из Орджоникидзе Галина Григорьевна Виноградова.

«... надо вести поиск тех, кто дал архиантичеловечный приказ о расстрелах «бывших», кто повинен в смерти сотен тысяч ни в чем не повинных людей»,— пишет Л. В. Зубков из Оренбурга. Что ж, гражданское самосознание нашего народа отрадно возвышается на глазах, оговоримся только: обнаружение неопознанных палачей нужно не для мести, ибо в руках человеческих она не оружие, а бессмыслица. «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение Я воздам, говорит Господь» (К римлянам, XII, 19).

Божий суд, суд Совести, суд Истории — как ни назови, смысл в этом и только в этом, ибо кровь и ненависть рождают себе подобных... Что же касается предложения Л. В. Зубкова — здесь полная и несомненная ясность. Два года назад, говоря о массовых репрессиях 30-х годов, М. С. Горбачев заметил, что ответственность за эти репрессии несет государственное руководство того времени. Партийно-государственное, уточнил бы я.

«...Преступления совершались против собственного народа. Против человечности (система заложничества), военные преступления (расстрелы каждого десятого, как, например, при сдаче Вятки), концлагеря (советские!!!), реквизиции (грабежи мирного населения), и снова казни, казни, казни... И все это делали не какие-нибудь заурядные разбойники, но еще и циники, клеветники, успокоившиеся только тогда, когда они погребли, как им казалось, навсегда свои жертвы и людей, бежавших от их произвола, в толстом слое грязи, которой поливали «коронованного палача» и его «шайку» через много лет после их трагической гибели» (К. Курков, Москва).

«Я не монархист, но считаю, что убийство Николая II и членов его семьи является дикой бессмыслицей» (Е. Севастьянов, Киев).

«...Некоторые наши собеседники оправдывают казнь Романовых и другие перегибы тем буйным временем. Однако жизнь человеческая не теряет своей огромной ценности и прелести в зависимости от того, какая политическая обстановка складывается в то или иное время. Убийство не меняет своей преступной сути ни в 1918, ни в 1989 году!» (сотрудники Центрального Государственного архива звукозаписи. Москва. Всего двадцать подписей).

Трудно возразить... Ибо, утверждая право тех, из 1918-го, делать то, что они делали, и оправдывая это «право» их «революционной убежденностью», их «любовью к революции», их безудержным стремлением загнать человечество к счастью железной рукой, мы забываем, что категории «добра» и «зла» не сиюминутны и не временны, не принадлежат только своему времени, меняясь с ним. Нельзя давать расширительное (как говорят юристы) толкование евангельской позиции о том, что «закон производит гнев», а «где нет закона — нет и преступления». Меняющиеся представления общества о том, что такое хорошо и что такое плохо, не есть оправдание любых манипуляций, любых действий: они-де тогда так считали и этим все сказано. Нет, конечно. Законы (плохие) могут меняться, но десять Заповедей — вечны и неизменны. Они, по слову В. Высоцкого,— «при всегда». И тем, кто ради проверки собственных воззрений (даже искренне полагая эти воззрения «идеалами») устраивает над собственным народом кровавый эксперимент — пусть и во имя «великого будущего» — тем нет и не может быть оправдания, тем — анафема. Объяснение их поступкам, впрочем,— это то единственное, на что они все имеют право. И не более того.

«Писатель Гелий Рябов, сын комиссара гражданской, занят сейчас обстоятельствами расстрела семьи Николая II на Урале. Он рассказывает об этом в различных средствах массовой информации...

Сколько по Руси безымянных могил, невостребованных прахов! Но почему некоторых людей не волнуют ни декабристы, ни сотни тысяч невинных, расстрелянных в тридцатые годы? Почему смерть последнего монарха так занимает сегодня просвещенные умы иных писателей, поэтов?...

...Французскому королю Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте отрубили головы на гильотине. Сейчас, по прошествии стольких лет, никто во Франции не поднимает вопроса о правомерности этого акта революционного возмездия.

Зачем же нам ворошить прошлое, закрытое самой историей?» (М. Сидоров, Казань).

«Необходимо принять решение о захоронении останков царской семьи согласно христианской традиции, решительно отбросив лицемерный страх перед канонизацией новоявленных мучеников. Мучеников не надо создавать!

Предвижу возражения: у нас лежат незахороненными останки тысяч воинов, миллионов жертв сталинщины — простых русских людей, где уж тут думать о Романовых. Прежде отдать долг тем, безвинно погибшим. Да, все так, но если призвать в судьи остатки нашей этики, культуры, души, они подскажут, что нет «более» или «менее» безвинно павших. Нет очереди среди засыпанных хлоркой во рвах, оврагах, брошенных в степи, сожженных, лишенных вечного покоя. «Забвение» одного такого случая — тяжкий позор на головы всех живых... Не знаю, как другим, а мне не ощутить нашей истории, пока она «нигде», пока некуда прийти и коснуться, и понять... Где трехсотлетняя история правления Романовых? Где Осип Мандельштам? Где Вавилов? Где Гумилев, Мейерхольд?..

...Так не дадим потеряться нити, ведущей нас не только духовно, но и материально к предкам нашим. Нужно организовать общественный процесс и добиться захоронения останков членов семьи последнего императора» (С. Свиридов, Калининград областной).

...Так почему же в Петропавловском соборе?

Есть, на мой взгляд, неотразимый довод. В Петрограде началась Великая Октябрьская социалистическая революция. Сколь ни была она бескровна (во время взятия Дворца уничтожили много утвари и ценных предметов искусства, но людей действительно погибло мало: не более шести человек), именно после нее начались и красный террор, и большой террор, именно вслед за ней произошло практическое перерастание войны империалистической в войну гражданскую, именно она рубеж жизней — и поэтому именно здесь, в Петрограде, и должна быть подведена черта под кровью, ненавистью, именно здесь должна закончиться все еще длящаяся гражданская война. Похороны останков главы Русского государства, его близких, его людей (разве они не заслужили этой чести? Разве не сказано: «Будь верен до смерти, и я дам тебе венец Жизни»?) будут актом величайшего милосердия всего народа. И лишь тогда станут реальными звучащие сегодня призывы к обновлению, к строительству новой и наверняка лучшей жизни.

Кто знает? Может быть, одна из величайших утопий человечества, один из его прекрасных снов, до сего времени всегда, повсюду и безусловно оборачивавшийся в пробуждении ужасом — Бог даст и совершится садом Любви, Труда, Изобилия и Счастья.

Кто бросит камень в ТАКОЙ социализм?

■

ПО ЗАКОНАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Генрих ИОФФЕ,
доктор исторических наук

В редакции журнала «Родина» мне показали множество читательских откликов на публикации Г. Рябова и мою о трагическом конце последних Романовых и предложили высказаться еще раз. О чем? Кажется, я написал все, что на сегодняшний день мне известно об этой страшной истории. Что же еще? Но я вспомнил об одной своей старой архивной находке, и мне подумалось, что о ней стоит рассказать: она рождает немало мыслей...

В апреле 1928 года известный разоблачитель революционных тайн и жандармских секретов, «Шерлок Холмс русской революции» Владимир Бурцев (он жил тогда в Париже) обратился к неутомимому собирателю материалов по истории России эпохи революции, меньшевику Борису Николаевскому (жившему в Берлине) с просьбой. «По некоторым обстоятельствам,— писал Бурцев,— я занят сейчас делом убийства Николая II». В связи с этим он просил Николаевского сообщить ему все, что у него имелось по этому делу. Бурцева, в частности, интересовали сведения о комиссаре В. Яковлеве, перевозившем Романовых из Тобольска в Екатеринбург, об уральцах, приводивших приговор о расстреле в исполнение, о том, где решался вопрос о казни Романовых.

Что же ответил Николаевский? Он написал Бурцеву, что ему «не хочется касаться этой темы», не хочется потому, что, нападая на большевиков «именно за это их дело», он, Николаевский, вместе с Бурцевым рискует попасть «в очень теплую компанию, а мы, как Вы знаете, с Марковым-2-ым на политические панихиды ходить не собираемся». «Я очень извиняюсь,— писал Николаевский,— что ставлю вопрос несколько резко, но мне кажется лучше высказать мою точку зрения полно»[1].

Я вспомнил эту переписку 60-летней давности и вдруг ощутил, что в какой-то мере стал жертвой того, чего так предусмотрительно избежал умный Николаевский. В последнее время мы стали свидетелями «романовского бума», по ироническому замечанию одного из английских авторов, «громкого стука царских скелетов в русском шкафу». Журнал «Родина», «Московские новости», следом «Огонек», телепрограммы «Взгляд», «Пятое колесо», многие периферийные газеты во всех деталях рассказали нам о казни Романовых с комментариями, в которых иногда довольно явно проскальзывает монархическая, а то и черносотенно-монархическая ностальгия.

Лично я обратился к этой больной теме еще в конце 60-х годов, когда оценка екатеринбургских событий июля 1918 года, оценка того, что тогда произошло в доме Ипатьева, была классово-однозначной: расстрел Романовых был хотя и вынужденной, но вполне оправданной и обоснованной мерой; любые рассуждения по этому поводу либо находились под запретом, либо, в лучшем случае, не должны были выходить за установленные рамки. Но, прочитав книгу английского мемуариста и советолога Р. Пэйрса «Конец русской империи» (а затем и другие книги, вышедшие на Западе), я уже не мог принять официальную точку зрения. Ужас ипатьевского подвала нравственно потрясал, выводил на новое понимание революционной и контрреволюционной эпохи вообще, понимание, никак не вмещавшееся в «классовый подход», которому учили в наших университетах. Я смотрел на фотографию убитых царских детей и на фотографию семьи моего деда, сделанную заезжим фотографом еще в начале века в далеком белорусском селе. Снятые на ней пять сыновей, пять еврейских мальчиков, одетых в одинаковые русские рубашки-косоворотки, прошли потом через первую мировую, революцию, гражданскую, тридцать седьмой. И погибли все. Сколько же было таких мальчиков?..

Они шумели буйным лесом.
В них были вера и доверье,
Но их повыбило железом,
И леса нет — одни деревья.

(Давид Самойлов)

Вставала, вырастала проблема: революция, контрреволюция и цена человеческой жизни, революция, контрреволюция и мораль. Но в те годы она была вне нашей историографии...

Пришла перестройка. Многое, очень многое, на чем вчера еще лежало суровое табу, стало возможным. Началась переоценка ценностей. Сказано наконец и о том, что волновало, а то и мучило меня почти 20 лет: о терроре, о расстрелах, о «Доме особого назначения». Теперь, однако, я все сильнее стал ощущать «синдром Николаевского». Тут

[1] ЦГАОР СССР, ф. 9217, оп. 1, д. 2, лл. 66—66 об.

самое время сказать о том самом Маркове-2-ом, в одной компании с которым не хотел оказаться Николаевский, о тех силах, которые олицетворял этот Марков-2-ой. Перед революцией при одном упоминании его имени в сознании сразу всплывало зловещее слово: черносотенство. Возможно, рассказ о нем несколько и удалит меня от темы, но тем не менее он необходим. Это, как мне кажется, поможет пониманию моей главной мысли.

Черносотенство трудно понять вне той социально-политической обстановки, в которой находилась Россия конца XIX — начала XX века. Ее можно определить одним словом: кризис. Нищета большинства населения, военные поражения, падение престижа царской власти и как результат — глубокое социальное разъединение...

Российская общественная мысль вновь лихорадочно билась над «проклятыми вопросами»: *кто виноват?* и *что делать?* При всех своих различиях революционеры-демократы и либералы сходились в ответе: виновато самодержавие, консервировавшее страну, тормозившее развитие страны и народа; самодержавие надо устранить. Однако для правых кругов, поддерживавших царизм и находивших в нем опору, мысль о том, что беды страны — следствие ее архаического государственного строя, следствие ее экономической и культурной отсталости, казалась антипатриотической, чуть ли не кощунственной. Виноватого они предпочитали искать на стороне, в кознях и происках «Врагов России» и ответственность за все беды и «смуту» перекладывали на них...

В 1905 году на вопросы *кто виноват?* и *что делать?* ответил народ.

Россия — в революции! Практически все общество — от рабочих до прогрессивно настроенных буржуа — решительно требовало демократизации страны, гражданских прав. В глазах «охранителей» наступил момент, когда, как им казалось, надо не только держать оборону, но и переходить в наступление.

Правая газета «Московские ведомости» 24 февраля 1905 года призывала: «Теперь пришло время. Поднимайтесь! Сам государь зовет вас... против крамолы, против изменников и безумцев... Сходитесь, узнавайте друг друга и сплачивайтесь во имя церкви православной, царя самодержавного и народа русского».

В 1905—1906 годах при правительственном поощрении и поддержке стали создаваться крайне правые монархические организации: «Русское собрание», «Союз русского народа», «Русская монархическая партия», «Союз имени Михаила Архангела» и другие, более мелкие. Их было довольно много, по некоторым подсчетам — несколько сот со своими шумными печатными органами «Русское знамя», «Земщина», «Вече», «Курская быль» и другие. Лидеры этих организаций — А. Дубровин, В. Пуришкевич, Н. Марков-2-ой, И. Восторгов, С. Шарапов и другие — быстро приобретали скандальную известность. Между ними шли вражда, грызня, главным образом из-за правительственных субсидий, покровительства властей, «сильных мира сего». Полиция и охранка смотрели на них чуть ли не как на свои филиалы. С. Ю. Витте писал: «...Трудно было найти, провести черту, где кончаются агенты секретной полиции, охранного отделения и где начинаются деятели так называемого «Союза русского народа».

К чему эти «деятели» призывали, какова была их программа? Русский народ, утверждали они, по своему духу верен монархии, царю, правителю. Никакие перемены в социальном и политическом строе ему не нужны. Они на руку только «инородцам», среди которых на первом месте стоят евреи — своего рода ударная сила тайного «жидо-масонского заговора», распространяющегося на весь мир. Поскольку же на пути осуществления этого заговора как последний бастион стоит русская монархия, главная цель «жидо-масонов» — сокрушить ее разными путями. В одном из «посланий» Главный совет «Союза русского народа» писал: «С особой наглостью они требуют от царя назначения министров из их среды, министров, ответственных перед стакнувшимися политическими партиями, а не перед царем, министров, поставленных инородцами и жидами...». Решающее «доказательство» существования «жидо-масонского заговора» — «Протоколы сионских мудрецов», фальшивка, сфабрикованная в недрах охранки и в начале века опубликованная черносотенцами Г. Бутми и П. Нилусом. Претендуя на выражение интересов всего русского народа, «Союз русского народа» и родственные ему «союзы» требовали «уничтожения в стране всякой политической партийности».

Здесь находился Дом особого назначения. На его месте в июле 1989 года состоялся молебен.

Фото Юрия ПОДКИДЫШЕВА

Как и другие политические организации (в этом отношении они ничем не отличались), крайне правые старались придать своему движению массовый характер. Отсюда демагогическая критика заводчиков, биржевых дельцов, даже помещиков (правда, преимущественно «инородцев», грабящих «рабочего человека»). Отсюда — насаждение в разных городах «отделов» и «подотделов», стремление втянуть в них и в боевые организации—дружины, получившие в народе название «черная сотня», представителей «низов». И это удавалось. В. И. Ленин писал, что за правыми, черносотенными организациями пошла часть «темного, одураченного, иногда прямо подпаиваемого простонародья» (ПСС, т. 15, с. 19), «часть темных, несознательных рабочих, крестьян, городской бедноты» (ПСС, т. 16, с. 176). То была мрачная сила. В годы первой революции и сменившей ее реакции она черной волной прокатилась по многим городам, чиня насилия, побоища и погромы. Вид охотнорядческого лавочника с колом в руках долго символизировал черносотенство.

Но стать массовой «монархической партией» черносотенцам все-таки не удалось. И это понятно. Их «программа» начисто отсекала и отталкивала «инородческие элементы». Тут ничего не могли изменить и отдельные «приличные» правые газеты, писавшие, что надо все-таки уважать всех подданных царя, даже если они и евреи. Ну а «верный царю» «истинно русский человек», на которого рассчитывали черносотенцы, существовал главным образом в их воспаленном воображении. Мужика и помещика, рабочего и фабриканта примирить было уже невозможно, а царская власть показала свою «любовь» к народу в Кровавое воскресенье 9 января на Дворцовой площади. Глубокие социальные противоречия раскололи Россию...

Все, что было демократического, прогрессивного, просто порядочного, сторонилось черносотенцев и их «союзов». От них старались отгородиться и те представители «верхов», которые сознавали необходимость осуществления модернизирующих страну реформ. Министр внутренних дел Н. Маклаков (с ним черносотенные лидеры связывали особенно большие надежды) с горечью писал: «Беда наша в том, что среди нас (крайне правых.— **Авт.**) не находятся, как говорят англичане, «нужные люди на нужном месте. На «левое» дело таких субъектов хоть отбавляй, а у нас — ни души. Пустыня!»

Неспособность стать массовой политической организацией во многом определяла характер деятельности крайне правых, черносотенцев: закулисные интриги, клевета, террор. «Боевой счет» они открыли уже в 1905 году убийствами большевиков Н. Баумана и Ф. Афанасьева. Но охотились они не только за революционерами. Либералы, подозреваемые в связях с «жидо-масонами», вызывали у них, пожалуй, не меньшую ненависть. В 1906—1907 годах были убиты профессор Московского сельскохозяйственного института кадет М. Герценштейн и видный либеральный публицист Г. Иоллос. Даже царские министры, подозревавшиеся в либерализме и масонстве, становились объектами черносотенной травли и преследований. Готовили покушение на премьер-министра С. Витте, стремившегося к индустриализации России. Сменивший его П. Столыпин, который замыслил осуществить радикальную реформу в деревне и подвести под монархию новую социальную опору — крепкого мужика-фермера,— был фактически свален придворной камарильей, тесно связанной с крайне правыми политическими кругами (в них, как мы уже писали, глубоко проникла охранка). Столыпин сам предсказывал, что охранка покончит с ним. Так и произошло: в 1911 году он был убит тайным охранным агентом.

Апофеозом черносотенства можно, пожалуй, считать «дело Бейлиса» — обвинение в ритуальном убийстве «христианского мальчика», разбиравшееся в Киеве. Лучшие русские адвокаты вели защиту. Прогрессивная, демократическая Россия отвела позор, который черносотенцы готовы были обрушить на страну. В 1913 году судом присяжных обвиняемый был оправдан. А когда для монархии наступил поистине судьбоносный час — февраль 1917 года,— крайне правые, черносотенные организации, в своем «верноподданничестве» громившие всех и вся, не только не попытались защитить гибнущий царизм, но фактически предали его, сразу же сбежав с «корабля» и попрятавшись по темным, укромным углам. Даже свитские приближенные при первой же возможности покинули царя. Только очень небольшая группка бывших придворных решилась остаться при нем в час его беды. Когда утром 9 марта 1917 года поезд с уже арестованным в Могилеве Николаем II пришел в Царское Село, по словам начальника царскосельского гарнизона полковника С. Кобылинского, бывшие свитские чины «посыпались на перрон и стали быстро, быстро разбегаться в различные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают... Сцена была весьма некрасивая» [1].

Это действительно поразительный факт: практически никто в стране не проявил ни малейшей готовности поддержать, защитить падавшую монархию. Публицист парижских «Последних новостей» Б. Мирский в статье под названием «Белые лилии Маркова-2-го» клеймил вчерашних верноподданных царя как «трусливых наемников». «Двор, бюрократия, дворянство,— писал он,— отказались от белых лилий без единой черточки героизма, без единого подвига» [2].

[1] Коллекция ЦГАОР. Из показаний С. Кобылинского следователю Н. Соколову. См. также Волков А. Около царской семьи. Париж, 1928, с. 52.

[2] «Последние новости». Париж, 1920, 7 июня.

Представители различных политических течений и групп давали разные толкования этому удивительному феномену, но, по-видимому, наиболее близким к истине следует считать то из них, которое указывало на факт почти «тотальной» компрометации последних Романовых в глазах широких общественных кругов перед Февральской революцией. Нигде, ни в одном регионе страны в белом движении, в котором монархические и даже черносотенно-монархические настроения были достаточно ощутимы, не поднимался монархический флаг, флаг реставрации Романовых. Почему? Приведем только одно, но очень красноречивое высказывание белогвардейского полковника А. Степанова: «Царская семья, как равно и монархические принципы, так заплеваны и загажены, что вряд ли встретят какой-либо отклик среди народа... Поэтому, как это ни тяжело и ни больно признать, монархические лозунги... потерпят полное фиаско» [1].

Ни в коей мере не оправдывая ужасное «ипатьевское действо» в Екатеринбурге летом 1918 года, надо тем не менее и честно признать, что в монархических и особенно черносотенно-монархических стенаниях по «невинно убиенным» Романовым было много политиканского ханжества.

Талантливый поэт Арсений Несмелов (А. Митропольский), бывший поручик Фанагорийского полка, воевавший в Сибири в армии Колчака и ушедший с ее остатками в Китай, на мой взгляд, с большой нравственной силой выразил это. Жизнь Несмелова, его судьба не дают никаких оснований сомневаться в его искренности. Хочу привести здесь его стихи «Цареубийца», написанные еще в 20-х годах.

Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростью ладан жжем,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки Царя идем.
Бережем мы к убийцам злобу,
Чтобы собственный грех загас,
Но заслали Царя в трущобу
Не при всех ли, увы, при нас?
Сколько было убийц? Двенадцать,
Восемнадцать иль тридцать пять?
Как же это могло статься,—
Государя не отстоять?
Только горсточка этот ворог,
Как пылинку бы его смело:
Верноподданными — сто сорок
Миллионое себя звало.
Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни,—
Не на всех ли отраву возлил
Некий яд, отравлявший дни.
И один ли, одно ли имя,
Жертва страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих Царей.
И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь:
Замыкаешь ты, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь! [2]

Горькие, честные, прекрасные стихи. И я думаю, что и в сегодняшнем «плаче» новоявленных наследников вчерашних монархистов и черносотен-

[1] Степанов А. И. Сибирская операция — «Белое дело», т. 1, Белград, 1926, с. 85.

[2] Эти стихи впервые опубликованы в журнале «Знамя», 1989, №7, с. 234.

цев не меньше лжи и лицемерной болтовни, чем в те уже далекие годы, когда об этом писал Арсений Несмелов. Только совершенно наивный человек может поверить в нравственные принципы черносотенцев. Убежден, что страшная история расстрела Романовых как раньше, так и теперь нужна им не для проповеди гуманизма, а для разжигания самых темных политических страстей, я бы сказал, для создания собственного «Краткого курса» истории, в котором в оценках исторических событий будут всего лишь переделаны плюсы на минусы и наоборот. В этом новом «Кратком курсе» на революции уже ставится крест как на наваждении чуждых, «инонациональных» для России сил, а контрреволюция и реакция восславляются как нечто святое. В этой перестановке история казни последних Романовых, увы, начинает играть чуть ли не главную роль.

«Наша задача — задача неравнодушных читателей,— не воспринимать повествование о расстреле царской семьи как некий «детективчик», а трезво и мужественно задаться вопросами «всерьез». Главнейшие из них, думается, следующие.

*Почему мы, **несмотря ни на что,** воспринимаем случившееся 70 лет назад столь остро,— тут и недоумение, и виноватость, и осиротелость, и тоска смертная? Известно, что на Урале чуть ли не треть поминальных записок — о государе и других членах дома Романовых, достойно принявших смертные муки; известно, что только взрыв дома Ипатьева в 1977 году прервал паломничество к месту расправы над беззащитными.*

Что означает эта расправа в нравственном смысле, метой чего является в истории Отечества? Ведь неясным для читателя, как и, думается, даже для коронованных особ Европы, остается вопрос о ритуальности убийства. Непонятно, что означает факт разоружения русской охраны Янкелем Юровским за день до расстрела. Какова степень причастности к этому преступлению Свердлова, на чьей квартире за месяц до того проживал его друг Шая Голощекин; Троцкого, через много лет «защищавшего» убийство, его особоуполномоченного Мебиуса; Пинхуса Войкова, в честь которого в Москве названа станция метро, а также Зиновьева, Урицкого и Ленина» (Игорь Дьяков, Москва).

Неужели пережитое всеми нами со времен революционных потрясений, ожесточенных столкновений бешеных политических потоков, разорвавших страну на части, унесших миллионы человеческих жизней,— неужели все это не дает нам права и силы посмотреть на прошлое не с классовых или националистических позиций, но с позиций гуманистических, общечеловеческих? Неужели не прав Н. Бердяев? Даже изгнанный из родной страны, обиженный и оскорбленный властью, он нашел в себе силы сказать: «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как кое-что извне мне навязанное... Мне глубоко антипатична точка зрения многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, а более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой...»

Арсений Несмелов не знал этих слов Бердяева, но с той, с «белой стороны», он по-бердяевски грустно и мудро сказал и о «доме Ипатьеве». А что же мы, с нашей «красной стороны»? Вдруг будем теперь искать виноватых, которые во главе с Я. Свердловым, убивая царя, руководствовались какими-то зловещими «особыми планами»?

В 1976 году ленинградский журнал «Аврора» неожиданно для тех времен напечатал стихи Нины Королевой, за что и был подвергнут идеологическому наказанию. Вот эти прекрасные стихи, которые, кстати, как мне кажется, во многом гармонируют со стихами Арсения Несмелова.

Оттаяла или очнулась? —
Спасибо, любимый.
Как будто на землю вернулась,
На запахи дыма.
На запахи речек медвяных
И кедров зеленых,
Тобольских домов деревянных,
На солнце каленых.
Как будто лицо подняла я
За чьей-то улыбкой,
Как будто опять ожила я
Для радости зыбкой...
Но город, глядящийся в реки,
Молчит, осторожен.
Здесь умер слепой Кюхельбекер
И в землю положен.
И в год, когда пламя металось
На знамени тонком,
В том городе не улыбались
Царица с ребенком...
И я задыхаюсь в бессилье,
Спасти их не властна,
Причастна беде и насилью
И злобе причастна[1].

Да, насилием и бедою стал Тобольск (или Екатеринбург) и для «царицы с ребенком», и для декабриста, поэта, друга Пушкина — Вильгельма Кюхельбекера, Кюхли. Разве можно с болью вспоминать одно, забыв другое?

Не знаю, достаточно ли ясно я высказал то, что хотел. Если нет, то слова свердловского писателя Ю. Липатникова из его письма в редакцию журнала «Родина», надеюсь, помогут мне. Неужели мы не найдем способа не противопоставлять нам белых и красных? «Неужели,— пишет он,— нам все еще хочется падать в черную пропасть, схватив брат брата за горло?»

Как гласит старое изречение, для того чтобы создать оазис, не нужно землетрясения...

■

[1] «Аврора», 1976, № 11, с. 20.

ХУТОРЯНЕ В СТОЛИЦЕ

Провинция простирается «от Москвы до самых до окраин» и поражает своей многоликостью. С Красной площади все, что лежит за ее пределами, кажется периферией. И с Кривоколенного переулка все, что не является Москвой, кажется провинцией. Но с Кривоколенного переулка уже не видно Красной площади.

Провинция многоэтажна. Неторопливо спускаясь вниз, можно увидеть ее действительные и мнимые достоинства.

Пишущая братия изобрела лирический образ провинции, кочующий из романа в повесть, из поэмы в стих. Современные барды поют песни о родительском доме — начале начал. О хмеле от встречи с родным городом... Всем знакомое чувство.

Но его не надо путать с художественным образом. Проповедовать любовь к родному краю и пепелищу, малой родине и отеческим гробам намного проще, имея постоянную прописку в Москве.

Туда устремилась вся провинция. Чеховские три сестры превратились в громадный людской поток. Одни движимы стремлением не зарывать таланты в землю. Другие — честолюбием. Третьи — соображениями престижа. И Москва, на мой взгляд, стала «проходным двором». Зеркалом многоликого российского провинциализма.

Москвич позавчерашнего призыва со злостью говорит о лимитчиках — ведомственной разновидности провинциала. Появились репортажи о них. Иногда сочувственные, чаще едкие. Полярность суждений лишний раз свидетельствует, что все мы находимся между деревней и городом.

Выходец из народа обычно сохраняет в поведении и сознании крестьянский культ власти и всеми силами стремится участвовать в ней. Дорвавшись до должности, он гнется перед начальством и помыкает подчиненными. Всякий выскочка отличается жаждой привилегий, завистью и ненавистью к действительной интеллигенции.

Повешенная на стенку картина с сельским пейзажем в городской квартире выглядит прекрасно. Особенно если снабдить ее лыковыми лаптями для антуража. Сразу возникает эмоциональная аура. Под названием «мировоззрение дачника». Оно сразу меркнет, если переедешь в село на постоянное жительство. Но искусство имеет свои законы. Оно возвышает провинцию.

У провинции есть и свое политическое лицо. Чем ниже власть, тем более она считает себя важной. Перестройка смела многих высокопоставленных чиновников. Но даже ветер истории не в состоянии повалить местные «столпы общества». Едва их позиция начинает колебаться, они сразу находят способы доказать свою незаменимость.

Уже не в первый раз в истории страны крутые социальные преобразования начинаются сверху. А без благоговения перед центром нет провинции. Здесь все связаны со всеми. Знают, у кого «хахаль новый и из каких таких щедрот новый сак у Ивановой». Преданы друг другу. Не любят тех, кто высовывается.

Можно укрупнить колхозы и районы, но нельзя ликвидировать хуторские и районные стереотипы управления и поведения. Если местные органы власти подчинены центру, провинциализм делается общесоюзным явлением.

Провинциализм иерархичен. Районное начальство со временем становится областным и республиканским. Ни одна реформа не смогла преодолеть эту тенденцию, которая на официальном языке называется «ростом кадров». Расширение прав местных чиновников неизбежно приводит к тому, что с ними нужно считаться и на центральном, столичном уровне. Однако можно ли вообразить что-либо более комичное, чем хуторской горизонт мышления в министерском кабинете? Или в центральном партийном учреждении?

Достаточно раскрыть любую газету, чтобы убедиться: присутственные места столицы заполнены вчерашними хуторянами. А русский человек, отмечал еще Ленин, привык к благопристойному поведению в присутственных местах.

Никаких рецептов от провинциализма нет. Он пропитал все поры нашего политического организма. Может быть, пришла пора назвать его национальным бедствием? Может быть, существующие структуры власти и управления до сих пор его только укрепляли?

До сих пор было так, что всякая бюрократическая сошка занималась решением мелких повседневных «вопросов». Все остальное ее не касалось. В то же время любой провинциальный чиновник не хотел выглядеть мелким и незначительным перед местным населением. В провинции сержант нередко был пострашнее генерала. Если он получал повышение по службе, размах злоупотреблений властью сплошь и рядом мог соперничать со столичными масштабами. Может быть, стремление казаться в глазах других выше, чем ты есть на самом деле, отсутствие всякого желания что-либо изменить в сложившихся отношениях и образуют сущность провинциализма?

С точки зрения провинциала, перестройка выглядит как перестановка мебели в одной и той же комнате. Одни полетели с мест и перешли в разряд обиженных и недовольных. Другие присматриваются и приноравливаются. Третьи стали столичными жителями. Четвертые перешли в радикалы.

Но провинциализм не одежда, которую можно сменить за минуту.

И все же социальные преобразования постепенно захватывают областную и районную Россию. Там, где власть была особенно жадной ко всяким благам и привилегиям, имела «свою руку» в столице, выступая инициатором кабинетных «починов» (типа знаменитых ростовских «Каждой минуте — рабочий счет» или «Ни одного отстающего рядом»), перестройка идет вяло. Начинается очередная драма русской провинции, в которой не разберешь: кто актер, а кто зритель, кто кукловод, а кто марионетка.

Однако местный истеблишмент стремится по-прежнему исполнять главные роли на политической сцене. После персональных потерь и тактической перегруппировки сил он движим желанием пустить перестройку по либерально-бюрократическому пути и взять ее под свой контроль. Выборы на Съезд народных депутатов прекрасно это подтвердили.

Чиновник-либерал — знакомая фигура в истории России. Над ней смеялись Салтыков-Щедрин и Ленин. После революции пришел черед чиновников-радикалов — коммунистических сановников, принявших, как писал А. Платонов, решение «построить коммунизм одним ударом в боевом порядке революционной совести и принудительного труда». Может быть, наступает эпоха симбиоза чиновничьего либерализма с бюрократическим радикализмом?

Давайте вдумаемся в такую последовательность фраз: «Темные силы сплачиваются на основе антисоветизма, национализма и коррупции. Под прикрытием критики прошлого идет компрометация социализма. Критика партии ведет к девальвации социалистических идеалов. Пресса пропагандирует ценности западного образа жизни. Критика номенклатуры недопустима, ибо она ведет к компрометации кадровой политики партии. Нельзя негативно относиться к местным и центральным органам власти. В идеологии должна быть обеспечена «твердая линия», для чего на места должны быть спущены руководящие указания».

Вы думаете, что я цитирую выступление идеологического чиновника времен застоя? Ничуть. Все эти фразы взяты из речей некоторых секретарей обкомов партии на недавно проведенном совещании в ЦК КПСС. За перестроечной фразеологией скрываются всем знакомые стереотипы мысли. Провинциальные чиновники бьют тревогу...

Инициативные люди с трудом вписываются в существующие структуры местной власти и отношений. Все это накладывает отпечаток на современный провинциализм: выступая за перестройку вообще, не порти отношения с непосредственным начальством! Ведь ему теперь вменено в обязанность быть присяжным реформатором! И характерно, что эти максимы современного Козьмы Пруткова выведены из анализа протоколов партийных собраний ряда столичных организаций и сообщены на том же совещании секретарем МГК!

Журналисты центральных газет появляются в провинции время от времени. Местных легко обезвредить, если обладаешь властью. Недаром на XIX партийной конференции, Съезде народных депутатов протесты против «слишком большой» гласности исходили в основном от аппаратчиков. И обслуживающей их интересы «почвеннической» интеллигенции.

Провинциализм защищался и будет защищаться. В станице и в столице.

Однако в провинции власти труднее скрыть не только злоупотребления, но и свои действительные способности. Здесь лучше видно, кто чего стоит. Видимо, поэтому местное начальство предпочитает отмалчиваться и не принимать участия в широких дискуссиях.

В свое время Ленин писал о необходимости создания должности общенародного инструктора и разъездного организатора, который обладает организационным талантом, но не награждается портфелем. Может быть, возникающие народные фронты возьмут на себя эту задачу? Забастовки шахтеров показали, что и в рабочей среде по крупицам кристаллизуется этот опыт.

Хорошо известно, что залог демократичности любого социального движения — то, что оно не вмещается ни в одну из существующих форм организационно-политической работы. До каких же пор мы будем вливать новое вино в старые мехи?

Венивмин КОЗЫРЕВ
Ростов-на-Дону

ВОСТРУБИТ ЛИ

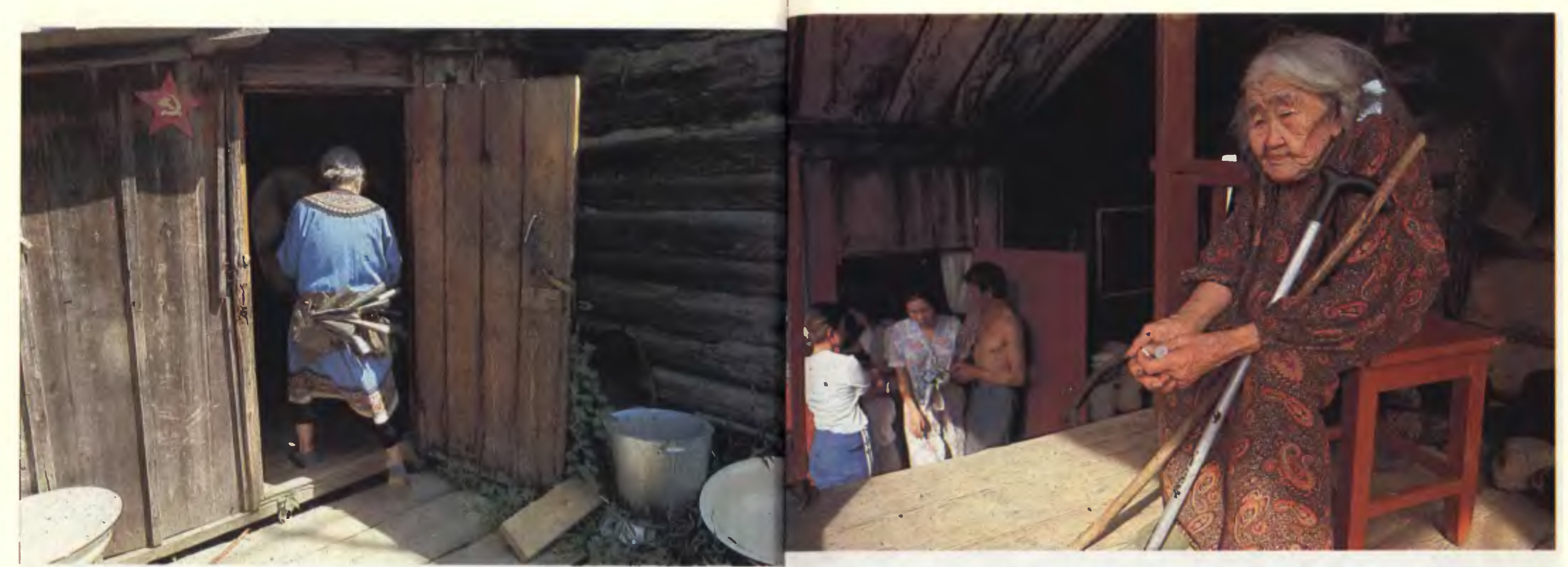
ПЯТЫЙ АНГЕЛ?

Алина ЧАДАЕВА

Фотографии
Юрия КОЗЫРЕВА

«Кажется, вот уж и Пятый Ангел вострубил, и упавшая с неба звезда «отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя».

(«Откровение». Гл. 9).

Трубы промышленных предприятий и сопла самолетов принципиально подобны жерлам пушек; абрис космических ракет — пушечным снарядам. Человечество расстреливает целительный, еще недавно целомудренный покров своего «временного неба». Озоновые дыры не что иное, как «нагота Отца». На фоне этой исходной безнравственности остальные экологические беды Земли неизбежны.

Примитивно понятая социальность извращает природу самого человека. «Я — пролетарская пушка, стреляю туда и сюда». Один из объектов «стреляния» — национальный вопрос. Мы пришли к искоренению традиционного мировоззрения народов, населяющих Советскую Россию, и, как следствие, к смещению их этнической психологии. Можно ли назвать нанайским, например, ребенка, если он не говорит и не мыслит на родном языке?! Не знает ни веры, ни древней истории своего народа, не ведает родовых преданий, обычаев, обрядов, колыбельных песен, исконных занятий? Даже само имя его заимствовано из чужеродных культур.

Традиционное мировоззрение — защитный «озоновый» слой народа, «общественный договор» с Природой, возвращенный человеку неписаным кодексом нравственности. «Вы не представляете, какими дружными, чистосердечными были наши предки! Сама наша природа диктовала народу быть таким. Разве все это вернешь?!» Не письма, а плачи шлет мне поэт Понгса Киле из Амурска, нанаец с голубыми глазами. Кажется, ему проще было выстоять в Сталинграде, «когда свистела, шипела, горела, оглушала, ослепляла, кипела земля под ногами», чем наблюдать духовную агонию единоплеменников. Исходная ее причина — в пагубе механического перенесения революционных форм переустройства общества на племена, существовавшие в измерении иной, непонятной переустроителям культуры. Жесткий курс на негласную ассимиляцию «малых народов» с мертворожденными лозунгами национальной политики сталинских времен: если искусство, то непременно «национальное по форме и социалистическое по содержанию», если речи — то непременно о «дружбе народов» и «чувстве семьи единой». Под их аккомпанемент расхищалось и расхищается природное достояние коренных жителей региона.

Вопиющий цинизм этой долгосрочной акции в том, что нанайцев, ульчей, удэгейцев экономически вынуждают участвовать в разворовывании собственного дома. Как? С помощью механизма безработицы.

В 60 — 70-е годы, да и в нынешнее десятилетие рыбные ресурсы Амура были катастрофически подорваны; воды могучей реки отравлены и выбросами нефти с хабаровских предприятий, и целлюлозно-бумажным комбинатом Амурска. В итоге большинство рыболовецких колхозов в национальных селах ликвидировано. Исконный традиционный промысел — рыбная ловля — жестко регламентирован и часто квалифицируется как браконьерство. Именно так обстоят дела, например, в типичном нанайском селе Дада, где ситуация эталонна и применима к любому приамурскому селению.

По статистике прошлого года, двадцать молодых мужчин в маленькой Даде числились безработными. Половина из них — судимы, главным образом за браконьерство. Из 340 жителей Дады тридцать семь работают в леспромхозе на озере Гасси. Выбор безнравственен в обоих вариантах: слоняться ли без работы и спиваться, или рубить, резать, пилить тайгу — вековую кормилицу, истреблять собственные угодья, хранившие целомудренно-бережные следы предков нынешних лесорубов поневоле — все это вещи одного порядка.

Следы предков — это обычаи. Их определяющий смысл, воплощенный в системе народных обрядов и нравственных запретов,— то благодарение дароносицы Природы, понимание греха как нанесения ей обиды. Леспромхозы вместе с деревьями крушат и этническую психологию нанайцев. Но главное благодеяние региону еще грядет. «Сановный гость» Минатомэнерго СССР уже занес свою каменную десницу на освященную красотой землю возле озера Эворон, планируя там построить АЭС...

«Священная земля» не патетическая фигура. В этом понятии — реальный краеугольный камень традиционного мировоззрения. Недалеко от озера Эворон — древнейшее селение Кондон, венчаемое сопкой, которую жители

связывают с образом Мудура, священного небесного змея. Молодежь, воспитанная «без предрассудков», вывозила с сопки гравий на фундамент строящихся домов. С затаенным ужасом взирали на это кощунство старики и все несчастья, не оставляющие людей Кондона — пьянство, драки, самоубийства,— объясняли гневом, насылаемым оскорбленным духом священной сопки.

А ведь мы оскорбляем дух самого нанайского народа и сегодня, по-барски не осведомляясь, нужны ли ему сомнительные данайские дары в виде двух АЭС — Бикинской (на границе Приморского и Хабаровского краев) и Эворонской.

Национальное самосознание народов Приамурья вышло из подполья. Гласность вернула им дар речи. Национальная среда выдвинула своих трибунов. Один из них — Евдокия Гаер, этнограф, историк, публицист. Это и ее неустанные страстные выступления притормозили строительство экологически пагубного для Амура азотно-тукового комбината в Нижней Тамбовке. Евдокия Гаер ратует за возрождение родного языка; написала учебник; ездит по селам, школам, интернатам; убеждает, избавляет от страха, организует, тормошит инертных. Энергия патриотической идеи так велика, что жизнь Евдокии Александровны превратилась в подвижничество.

А проблемы встают — одна грознее другой. Как разомкнуть порочный круг, в котором оказались экономика, культура, психология народа? Как вернуть в обиход родную речь, если преемственность устного слова пресеклась уже на веку двух поколений, а к письменному нанайскому аборигены привыкнуть не успели, ибо власти выдают его «по карточкам» в виде приложения к районной газете. Какой экономический рычаг повернуть, чтобы древнейшие искусства, низведенные до ширпотреба, восстановились в мировоззренческой полноте?

И не перевести дыхания, а тут еще — громом среди ясного неба: две АЭС. Заслон посягательствам на право своего народа выжить Е. А. Гаер видит прежде всего в силе национального самосознания.

Национальное самосознание — эфемерность, которую легко подменить, тем самым уничтожив, или действительно сила? Реально ли уповать на него? Единодушия в способах возрождения его среди народов Приамурья, увы, нет. Не столь давно я записала диалог в столице Нанайского района Троицком. Беседовали председатель райисполкома Валерий Михайлович Бельды и третий секретарь райкома партии Иван Андреевич Бельды (названия нанайских родов при Советской власти превратились в фамилии). Люди одного рода Бельды в буквальном смысле говорили на разных языках. Валерий Михайлович размышлял о категорическом изменении методов хозяйствования на Амуре, о возвращении этической мудрости обычаев. Иван Андреевич категорически возражал: во-первых, дескать, изучение и знание обрядов — это пропаганда религии; во-вторых, нанайский язык не нужен, мол, ни в быту, ни на производстве, он пережиток прошлого.

Не случайно, полагаю, молодой Иван Андреевич попал в номенклатуру и стал партийным секретарем по идеологии. Система советского воспитания сделала из него удобного, сговорчивого человека, «не имеющего национальности». Слагаемые биографии для функционера: образование — высшее, окончил художественно-графический факультет Хабаровского педагогического института, где о культуре множества народностей, живущих в крае, и всуе не поминают; в качестве художника выпускник не работал ни одного дня, а предпочел партийную карьеру — от парторга хиреющего рыболовецкого колхоза до секретаря национального Нанайского района.

Уверена: немногие сверстники Ивана Бельды столь же решительно расправились в себе с генами рода и народа. И все-таки процесс отторжения искусственного — бюрократического — сердца в людях начался. Свое, национальное сердце, оказывается, не умерло, не атрофировалось. «Люблю, уважаю от всей души свою старину, какая она есть, с ее языком певучим. Без чужих принятых слов»,— в письме Понгса Киле,— по сути, манифест, звучащий примерно так: самосознание — это всходы отборных зерен, посеянных предками не «при дороге», не на «каменистых местах», не «в тернии», но «на доброй земле». Не приживутся всходы,

если посеянное «не имеет в себе корня». Упомянутая мной евангельская притча о сеятеле непреложна и созвучна с чаяниями приверженцев исконным преданиям Приамурья.

Прозрение ко многим пришло давно. Сегодня его проявление перестали официально квалифицировать как национализм. Духовная жизнь коренного населения Приамурья являет собою в последние пару лет парадоксальную картину. Но... Казалось бы, максимально приближены к русскому национальный быт, язык, виды занятий — и вдруг мощный рывок вспять, к истокам, к «доброй земле» памяти.

Выступил из тени многочисленный отряд людей, исподволь, в сокровенной тишине души пестовавший генофонд корневых понятий. Значит, приспело время СЕЯТЬ. Общечеловеческая закономерность: припадать к ценностям прошлого в канун и во время культурных катастроф и девальваций.

В Приамурье возникла категория сказителей новой формации. Образ нанайского Бояна, попыхивающего трубкой у ночного костра и поющего сказания, крайне редок ныне. Сказители значительно помолодели, получили высшее образование в советских вузах и фольклорные произведения отстукивают на пишущих машинках, помышляя об их публикации, хорошо бы двуязычной. Что ж, и это способ чуть притормозить «время, вперед» и удержать на его поверхности спасительные круги родовых преданий.

Сказительница Самар Екатерина Дмитриевна, 1936 года рождения, уроженка Стойбища Бичи, образование высшее, работает участковым терапевтом поликлиники № 4 Комсомольска-на-Амуре. «С малолетства я слышала рассказ о том...» — рефрен преданий о восстановленном ею древе рода Самар, где почти каждое имя срослось с легендой. Свидетельства бесценны, их корень восходит к «раннему средневековью, когда шло объединение маньчжурских племен на Дальнем Востоке». Но дело не только в исторической древности рода. Легенды, окружающие становление Самагиров,— фрагмент эпического зеркала, в котором отражалось становление человечества. Природа мировидения сквозь радужную оболочку нанайского взгляда — вот что важно. Макро- и микрокосм сочетались в нем целостно и органично, словно створки раковины. Амур был охвачен взором столь широким, будто люди смотрели на него с неба. Амур тогда называли Мангбо и видели в его синем, вечно струящемся теле воплощение Дракона Мудура, глубоко почитаемого на Востоке.

Екатерина Самар в своих фольклорных записях особенно внимательна к сакральной топографии. На фоне наступления на земли ее народа промышленных и атомных предприятий фольклор становится публицистическим оружием противостояния нашествию.

«Устье Амура мы называем МИО — голова Дракона. Большие реки, впадающие в него, названы попарно и созвучно: Амгунь — Аргунь, Уссури — Сунгари. Это ноги Дракона. Другие попарно звучащие названия рек — его грива.

Шилка — хвост Дракона... Да и как же дракона не почитать, коли он сохранил жизнь на земле, спас от удушающей и испепеляющей жары во времена трех солнц».

Не остановиться руке — так драгоценна каждая этнографическая ремарка. Упомяну хотя бы одну: о древнейшем капище — поселке Сикачи-Алян, где на древних базальтах тысячелетия назад были высечены личины и пантеон священных животных. «На одной из глыб,— пишет Екатерина Самар,— был выбит сын Дракона — Пуймур... Осталась голова Пуймура с длинными усами и торчащими вверх «космами»... Слишком почитаем был Дракон древними нанайцами, чтобы запросто выбить его изображение на глыбе базальта. Через изображение его сына Пуймура обращались к Дракону — Богу земли».

Памятник мирового класса — петроглифы Сикачи-Аляна фактически не взяты под охрану закона. Многие базальтовые глыбы с бесценными изображениями были взорваны и использованы для фундаментов домов в строившихся близлежащих поселках.

Прагматический век, чьи программы нацелены прежде всего на благосостояние желудков, воспринимает духовность как досадную помеху. Представьте, что село Нижняя Тамбовка, где замышлялось строительство азотно-тукового завода,— это священное, почитаемое нанайцами место, которое они называли Холсан. Здесь, по преданию, бог неба Санги превратил в камни старика Ванда и его жен, чтобы они не узнали о трагической судьбе сыновей, погибших на войне. Екатерина Самар пишет: «Издавна люди из рода Самар, подъезжая к поселку Холсан, проводили ритуал «чоктэри», прося у старика Ванда попутного ветра...»

Фольклор приамурцев был частью их жизни, воспринимаемой как обрядовое действо. Естественно, что и сегодня, когда сказители «выкликают» предания из небытия, восстанавливается и педагогическая структура прежней культуры. Не повсеместно. И, к сожалению, не в том органическом варианте, когда духовное бытие определяло формы быта.

Одна из форм современной реставрации — ансамбли. Их в последнее время возникло множество. Ансамбль — резервация (в добром смысле) древней культуры. Там можно снять «социалистическую по содержанию» европейскую одежду и надеть «национальную по форме», заговорить на врожденном языке: словесном — музыкальном — пластическом — цветовом. Молодые люди тянутся в такие коллективы. Вот почему старый Понгса Киле, едва оправившись от очередной болезни, спешит в поселок Ачан, чтобы учить фольклорную группу азам и глубинам праотеческого мироощущения. Вот и получается, что обряд инициации, то есть посвящения юных в клан достойных продолжателей отчих традиций, происходит сегодня на уровне ансамблей.

Понгса Киле не просто личность — явление. Он стал поэтом принципиально новой формации, нежели его земляки-поэты, выдвинувшиеся в 30—40-х годах. В издательском предисловии к книге «Мы — люди Севера», вышедшей в Ленинграде в 1949 году, сфокусирована прежде всего политическая восторженность национальных поэтов как условие их признания. «Северные писатели рисуют, искренне и волнующе, картину нынешней счастливой жизни возрожденного Севера. Это и стихи о благодарности народов Севера великим людям Ленину и Сталину, и рассказы о славных

делах тружеников промысловых артелей и оленеводческих колхозов...»

Северяне поначалу действительно искренне принимали авансы «новой жизни». Их стихи — скорее присяга новому строю, нежели политические лозунги. Ни словом предисловие упоминаемой книги не говорит о традиционной культуре народов Севера. Но может ли питаться истинная поэзия черствостью камня и бесплодными колючками терний? Может ли существовать отсеченная от «доброй земли» — представлений пращуров?

Время горьких прозрений выдвинуло современных национальных поэтов от фольклора. Наблюдалось ли это явление ранее? Наблюдалось, но как бы в состоянии вторичном, подчиненном славословию новой жизни.

Ныне чудо легенд, чудо сказок возвращается собирателями-поэтами, чье творчество слиянно с фольклором. В творчестве Анны Ходжер из нанайского села Джари извлечения из сказок (записанных со слов ее матери старой Канзы) и звучавшие, как заклинания, превратились в род баллад с непременным непереводимым рефреном. Но собственные ее стихи — плоть от плоти изустных. Недавно она создала поэтический цикл «Игрушки». Непосвященным трудно понять, почему. Скажу тезисно: первородная игрушка любого народа отпочковалась от предмета культа, несет в себе его мистический отсвет, соответственно влияя на ребенка. И вот мать и уже бабушка Анна Ходжер с силой нерастраченного национального материнства в стихотворном ритме возвращает ныне неведомый нанайским девочкам смысл игры в куклы-акоан как накликания женского плодородия.

Еще только началась эра духовного раскрепощения народов Приамурья, но какой фейерверк самых разных дарований заявил о себе. Феномен Анны Оненка из нанайского села Верхний Нерген — единственный в своем роде. Ее, мастерицу традиционной вышивки, я попросила однажды попробовать порисовать: сюжеты ли сказок, картинки ли из памятной ей народной жизни. И произошло чудо: не знавшие фломастера или кисточки руки создали около семидесяти рисунков, в которых сказка увидена изнутри как реальность сакрального, таинственного опыта древних. Рисунки народной нанайской художницы уже вступают в культурный оборот, публикуются в журналах, книгах, тем самым возвращая крупицы утраченных соплеменниками представлений, восстанавливая духовный Дом.

Человек, по многим наблюдениям, умирает незадолго до даты своего рождения. Не так ли и этнос: уходит в те врата, через которые вошел в мир. Иначе как объяснить, что на излете XX века время успело свести старую нивхскую сказительницу Хыткук, помнившую предания своего народа, и первого нивхского писателя Владимира Санги, умевшего слушать их единородной с Хыткук кровью и воссоединять в целостное, не трогая своим поэтическим «теслом» дикую первозданность преданий. Слишком значителен их смысл, чтобы преданиям остаться достоянием лишь создавшего их народа. И тогда время свело В. Санги и переводчицу Н. Грудинину, чей поэтический талант обладает абсолютным слухом. Может быть, то же чувствовал, прикасаясь к столь же не остывшему от катаклизмов сотворенья материалу, Иван Бунин, переводивший «Песнь о Гайавате» Лонгфелло.

«Песнь о нивхах», жанр которой В. Санги означил эпической поэмой, являет собою собрание тылгуров — преданий. В них, как и в преданиях о происхождении человека, земли, огня, воды в нанайском, эвенском, удэгейском и иных фольклорных произведениях,— ответ на вопрос: зачем природе понадобился человек?

Любой национальный эпос тем и велик, что насыщен смыслом, высвечивающим первородные ценности человеческого духа, выпавшие, увы, из культурного оборота наших современников. Я думаю, торжество доброты во вселенских масштабах невозможно, если человечество не обретет память о праотеческом видении мира. Сумеют ли, успеют ли пробиться сквозь оглушающую глухоту массовой антикультуры посланцы древних заветов?..

Может быть, и успеют, если государственный закон вернет приамурским народам право на их земли. А значит, и на тот образ жизни, который они сами захотят избрать. Может быть, и срастется разорванная связь между униженным человеком и поруганной землей и обретется гармония общения. Если раньше не вострубит Пятый Ангел.

Москва — Хабаровский край — Москва

ИМЯ В ПОЛИТИКЕ

Новая рубрика, открывающая на страницах журнала серию портретов известных в стране общественных деятелей. ЗНАКОМЬТЕСЬ: народный депутат Верховного Совета СССР

А. А. СОБЧАК.

Его интервью, а также заметки М. Ф. Антонова, оценивающие взгляды и платформу юриста из парламента, читайте на стр. 64—70.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Евгений АНИСИМОВ,
доктор исторических наук

~~ГЕО~~ПОЛИТИКА

Барельеф на станции метро «Боровицкая» в Москве. Художники М. Федова-Дзядушинская и И. Николаев.

ТРУДНЫМ ОКАЗАЛОСЬ РАССТАВАНИЕ С ИМПЕРСКИМИ ВЗГЛЯДАМИ

Небольшая ленинская статья «О национальной гордости великороссов» появилась в ноябре 1914 года, когда волна шовинизма захлестнула все страны — участницы начавшейся мировой войны,— и мало кто (как, например, Ромен Роллан, написавший в сентябре того же года знаменитую статью «Над схваткой») смог не поддаться всеобщему безумию. Статья Ленина продолжила традиции русского свободомыслия, идущие от Чаадаева, Герцена, Чернышевского,— стремление сказать обществу в лицо правду, выявить различия между истинной и ложной национальной гордостью русского народа, раскрыть применительно к ситуации в России знаменитую формулу Маркса и Энгельса «**Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы**».

Ленин хотел показать, что, исполненный чувства национальной гордости за свою родину, сознательный великорусский пролетарий хочет «**во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а на на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегии**».

К началу первой мировой войны Российская империя представляла собой конгломерат народов, разными путями оказавшихся под властью российской короны. В сознании поколений утверждались незыблемые великодержавные принципы. Имперское мышление, против которого в конечном счете и было нацелено острие ленинской статьи, входило в круг ценностей, которыми дорожили, гордились не только заведомые реакционеры, мещане, но и многие либерально мыслящие интеллигенты. Феномен имперского сознания в России, его стереотипы и рецидивы — проблема, практически не изученная, но весьма актуальная.

КАК БЫВАЛО «ОТ РИМСКОГО СЕНАТА»...

30 октября 1721 года, в день празднования Ништадтского мира, завершившего Северную войну, Петр I принял титул «Отца Отечества и Императора Всероссийского». Россия стала Российской империей. Примечательно, что в соответствующем прошении говорилось: это делается, как бывало «обыкновенно от римского Сената», раздававшего особые почести императору-триумфатору. Ориентация на имперские ценности Рима, столицы древнего, а потом и христианского мира, отчетливо прослеживается в символике императорской России — и в названии новой столицы (Санкт-Петербург) по имени святого Петра, основателя Ватикана, и в гербе Петербурга — перекрещивающиеся якоря повторяют расположение ключей на гербе Ватикана. Все это не случайно: изменение и государственной символики, и титула великого властителя отчетливо выражало роль, на которую стала претендовать Россия,— роль могущественного государства, стремившегося к расширению пределов, к активному влиянию на мировые события в своих интересах.

Именно тогда, при Петре I, Россия встала на путь колониальной экспансии, по которому давно шли мировые империи — Британская, Испанская, Голландская и другие. В его основе был целый комплекс экономических, политических, мировоззренческих идей, получивших распространение в Европе в новое время. Вместе с тем были и специфические, характерные именно для России предпосылки, властно определившие само появление феномена Российской империи.

Во-первых, особенности внутреннего развития страны. Политический режим самодержавия в ходе грандиозных реформ Петра I резко усилился, приобрел черты тоталитаризма. Имперская политика стала ярким проявлением внутреннего строя, который опирался на крепостничество, военизацию, бюрократизацию, ликвидацию в управлении даже следов сословного представительства. Во-вторых, существовали традиционалистские предпосылки. И прежде всего распространенная в политическом сознании и идеологии допетровской России концепция ее особого предназначения в мировой истории.

«Москва — третий Рим». Согласно этой идее, Московское княжество представляли как центр вселенской церкви, наследника последнего истинно христианского царства — Византии. В имперской идеологии очень важны были официальные легенды о кровной преемственности династии Рюриковичей римскому императору Августу, о наследовании Владимиром Мономахом знаков царской власти византийского императора Константина Багрянородного, и в частности знаменитой «шапки Мономаха» (драгоценной тюбетейки золотоордынской работы). Такого рода идеи обосновывали особую миссию России — спасение христианского мира от неверных и схизматиков (католиков и протестантов).

В чем же проявлялось имперское содержание политики России при Петре и после него? Ответить на этот вопрос можно, только попытавшись отделить имперские задачи от национальных. Сделать это нелегко, так как в XVIII—XIX веках Россия сталкивалась с теми и другими одновременно. Так, решив важнейшую для нации проблему выхода на Балтику в бассейне Невы, Петр не остановился на этом. После Полтавского сражения 1709 года он коренным образом пересмотрел прежние соглашения с союзниками и осуществил аннексию Лифляндии, Эстляндии, Финляндии (временно), распространил влияние на Курляндию.

Характерный для имперского сознания стереотип — захват чужих земель — осуществляется под лозунгом защиты интересов империи, нации. Логика такова: если соседние с нами земли не захватим Мы, то, воспользовавшись их «бесхозностью», это сделают Они, чтобы угрожать Нам.

В 1715 году Петр объяснял через своего посла английскому правительству, что он согласен вернуть Швеции Финляндию, но лишь когда определит для защиты Петербурга «некоторую барьеру к Выборгу». Ригу же с Лифляндией он не намерен передавать Речи Посполитой, как было обусловлено вначале, ибо польский король не удержит этих владений, и шведы будут угрожать новой российской столице.

Имперский стереотип «защиты отечества на чужой территории» и в дальнейшем вел к активному вмешательству в дела соседей с целью воспрепятствовать предполагаемому «повреждению» интересов России. Так, во время выборов польского короля Петр направил польскому правительству грамоту, в которой писал: «**Имая ко государям вашим, королем польским, постоянную дружбу, такожде и к вам, паном Раде и Речи Посполитой, такого короля с французской и с турской стороны быти не желаем, а желаем быти у вас на престоле королевства Польскаго и Великаго княжества Литовского королем... какова народу ни есть, только б на с противной** (России.— **Е. А.**) **стороны**». Желание царя было подкреплено 60-тысячным русским корпусом, перешедшим польскую границу. Подобные действия стали нормой в политике империи, причем варианты ее осуществления были различны: от окриков, втягивания соседа в политический фарватер до установления над ним протектората, захвата и включения в состав империи, что, собственно, и произошло с Речью Посполитой при Екатерине II — наиболее последовательной имперской преемнице Петра.

Другой принцип имперского влияния на другие земли — «разделяй и властвуй». Борьба за мировое господство предполагает тактические уловки, компромиссы между наиболее сильными имперскими хищниками. Для России первым таким актом был раздел наследия ослабевшей в ходе Северной войны Швеции, затем Персии, Речи Посполитой, Османской империи, позже Китая. Классическими стали три раздела Речи Посполитой, которые привели к уничтожению польской государственности, одной из самых древних среди славян.

Оправдывая подавление в 1830 году польского восстания за независимость, историк М. П. Погодин писал: «**И а 1773, и а 1793, и в 1795 г. Россия не сделала никаких захватов, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как говорят наши союзники, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями, по такому праву, по какому Франция владеет Парижем, а Австрия Веною**». В этих словах отразился еще один стереотип — представление о том, что за пределами России лежат земли, нам «по праву» принадлежащие, потому что на них жили и живут славяне. Известно, что после разделов Польши Екатерина II отказывалась использовать в переписке название этой страны или принять корону королевы Польской на том основании, что во владениях России «нет ни одного дюйма Польши», а все это лишь земли, всегда принадлежавшие России.

Конечно, идея объединения славянских земель под эгидой России не так проста, и ее нельзя оценить однозначно. С одной стороны, в ней слились древние благородные тради-

ции близости всех славянских народов на основе единства крови, общности веры, языка, культуры, желание разорвать затянувшееся «национальное одиночество», объединить православный (то есть истинный по вере) мир. Остроту этим чаяниям придавала тягость полутысячелетнего владычества османов на Балканах. Но, с другой стороны, в структуре имперского сознания благородная идея помощи, жертвенного подвига во имя народов-братьев предполагала распространение на них российской государственности, стремление взять славянские народы под жесткий контроль Российской империи. Захваты территорий славян-соседей рассматривались как варианты общего процесса так называемого «собирания земель», пределы которого установить было практически невозможно.

Разумеется, процесс включения славянских и иных народов в состав Российской империи шел не только насильственным путем. Многие народы делали это добровольно и не считали себя покоренными. Образ «белого царя» — защитника от «неверных», жестоких соседей не был просто выдумкой пропаганды, он глубоко укоренился в сознании масс. Но нельзя не учитывать и того, что «добровольные вхождения», столь характерные для XVI—XVIII веков, часто были не следствием народного волеизъявления (как в случае с Украиной), а лишь признанием правителем данного государства русского царя в качестве своего верховного сюзерена.

Каким бы путем ни достигалось включение, оно приводило к последовательному внедрению на присоединенных землях бюрократических российских порядков, а порой к искажению своеобразия национального государственного развития. Наиболее ярким примером может служить история Малороссии — Украины. Со времен Богдана Хмельницкого она проделала путь от уникальной демократической республики с вольным казачьим населением до положения обычной российской губернии, населенной помещиками и крепостными крестьянами.

Примечательно, что после освобождения Болгарии в 1877—1878 годах от османского ига обсуждались планы образования на ее основе Забалканской губернии Российской империи. Это вполне объяснимо. Борьба России с Османской империей, длившаяся полтора века, имела целью не только освобождение славян и защиту южных границ, но и захват проливов, соединяющих Черное и Средиземное моря. Проливы — сердцевина так называемого «восточного вопроса».

Здесь необходимо небольшое отступление. С начала XVIII и до начала XX века генеральное направление экспансии Российской империи неуклонно смещалось с Запада на Восток: Прибалтика, Польша, Балканы, проливы, Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток. Неудивительно, что в течение двухсот лет «восточный вопрос» занимал существенное место в системе имперского мышления. Остроту ему придавало множество обстоятельств: многовековая борьба со «степью», от успеха которой нередко зависело само существование Русского государства, процессы освоения «дикого поля» на юге и востоке, желание расширить территорию, миссионерское движение, религиозно-политическая проблема так называемого «константинопольского наследства», то есть наследия погибшей под мечом неверных Византии.

Мысль о том, что пресловутое «константинопольское наследство» по праву принадлежит властителю России и рано или поздно его нужно вернуть, отобрать у «неверных», захвативших в 1453 году Константинополь, прочно жила в политическом сознании русского общества начиная с конца XV—XVI веков. В императорский период (XVIII—XX века) эта мысль трансформировалась в необходимость торгового и военно-стратегического контроля над проливами, участия в борьбе за обладание «ключом к Востоку». Пожалуй, никогда правящая верхушка России не стояла так близко к осуществлению этой имперской мечты, как во времена царствования Екатерины II (1762—1796 годы). Дух захватывает, когда знакомишься с ее так называемым «греческим проектом». В одном из обращений к австрийскому императору Иосифу II императрица писала: «**Буде же успехи войны** (с Турцией.— Е. А.) **подали бы способы и случай России к совершенному выгнанию врага имени христианства из пределов европейских, то Россия, за такую всему христианству и роду человеческому услугу выговаривает себе восстановить на развалинах варварской державы древней Греческой империи**». Во главе новой «Греческой империи» предполагалось поставить внука Екатерины Константина Павловича. Проекты передела мира этим не ограничивались. Екатерина предполагала продолжить «обустройство» района: «**Для избежания ссоры между трех империй, а именно Российской, Римской** (то есть Австрии.— **Е. А.**) **и Греческой, надлежит определить отныне на вечные времена, чтоб оставались между оных трех империй земли от них независимы, как-то: Молдавия, Валахия, Бессарабия под названием Дация** (Дакия.— **Е. А.**) **под христианским владетелем**» (на это место претендовал фаворит Екатерины Г. А. Потемкин). Он, кстати, подал императрице проект нового завоевания, «чтоб, воспользуясь персидскими неустройствами, занять Баку и Дербент, и, присоединя Гилянь, назвать Албанией для будущего наследия» одного из великих князей.

Вряд ли стоило так подробно останавливаться на этих химерических с современной точки зрения проектах, если бы они не исходили от властительницы могущественной державы и ее талантливого сподвижника. Память об этих замыслах хранят «греческие» названия многих городов Причерноморья. «Мечта о проливах» оставалась и у преемников императрицы, но была недостижимой, ибо к господству рвались и другие империи (Англия, Австрия, Франция). Окончательно расстаться с мыслью о проливах России пришлось после поражения в Крымской войне 1853—1855 годов. Тем не менее ожесточенная, хотя часто скрытая борьба за «ключи к Востоку» стихла уже в XX веке.

«ИНДИЙСКИЙ СИНДРОМ»

В движении на Восток Российская империя исходила из европоцентристской концепции мира. В этом политика ее не отличалась от политики Англии, Франции и других колониальных держав. В чем суть такого стереотипа? Он основан на представлении о том, что движение на Восток — движение в пустоте, по землям, никому не принадлежащим, а встречающиеся на пути колонизаторов этнические, государственные объединения не более чем скопища, банды. Восточные народы в глазах «цивилизованного» завоевателя представлялись дикими, необузданными, и было распространено мнение, что «все дикари одинаковы», от природы неисправимо подлы, коварны, грубы. Примечательной чертой имперского сознания в отношении Востока было убеждение, что любая, кроме европейской, система ценностей ложна или таковой вовсе не существует. Мир в рамках имперского сознания отчетливо делился на «цивилизованный» и «нецивилизованный».

Из этого следовали два главных вывода. Первый: на «дикие», «бродячие» народы не могут распространяться ни европейские нормы международного права, ни христианские нормы морали. И второй: жестокость — единственное эффективное средство общения с «дикарями»; устрашение и подавление — единственный язык, на котором можно разговаривать с «нецивилизованным» миром.

Подлинным полигоном для применения имперских принципов стала так называемая Кавказская война, тянувшаяся всю первую половину XIX века. Эта необъявленная война превратилась в акцию по изгнанию и уничтожению целых народов Кавказа. Знаменитый генерал А. П. Ермолов широко практиковал создание «мертвых зон», в которых сплошному уничтожению подвергались жилища, поля, сады горцев. Самих же их загоняли в горы и обрекали тем самым на гибель. Подчиненный Ермолова полковник Греков писал в донесении от 8 июня 1822 года: «**Глубина воды в Сунже затрудняла сильно чеченцам переправу; те, кои, занявши курганы и балки, чтобы удерживать меня, мгновенно сбиты и бросились к переправе, тогда скот, и люди, и арбы перемешались. Крик женщин и детей сделался повсеместным и смятение общее. Вся лощина, прилегающая к переправе, и лес заполнились народом, скотом и арбами. С пригорка начали действовать картечью, ядрами, оружейным огнем, все стало бросаться в воду: женщины, мужчины, скот и верховые. Одни тонули, другие добрались до другого берега, скот бегал по лесу, крик, смятения превосходили вероятие, между тем град картечей и ядер направлены были на переправу... Урон должен был быть у неприятеля чрезвычайно велик, ибо густота народа, смятение и ужасный со стороны нашей огонь производили жестокое поражение. Множество тел видел между арб и в окружности переправы**».

Ермолов с удовлетворением сообщал в Петербург: «**Чеченцы мои любезные в прижатом положении. Большая часть живет в лесах с семействами, в зимнее время вселилась болезнь, подобная желтой горячке, и производит опустошения. От недостатка корма по отнятию полей скот падает в большом количестве**». Обосновывая свои акции, генерал утверждал: «**Здесь между народами, загрубелыми в невежестве, чуждыми общих понятий, первый закон есть сила... Один только страх русского оружия может удержать горцев в покорности**».

Эти принципы были в полной мере реализованы и при завоевании Средней Азии во второй половине XIX века. В особом циркуляре 1864 года вице-канцлер А. М. Горчаков теоретически обосновал необходимость постоянных карательных акций против «азиатцев». Если государство, пишет он, «**ограничится наказанием хищников и потом удалится, то урок скоро забудется, удаление будет приписано слабости, азиатские народы по преимуществу уважают только видимую силу, нравственная сила ума и интересов образования еще нисколько не действует на них**».

В то же время официальная пропаганда превозносила «цивилизаторскую» роль армии. Вот что писалось в 1868 году в «Военном сборнике»: «**Занятие среднеазиатских земель совершено нами далеко не из одной суетной страсти к легким завоеваниям и громким победам. Мы идем на восток в силу неизбежного естественного закона цивилизации: народы образованныя никогда не уживались рука об руку с варварами, и если первые чувствовали в себе силу и мощь, то всегда высылали к последним своих пионеров для водворения между ними общечеловеческих понятий о государстве и обществе. Такими пионерами от нас в Средней Азии, безусловно, следует считать наши доблестные войска, и вот почему ошибаются те, кто считает здешние победы легкими, а награды за них щедрыми. Сущность дела не в громких победах, а в той самоотверженной, тяжелой работе, которую выполняют наши войска во имя просвещения далекого, темного и полудикого Востока**».

Между тем «водворение общечеловеческих понятий» Российской империей в Средней Азии ничем не отличалось от подобных действий других колонизаторов, говорили ли они на испанском, французском или английском языке в Америке, Азии или Африке.

Завоевательная политика России на Востоке в конце XIX — начале XX века обуславливалась не столько торговыми, сколько преимущественно военно-стратегическими мотивами, причем имперские амбиции «цивилизаторов», казалось, не знали предела. Там, за отрогами Памира и Гиндукуша, сияла Индия — вожделенная цель всех завоевателей от Александра Македонского до Гитлера. Планы ее завоевания значились и в замыслах Российской империи. В 1722 году Петр начал войну против Персии, аннексировал западное и южное побережье Каспия. На этих территориях создавался плацдарм для дальнейших походов в направлении Индии. Разрабатывались планы выселения мусульман из прикаспийских провинций. В 1723 году был предпринят неудачный поход кораблей русского флота для присоединения к России острова Мадагаскар — важного транзитного пункта на пути в Индию. «Индийский синдром» не миновал и Екатерину II, она развязала с Персией войну, но тоже не достигла цели.

С завоеванием Средней Азии Российская империя как никогда приблизилась к южным границам Индии. Здравые политики понимали, что экспансия должна иметь предел. Горчаков в цитированном циркуляре отмечает, что приходится «**все более и более подвигаться в глубь диких стран, где расстояния с каждым сделанным шагом увеличивают затруднения и тягости, которым оно** (государство.— **Е. А.**) **подвергается. Такова была участь всех государств, поставленных в те же условия: Соединенныя Штаты — в Америке, Франция — в Алжире, Голландия — в своих колониях, Англия — в Ост-Индии — все неизбежно увлекаемы на путь того движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости и где *величайшая трудность состоит в уменьи остановиться***».

И все же в 90-х годах XIX века остановиться пришлось: влекомый теми же стремлениями, к северу от Индии стал продвигаться могущественный соперник — Британская империя. Столкновение с Британией было чревато самыми серьезными последствиями, в первую очередь — для России, что продемонстрировала ранее Крымская война. Начатая на Востоке, она привела английскую эскадру в Кронштадт. Конфликт на северной границе Индии не вылился в вооруженное столкновение. Империи, как гигантские линкоры, сблизившись до предельно опасного расстояния и подержав друг друга под прицелом, разошлись: произошел классический раздел сфер влияния. «Создание границ» Афганистана, осуществленное англичанами, и так называемое «памирское разграничение» с Россией 1895 года ставили целью отделить владения Британии в Индии от российских владений в Средней Азии. И в этом смысле Афганистан выполнял роль буферного государства. Создание буферных государств также типичная черта имперской политики, а забота о сохранении их искусственной стабильности — типичный имперский стереотип.

Хотя системы управления подвластными территориями варьировались в широком диапазоне — от довольно значительной автономии до жесткого военного управления, в целом российская колониальная политика XVIII — начала XX века строилась на трех взаимосвязанных принципах: унификация, бюрократизация и русификация. Ее конечной целью была ликвидация особенностей национального образа жизни как потенциального источника сопротивления имперскому владычеству.

Особенно откровенна была Екатерина II, писавшая генерал-прокурору Вяземскому о политике в западных районах империи: «**Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями, нарушать оныя отрешением всех друг весьма непристойно бы было, однако ж и назвать их чужестранными и обходиться с ними на таком основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью глупостию. Сии провинции, как и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу**».

Путь к осуществлению этого Екатерина видела в умелой административной политике: «**К тому приступ весьма легкий, если разумныя люди избраны будут начальниками в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб век и имя гетмана исчезло, но токмо б персона какая произведена в оное достоинство**» (что вскоре с отставкой последнего полностью бесправного гетмана К. Разумовского и произошло на Украине).

Русификация окраин империи в XIX веке стала важной внутриполитической доктриной. Предусматривалось даже стирание исторической памяти подвластных империи народов — не случайно так много внимания уделялось контролю над их образованием и религиозным воспитанием. Формы русификации были разнообразны — от переселения русских на территории коренного населения до запрещения говорить и писать на родном языке. Сборник «Русское дело в Северо-западном крае» (Спб., 1901) содержит немало детализированных инструкций и практических советов по русификации Литвы и Белоруссии.

В высшем эшелоне власти Российской империи не было единства в понимании общих направлений политики в колониях: одни, как писал С. Ю. Витте, были сторонниками «узкого национализма, при котором все нерусские должны почитаться ненастоящими сынами России и верноподданными государя, другие полагали, что к христианскому населению, Кавказа в особенности, надо относиться так же, как к русским, что находило отражение и в привлечении к управлению национальных кадров, лучше знакомых с особенностями управляемых территорий.

ЭТОТ БОЛЕЗНЕННЫЙ «РУССКИЙ ВОПРОС»

Политика русификации, осуществлявшаяся преимущественно русскими чиновниками, от имени православного царя, на русском языке, тем не менее не отражала истинных интересов русского народа. Было бы ошибкой как идентифицировать, так и противопоставлять понятия «русский народ» и «Российская империя».

Несомненно, стереотипы имперского сознания распространялись даже в среде интеллектуальной элиты России

(вспомним А. С. Пушкина с его стихотворением «Клеветникам России» или Ф. М. Достоевского с его резкими выпадами против поляков). Но при этом не следует забывать, что и мыслящая часть русского общества никогда не была однородна, не все действия царизма встречали «единодушное одобрение и всеобщую поддержку» в салонах и даже казармах. В имперской России было немало людей, которые могли повторить как свои слова А. И. Герцена о его чувствах после подавления польского восстания: **«Всякий раз, встречая поляка, мы не имели мужества поднять на него глаза»**. Эта острая нравственная боль, гражданский стыд за родину, а не агрессивный поиск виновников неудач России среди других народов и были наиболее ярким выражением любви к России, подлинного патриотизма поколений русских интеллигентов от Чаадаева с его бессмертной фразой **«Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть нечто более прекрасное — любовь к истине»** и до Ленина, автора статьи «О национальной гордости великороссов», желавшего своей родине — самодержавной России — поражения в несправедливой с обеих сторон империалистической войне.

Известно, что русская, в целом однородная по национальному составу, армия была послушным орудием имперской политики. Но мы испытываем гордость за победы русского оружия и на Полтавском, и на Бородинском, и на иных кровавых полях, где была защищена независимость России. Как все сложно, неоднозначно, как все завязано в нерасторжимый узел! Блестящий офицер с оружием в руках выходит в 1825 году на Сенатскую площадь, чтобы, нарушив присягу царю, престолу, отечеству, принести свободу народу России, томящемуся в бесправии и крепостной неволе. И он же, разжалованный и опозоренный, вырывается из ссылки на Кавказ, где доблестно сражается с народом, отстаивающим свою свободу, и при этом сожалеет, что царь, некогда сославший его на каторгу, не разрешил ему принять участие в подавлении польского восстания. Другой офицер безжалостно расправляется с жителями польских и литовских деревень и городов, подавляя восстание 1863 года, а через несколько лет проливает кровь, воодушевленный великой исторической миссией освобождения славян от османской неволи.

Важно учесть и то, что становление русского национального сознания происходило в рамках уже созданного сильного государства и широкие массы народа практически не имели внутри страны прямого контакта с «инородцами». Среди русских людей бытовала терпимость к представителям других национальностей; это, кстати, сохраняется в русском человеке и до сих пор. В итоге многие стереотипы имперского мышления не были характерны для массовой национальной психологии русского крестьянства. Русский народ в своей подавляющей массе не пользовался, как народы других метрополий, привилегиями формального господства — плоды имперских завоеваний становились достоянием военно-бюрократической верхушки Российской империи или попросту развеивались по ветру. Конечно, и народы, подпавшие под власть Российской империи, воспринимали ее господство как русский национальный гнет и были по-своему правы. Им был хорошо знаком образ невежественного, развращенного властью, продажного чиновника, который ассоциировался непосредственно с властью России, русского народа. Это естественным образом приводило к образованию взаимного недоверия, неприязни.

Истины ради вновь прислушаемся к Герцену. После слов о чувстве стыда перед каждым встречным поляком он замечает: **«И все же я не знаю, справедливо ли обвинять целый народ и считать его одного ответственным за то, что совершило его правительство?»**

НА ОБЛОМКАХ «ТЮРЬМЫ НАРОДОВ»

1917 год резко изменил национальную ситуацию. «Декларация прав народов России» и другие акты революции провозгласили уничтожение «тюрьмы народов» — Российской империи — и создание на ее обломках нового государства, основанного на признании равных прав всех народов.

Идеи национального равенства не остались на бумаге. Уважение к национальным особенностям прежде бесправных народов стало одним из важнейших положений внутренней политики, шла ли речь о просвещении, литературе или военном деле. Примечательно, что в конце 1924 года был принят пятилетний план национального строительства Красной Армии, предусматривавший формирование национальных частей. В директивных документах отмечалось: **«Если часть укомплектована красноармейцами не одной национальности, а разных — занятия ведутся на русском языке, но при обучении присутствует переводчик. Все же основным языком командования и управления в национальных частях является родной язык. На нем проводятся строевое обучение, политработа, партийная работа, занятия в школе. На родном же языке пишутся приказы по части, программы и планы занятий»**. Учитывались даже национальные привычки: **«Красноармейский паек в национальных частях подбирается так, чтобы он состоял из тех продуктов, которые призывниками употреблялись до воинской службы»**.

Разумеется, не все было радужно и беспроблемно. Довольно жесткие идеологические концепции приводили к явным перехлестам, несправедливостям в отношении традиций народов и особенно — религии. Да и прошлое не уходило из сознания людей без сопротивления, напоминало о себе рецидивами.

Уже в первые годы Советской власти проявление великодержавного подхода в политике весьма беспокоило Ленина. При обсуждении Программы РКП(б) на VIII съезде весной 1919 года он коснулся этих болезненных точек. Говоря о территориальных уступках Финляндии, он отмечал, что из-за них **«слышал немало возражений чисто шовинистических: «Там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали». Это такие возражения, по поводу которых я говорил: поскрести иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста»** (В. И. Ленин, ПСС, т. 38, с. 183—184). На опасность возрождения имперских подходов прямо указывалось в постановлении XII съезда РКП(б) в апреле 1923 года: **«Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз Республик рассматривается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого «единого неделимого»**.

Таким же результатом наследства старого следует считать стремление некоторых ведомств РСФСР подчинить себе самостоятельные комиссариаты автономных республик и проложить путь к ликвидации последних». Это положение из постановления XII съезда партии представляется, с точки зрения будущего развития страны в 30-х годах, в высшей степени принципиальным и в некотором смысле провидческим: ныне мы знаем, что и зажим демократии в партии и государстве, и возрождение имперского подхода имели единый корень — разрастание и безмерное усиление бесконтрольного для партии и народа административно-управленческого аппарата, который стал в конечном счете орудием тиранической власти Сталина. Нельзя забывать, что последние силы Ленина уходили на борьбу именно с усилившейся бюрократизацией и явными искривлениями в национальной политике центра, что выразилось, в частности, в так называемом «грузинском инциденте» 1922 года.

Тенденция к возрождению империи была во многом следствием присущих революции противоречий. Речь идет об увлечении идеями мировой революции, не знающей национальных границ (**«Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя»**.— П. Коган). Идеи «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» ставили вне закона, точнее, на одну доску с монархистами и «мировой буржуазией» все национальные правительства в соседних с Россией республиках, если власть в них не принадлежала Советам во главе с коммунистами. Предельная концентрация власти в центре была необходима для победы в гражданской войне. Это резко сужало хозяйственные и политические возможности республик. Наконец, нельзя забывать, что Программа, принятая на VIII съезде, утвердила такую внутреннюю структуру самой партии, при которой правящие в союзных республиках партии рассматривались как обкомы, жестко подчиненные единому ЦК Российской коммунистической партии (большевиков).

ИМПЕРСКИЕ СИМВОЛЫ, ИМПЕРСКИЕ ИДЕИ

Возрождение имперских принципов начинает наиболее отчетливо проявляться с утверждением авторитарной власти Сталина, с начала 30-х годов особенно в идеологии, а к концу 30-х и в политике. Бациллы империи возродились в скисшем супе мировой революции. Совсем не случайно, что в этот период идеи экспорта революции причудливо сочетались с идеями «собирания» и «воссоединения» бывших земель — Польши, прибалтийских государств, Финляндии — с решением имперских проблем геополитического свойства. В этом смысле примечательна война с Финляндией, развязанная сталинизмом в 1939 году. Официальной пропагандой эта кампания объяснялась необходимостью отодвинуть «опасную» границу от Ленинграда — так некогда Петр I создавал «барьеру» к Выборгу.

Мы знаем, как тесно увязана внутренняя политика с внешней. Задолго до советско-финской войны — в 1935 году — В. М. Молотов писал академику И. П. Павлову, протестовавшему против массовых репрессий в Ленинграде после 1 декабря 1934 года: **«В Ленинграде, действительно, предприняты специальные меры против злостных антисоветских элементов, что связано с особым пограничным положением этого города и что правительству особо приходится учитывать в теперешней сложной международной обстановке»**.

Здесь наглядно видно, как в политической концепции сталинизма тесно переплелись и террор в отношении своего народа, и разбой в отношении других народов, геополитические концепции обеспечения безопасности страны за счет расширения сфер влияния и территориальных приобретений. Не случайно платформа пакта «Молотов — Риббентроп» была сформулирована уже при первых контактах советских и германских дипломатов как отчетливо геополитическая. Переговоры Риббентропа с поверенным в делах СССР Астаховым 3 августа 1939 года начались с рассуждений имперского министра о том, что если Москва оценит положительно предложения Германии, «то от Балтийского до Черного моря не будет проблем, которые мы совместно не сможем разрешить между собой». **«Я сказал,—** пишет Риббентроп об этой встрече,— **послу в Москве Шуленбургу, что на Балтике нам двоим хватит места и что русские интересы там ни в коем случае не придут в столкновение с нашими»**. Хорошо известно, что Сталин благосклонно встретил предложение партнера и пресловутым пактом 1939 года в конечном счете гарантировал ему надежный тыл и свободу действий в войне с союзниками. В 1940 году он, верный тем же идеям, пошел дальше — на переговорах в Берлине Молотов поднимал проблему расширения сфер влияния на Восток, распространения советского присутствия на проливы. Имперская мечта Екатерины II могла стать реальностью.

Одновременно произошел полный отказ от идейных (марксистских) основ в оценке фашизма, сворачивалась борьба с ним, что имело крайне тяжелые последствия для мира. Имперские амбиции окончательно заслонили собою идейные святыни. 14 августа 1939 года Риббентроп просил Шуленбурга передать Молотову: **«Идеологические расхождения между Национал-социалистической Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделялись на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря. События последнего периода, кажется, показали, что разница в мировоззрении не препятствует деловым отношениям двух государств и установлению нового и дружественного сотрудничества... В действительности, интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности»**.

Молотов 31 октября 1939 года на весь мир объявил продолжавшуюся войну Англии и Франции с Германией за уничтожение фашизма преступной. **«Идеологию гитлеризма,—** сказал человек, занявший место Ленина и Рыкова,— **как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию»**.

Антисоциалистические имперские принципы властно вторгались и во внутреннюю жизнь страны. Уже в 30-х годах были практически уничтожены культурные автономии, в массовом порядке закрывались национальные учреждения культуры и образования. Малейшее поощрение национальных культур оценивалось однозначно — как национализм, то есть преступное деяние. На целые народы обрушивались репрессии: они принимали подчас характер геноцида, ибо ссылки народов в отдаленные районы страны приводили к колоссальным человеческим жертвам (вспомним депортации народов Кавказа, крымских татар, немцев, корейцев и других). В стране создавалась атмосфера, в которой быть нерусским становилось стыдно, это воспринималось как недостаток, как вина.

В 1930—40-х годах начинает активно переписываться история России. По сравнению с работами 20-х годов заметен почти полный отказ от объективной оценки имперской политики. В новых исследованиях преобладает апология империи и ее крупнейших деятелей, что находит яркое отражение в науке, литературе и искусстве.

Священная война против фашистской Германии — война за национальную независимость и свободу — пробудила, как и в 1812 году, глубокие и искренние патриотические чувства, привела к возрождению поруганных и извращенных идейной схоластикой общечеловеческих и национальных святынь русского народа. Но этот подъем был использован сталинизмом для откровенной пропаганды имперских принципов и даже символов Российской империи. Люди старшего поколения помнят появление в 40-х годах на улицах городов милиционеров, одетых подобно дореволюционным жандармам, восстановление элементов униформы царских времен в армии, правительственном аппарате, школе, возвращение старых чинов, званий и должностей (министр, генерал, советник), поразительно схожих или полностью совпадающих с теми, что существовали при «проклятом царизме». Все это не ностальгический каприз стареющего тирана, а отражение явных тенденций к возрождению имперских стереотипов, которые требовали соответствующей символики. Вместе с тем появление старой символики, особенно в армии и на флоте, воспринималось людьми не как возвращение к временам империи, а как дань славному и поруганному национальному прошлому, традициям борьбы за независимость. Офицер, воевавший в последнюю войну на Бородинском поле, не мог не ощущать животворной связи со своим предком из 1812 года, что бы ему ни говорили ранее об «эксплуататорах» и «классовой природе» ушедшей в прошлое эпохи.

Игра на благородных национальных чувствах народа давала плоды. Сталин, окруженный ореолом Победы, воспринимался как русский национальный лидер, подобный Александру Невскому, Минину и Пожарскому, Суворову и Кутузову. Это нравилось тирану. Современник вспоминает, как Сталин хвалил артиста Дикого за то, что тот, исполняя роль вождя в спектакле Малого театра, не имитировал грузинского акцента и этим показал, что «товарищ Сталин принадлежит русскому народу и великой русской культуре». Сталин видел в себе властителя государства, построенного на принципах Российской империи. От полунемецких императоров и императриц тоже требовалось выполнение условий своеобразной «русской игры» на престоле. Не случайно часть непримиримо настроенной к «совдепии» белой эмиграции приветствовала Сталина. По ее мнению, он восстановил Русскую империю почти в прежних границах и много сделал для возрождения принципов ее существования. Думать так были все основания. Трудно представить, чтобы большевиков, боровшихся в годы гражданской войны против японских интервентов на Дальнем Востоке за мировую революцию, воодушевляло чувство мести за поруганную честь Российской империи, за ее сокрушитель-

нов поражение в войне с Японией. Именно эта имперская идея реванша ясно прозвучала в речи Сталина после победы над Японией в 1945 году.

В период существования сталинской империи русский народ, как и во времена Российской империи, во многом оставался жертвой; был жертвой и тот владимирский или калужский крестьянин, которого вселяли в дом изгнанного за одну ночь крестьянина другой национальности. Трагизм положения русского народа в новой империи состоял в том, что с ним, провозглашенным как «старший», «великий», никто из власть имущих фактически не считался, как и с его правом на землю и ее недра. Трагизм был и в том, что та культура, с помощью которой русифицировались другие народы, не была русской национальной культурой. Это был, в сущности, эрзац-культур — упрощенный набор «ценностей», не свойственный русскому народу, как и тот «птичий» русский язык, на котором эти ценности внедрялись. Подлинные же ценности русской национальной культуры беспощадно вытаптывались, а честные и талантливые носители их уничтожались наравне с культурой (и носителями ее) других народов страны.

Есть еще один важный момент. Эксплуатация доброты, жертвенности русского народа, действительно присущих ему терпения и неприхотливости, использование его национальных богатств во имя имперских по существу целей, так же далеких от интересов русского, как и других народов,— все это приводило к ситуации, в которой начинал явственно действовать так называемый «закон колониальной неблагодарности». В самом деле, у народа метрополии росло убеждение, что его добрые чувства оскорбляются, его роль, постоянно официально подчеркиваемая, в действительности принижается, а жертвы, которые он принес на алтарь общего Отечества, напрасны, ожидания обмануты. Именно поэтому многие русские, живущие за пределами собственно России, так болезненно воспринимают сегодня принятие законов о языке и суверенитете национальных республик.

Одновременно в среде других народов усиливается встречный процесс: режим имперского бюрократического неравенства все больше идентифицируется с эфемерными «привилегиями» русского народа и все явственнее проявляется желание оттолкнуть все русское. Естественно, чувство национальной обиды связано с серьезными социально-экономическими трудностями, обострившимися в последнее время. Вместе с тем оно может быть и следствием действия укоренившихся в сознании людей имперских стереотипов. Они становятся почвой для великодержавного шовинизма, проявляющегося в современной трактовке понятий национальной гордости, в рассуждениях о возрождении Великой России, мыслимой как освященная нековой «соборностью» метрополия. Весьма примечательна и попытка поставить в один синонимический ряд понятия «Родина», «коммунизм» и «держава», что напоминает известную формулу николаевского министра Уварова «самодержавие, православие, народность». Не менее выразительна и прозвучавшая на первом Съезде народных депутатов СССР лукавая подмена слова «Россия» словом «страна» (помните, знаменитая фраза Столыпина, обращенная к революционерам: «Вам, господа, нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия»). Примечательна и попытка пристыдить «неблагодарных» прибалтов, которые «забыли», откуда есть пошла перестройка.

Безусловно, русский народ, так же как и другие народы, нуждается в возрождении национального суверенитета, восстановлении и даже создании национальной символики. Все это не только не стало бы поощрением шовинистических настроений, а, напротив, содействовало бы выбиванию почвы из-под ног тех, кто, эксплуатируя в своих интересах здоровые, законные и справедливые национальные чаяния, пытается сеять семена имперских пустоцветов.

Вот почему появившаяся 75 лет назад статья Ленина остается острой, актуальной работой. Нет сомнений, что преодоление имперских стереотипов, способность мыслить иначе — это условие национального возрождения и самой России. Строить новый дом под сенью имперского флага, как и мыслить имперскими категориями, уже нельзя. Новая внешнеполитическая доктрина, основанная на признании преимущества общечеловеческих начал, вывод войск из Афганистана, сокращение наступательного оружия, стремление дать новую жизнь федерации республик — все это подает надежду, что имперская политика становится достоянием истории.

БЕЗЫМЯННАЯ МУЗА

Светлана
ОВЧИННИКОВА

ИТОГИ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ГОДА

«ТРЕХМИНУТНАЯ КУЛЬТУРА»

«Многие из нас больше не смотрят телевизор спокойно. Мы переключаем каналы с одного на другой, испытывая нарастающую скуку и раздражение. Новая телекультура обретает форму, имея в качестве объекта людей с возможностями внимания и сосредоточенности не более чем у мухи». Это слова телепродюсера Майкла Игнатьева, подготовившего для Би-би-си серию телепередач под названием «Трехминутная культура».

У нас требовательно напоминают Гостелерадио о его обещании открыть к 2000 году шесть телеканалов для вещания. С другой стороны, многие уже сейчас недовольны характером многих наших программ, то и дело «прерываемых» рок-музыкой и рекламой. Так что выводы, к которым пришел М. Игнатьев, имеют самое непосредственное отношение и к нам.

А он считает, что эмоциональная вовлеченность зрителя в происходящее на телеэкране близка к нулю. Что телевидение достигает невероятных высот в искусстве убивать время. Подсчитано, что в Америке сегодня средний телезритель переключает свой телевизор с канала на канал каждые три минуты.

Но все ли так печально в действительности? Игнатьеву возражают, что статистикой такого рода нужно пользоваться осторожнее. Возможно, человек делает несколько переключений на двадцати существующих каналах американского телевидения, а затем час смотрит выбранную передачу. Кроме того, давайте сознаемся, что и без телевидения не так уж многие из нас проводят свободное время, читая Толстого или в театре на пьесах Ибсена. А с другой стороны, подсчитано с не меньшей достоверностью, что в тысячи раз больше людей познакомились с Шекспиром за 40 лет существования телевидения, чем за 400 лет существования театра.

В искусстве всегда решает авторство. И телевидение, которому покровительствует одиннадцатая и все еще безымянная муза,— не исключение. (Десятую, кажется, привечают кинематографисты, но назвать тоже не решаются: понимают, что не эллины.)

Впрочем, покровительствует ли? Искусство оно? Или «средство массовой информации»? А может, некий симбиоз, кентавр?

Впрочем, музы покровительствуют как искусствам, так и наукам: Урания — астрономии, Клио — истории, Мельпомена — трагедии, Каллиопа — эпосу, Полигимния — гимнам и пантомиме, Талия — комедии, Эрато — любовной поэзии, Терпсихора — танцам и хоровому пению, Евтерпа — лирике и музыке... Пожалуй, каждой есть сегодня «дело» на телевидении. Не тесно ли им там? И не сизифовым ли трудом порой приходится заниматься?

Потому как одно дело, если Юрий Михайлович Лотман ведет передачи о русской истории. Пусть всего 16 сорокаминутных бесед. И лишь о России, и только с конца XVIII до начала XIX века. И вовсе не по первой программе. И не в золотое вечернее время. А жертвуешь любыми делами и планами, чтобы слушать. И не понимаешь: то ли Клио вдохновляет профессора, то ли профессор богиню... И другое дело, когда за воинственным напором неформала не уловить его подлинных с Клио — то есть с историей, с нашей исторической памятью — взаимоотношений.

У телевидения есть коварный дар: все укрупнять. Доброту и агрессивность, интеллигентность и самолюбование, интеллект и ограниченность. Оно транслирует не только текст, но и подтекст, не только мысль, но и умысел. И одно дело, когда Терпсихора царит в «Доме у дороги», «Анюте», да в любом — увы, не так часто, как хотелось бы, повторяемом — фильме-балете с Максимовой и Васильевым, этим редким по артистизму, духовности, выразительности и вдохновенности не произведениям, нет,— дарам искусства. И другое дело, когда, вдохновленные, конечно же, очень благим помыслом, но как-то художественно скудно, на небогатом пластическом языке молодые актеры танцуют песни Высоцкого.

И не в том дело, что Чехова или Твардовского можно станцевать, а Высоцкого — нет. Дело в том, кто общается с нами с экрана. Не в имени суть — в профессионализме. Экран укрупняет каждый момент дилетантства.

А дилетантов много. А профессионалов — единицы. И не открыть ли «школу Невзорова»? Ни одного лишнего слова, взгляда, жеста. И каждый крохотный сюжет подан исчерпывающе. С бьющим наотмашь гневным ли, ироничным ли, горьким ли авторским резюме. Невзоров — ведущий, потому как властно ведет за собой. По праву таланта, профессионализма, отваги. Он говорит о тяжелом, порой жутком. И делает это артистично, не оскорбляя артистичностью. Что чрезвычайно трудно. Но, как видим, возможно. И необходимо. Так играющий Гамлета должен быть лицедеем, но заставляющим задуматься зрителя: «быть или не быть»...

Параллельно с Александром Невзоровым и его «Шестьюстами секундами», после, до, рядом выглядят затянутыми некоторые сюжеты «Времени». Изобилующие казенными, лишними, предполагаемыми словами у авторов многих сюжетов.

На одинаковости вопросов начинает крутить фуэте «Телевизионное знакомство». Единственная передача увлекательного жанра «светской хроники». Придуманная и ведомая единственным нашим «светским репортером» — Урмасом Оттом. Может быть, в том и закавыка, что — единственным? Но где найти еще одного такого профессионала — обаятельного, хваткого, почтительно-ироничного, остроумного? А может быть, служение муз проходит в суете? И некогда поискать единственный вопрос, единственный «ключик»? И тогда берут отмычки? Но раритет не взломаешь. А Урмас Отт имеет дело только с раритетами, в этом и замысел, и смысл его передач.

Тревожит «Взгляд». Самая отважная (не считая прямой трансляции Съезда народных депутатов), а потому самая необходимая (не считая прямой трансляции Съезда народных депутатов) передача Центрального телевидения. Тревожит и, с абсолютным уважением к искренности и значительности помыслов, к мужеству людей, создающих эту программу, заставляет говорить опять-таки о профессионализме. Ведущие часто бывают не в ладах со временем. Не с тем, что яростно бурлит за пределами телецентра, а с эфирным. Они постоянно глядят на часы и не успевают, прерывают собеседников. Иногда кажется: на самом «остром» пассаже и не по своей воле.

Чаще страдают этим выпуски, которые ведет Владимир Мукусев. Я помню обаятельного ленинградского корабела, выигравшего когда-то поездку на фестиваль молодежи и студентов в Гаване. Видимо, это и подвигло сменить профессию. В тележурналистику пришли многие яркие личности из технических вузов, оказавшиеся волею судеб на телеподмостках: пришли из «старого» и «нового» КВНов, из «Веселых ребят», по которым и сегодня ностальгия, из различных конкурсов, причастных телевидению. Мукусев пришел в самое «жесткое» дело, в программу не развлекательную, а остропублицистическую, не в «А нука, девушки!», а в «А ну-ка, лидеры!». Не на скамеечку — на баррикаду. Здесь приобретает особый вес каждое слово — сказанное и прерванное, каждое мгновение — прожитое и потраченное, умение говорить не меньше, чем умение слушать, выслушивать, вслушиваться. Здесь требуется не только жесткая определенность позиции — она-то как раз есть всегда, но и жесткая определенность каждого слова. Этого недостает. Как недостает порой оформленности и законченности студийным сюжетам.

Если разговор идет о видео, то при чем здесь полторы фразы да и само присутствие глобально мыслящей Татьяны Ивановны Корягиной: не грешно ли так ее «использовать»? И о чем вообще оказался тот разговор? И этично ли прерывать О. Попцова и Р. Сагдеева ради высказывания собственных эмоций, нравствен ли вопрос «афганцу» у Вечного огня? Я очень боюсь, что «Взгляд» в спешке, в желании «объять необъятное» может превратиться в беглый взгляд, во «взгляд и нечто». Боюсь и другого: выкручивания рук. Того, что не по воле или неумению ведущих оказались смяты те или иные сюжеты, а по воле кого-то, над ведущими стоящего. Потому и тревожно предъявлять претензии чисто профессионального толка, чтобы не дать жаждущим (а они есть, они и митинговали, и, что еще страшнее, санкционировали антивзглядовский митинг возле телецентра) закрыть, засушить передачу. «Значит, это кому-нибудь нужно». А мне нужен «Взгляд». Даже со всеми его несовершенствами. Потому что этот взгляд — честный.

А кому-то хочется, очень хочется сделать музой телевидения Полигимнию. Чтобы вдохновляла либо на гимны, либо на пантомиму. Так привычнее. Так спокойнее, комфортнее. И так уже было в нашем Отечестве.

Мне вовсе не мерещатся чьи-то происки: я вижу факты. На экране дергаются лица — к примеру, у Шерлока Холмса из команды Уральского политехнического института (КВН),— когда очевидный монтаж фразы вопиет — или выдает цензора, которого якобы нет, но вот же его «работа» — есть. Когда панорамируют на слушателей во встрече с журналом «Искусство кино», «сокращая» львиную долю сказанного со сцены,— этот монтаж поаккуратнее, да вот незадача: цензоры передачи не сообразили, что следующие выступающие будут ссылаться на слова предыдущих, не прозвучавшие в эфире. Когда все короче становятся трансляции первой (когда эти заметки будут опубликованы, завершится уже вторая) сессии Верховного Совета СССР. И из газет узнаешь, что выступал депутат В. Белов. И газеты же клянутся опубликовать выступление. Где оно? Сначала вымарано из эфира. Потом не пошло в печати. Что же такое сказал уважаемый депутат?

Телевидение все укрупняет. И малейшие наскоки на гласность тоже. Пока монтажные ножницы — орудие не столько художественного, сколько «идеологического» совершенствования, остается неуверенность в необратимости гласности.

И уж совсем — от передачи к передаче — хиреет уверенность в ее действенности. Из эйфории первых лет свободы слова — на сегодня самого ощутимого достижения перестройки — возвращаешься в тревогу за бессмысленность самого вопроса: как слово наше отзовется? А никак! «Васьки» слушают да едят. Пар слов локомотив не движет. Кому слышать надлежит — не слышат. И глас телевидения превращается в глас вопиющего в пустыне. Да только ли телевидения? Не потому ли так резко упал тираж газет и журналов, что происходит не только инфляция денег, но и инфляция слов?

Деньги не обеспечены товаром.

Слова — действием.

«Я знаю силу слов...» Пожалуй, с каждым днем мы все больше узнаем слабость слов. Но другого «оружия» у телевидения нет. Как заставить не бить вхолостую? Если на ответственных (то бишь на тех, кому следует отвечать) — бронежилеты. Не потому ли погас «Прожектор перестройки», что дистанция между постановкой и решением проблемы оказалась сверхмарафонской?

Рядом с этими жестокими проблемами кажется частным, не столь существенным то, «как» говорить; дефицит профессионализма не выглядит таким уж важным сейчас предметом разговора: когда сказанное уходит в песок, в вату, в резиновую стену — до интонации ли говорящих?

Да.

Потому что действенность сказанного, среди прочего, зависит от того, как сказано.

Пример Съезда. Деловых, конструктивных выступлений немало. Одни предложения «тонули» в других, одни проблемы «забивались» и забывались уже при обнародовании последующих. Но практически почти всегда сразу же реализовались предложения, дополнения, корректировки ленинградского депутата А. Собчака. Почему? Профессионализм сути сказанного отличал многих. Собчака — еще и профессионализм подачи предложений: ни одного лишнего слова, напор без эмоций, властный посыл и жесткая конкретика... Не просьба, но умение заставить себя выслушать.

Это особый дар. Он необходим депутатам. Но депутатам ли только?

Позволю себе коротенькое отступление от темы этих заметок. Когда-то очень давно, еще в эпоху античности, обучались риторике — искусству красноречия. Во времена куда более близкие нам обучались логике. А сегодня? Мы все не умеем говорить. Почти все. Не то что в школах,— в вузах этому не учат. Мы топим мысли в словах, не передаем, а предаем их словами. Кто из министров умеет говорить? Шеварднадзе, Бакатин, Ягодин и... и...

Возвращаясь к предмету нашего разговора: кто из ведущих самых разных программ умеет говорить? Невзоров, Молчанов, Максимова, Марк Захаров и... и...

Оговорюсь: и в первом, и во втором перечислении я наверняка кого-то не назвала — не за всеми передачами по всем пяти программам удается уследить. Да и монополией на истину я, как, впрочем, и любой другой автор, не обладаю. Объективность критика — в честной субъективности. Тогда, возможно, из многих субъективных мнений и сложится одно относительно объективное.

Как сложилось оно, к примеру, у тех, кто смотрит передачи московской программы, не имея возможности смотреть ленинградскую, и у тех, кто смотрит обе. А точнее, посмотрев пару вечеров ленинградскую, уже в московскую заглядывают разве что на сеансы Кашпировского.

«Дистанция огромного размера»,— как утверждал еще Грибоедов в дотелевизионную эпоху.

Рыхлые, неумелые, случайные и в подборе, и в подаче сюжетов, не украшаемые большинством ведущих столичные «Добрые вечера» чаще всего становятся вечерами скучными. Какой-то постоянной — уже долгое время — пробой «пера», ученической и робкой.

Ленинградцы удивляют «Зеркалом», «Пятым колесом», телестанцией «Факт», публицистическими передачами «За и против», «Выбор», наконец, прямыми трансляциями городских совещаний, пленумов и т. д.— на самом высоком уровне...

Московское телевидение живет местечково, и разве что воскресные вечера с Владимиром Познером нарушают усредненность показываемого.

Ленинградское — не оглядываясь на Центральное — врывается в общечеловеческие, государственные, всех нас касающиеся проблемы и тревоги. Не забывая Ленинграда, его индивидуальных забот, а видя и показывая их в контексте забот времени.

Истинно столичное телевидение сегодня не на московской улице академика Королева, а на Чапыгина в Ленинграде. Столичное и по масштабу разговора, и по его эстетической ценности.

Ленинградцы владеют даром отбора: будь то в спрессованных «Шестистах секундах» или а несуетном «Пятом колесе». Где подробно рассказывает, читает, размышляет Саша Соколов, а потом долго показывают фотографии и работы Анатолия Зверева, а затем так же неторопливо дают вслушаться и вглядеться в Александра Сокурова. Не резюмируя. Не мешая. И без привнесенных текстов, из трех этих блоков, составивших двухчасовую передачу, ненавязчиво, но остро возникает тема судьбы художника, права на непохожесть — мучительного и непременного, без которого судьбы нет, но с которым она горька... А собственно, чем вообще занимается искусство, если не приучением человека видеть и любить непохожесть другого? Или хотя бы относиться к ней неагрессивно. И муза телевидения, приближая к нам Соколова, Зверева, Сокурова, оказывает услугу всем своим товаркам, всему искусству. Облагораживая зрителя.

Другая передача. Вернее, другой выпуск. Снова пристальное вглядывание в лица: В. Пятницкого, сына репрессированного партийца, и некого старика, имевшего непосредственное отношение к расстрелам политзаключенных. Очень деловитого старика. Жестокая передача. Вообще «Пятое колесо» обращается к истории часто,— у этого города с ней особые, непростые и очень личные отношения. Здесь не только Клио царит, но и Мельпомена, и Каллиопа...

И еще передача. Казалось бы, построенная самым расхожим на телевидении образом: коллажем разных, очень разных, вроде бы не имеющих внутреннюю связь фрагментов. Первый называется «Есть? такая партия». В нем вышедший из КПСС рабочий размышляет о жизни, о себе с какой-то пронзительной искренностью. Почему ленинградцы так открыты перед телекамерами? Это тоже к вопросу о профессионализме: надо уметь так спрашивать, чтобы могли так отвечать.

Второй фрагмент — «?Все русские ?..» — рассказывает о женщине-враче, перечумовавшей страшную эпидемию вместе с монгольским малышом.

Третий — «Памятник» — о том, как 53 года никак не установят в Ленинграде памятник Гоголю, а теперь начались мытарства и с установкой памятника Чайковскому: не «привязывается» к ландшафту и постоянно «мешает» уже эстетически устаревшему, взирающему с высоты пьедестала «Гоголю». Которому действительно место на Невском, «идущему» в толпе, как во французском городе Кале идут его оставшиеся в истории граждане-мученики, увековеченные Роденом...

Четвертый — «Альфонсинки». О проститутках. И фильм «Искушение» режиссера О. Ерышева.

Пятый — «На берегу» — встреча с Д. Граниным. И разговор об инфляции понятий «мораль» и «нравственность».

И последний — песни «оттепели»...

Ну что может их объединять? А текст Салтыкова-Щедрина. Который наотмашь предваряет и комментирует показываемое. И возникает то ощущение остановившегося времени, то связи времен.

Подобное же ощущение могло возникнуть от передачи Центрального телевидения «Монтаж». Довольно длинного видеоклипа с Брежневым, у которого словно берут интервью авторы программы. Но вот загвоздка: от передачи «Пятое колесо», сюжетно вовсе не исторической, восприятие истории есть, а от «Монтажа» — из истории, об истории, для истории смонтированного — нет. Почему? По-моему, лихость монтажа, молодой азарт, авторское любование делом рук своих (и техники, естественно) оттеснили все прочее на какой-то очень дальний план. Кураж стал превалировать над смыслом. Произошел какой-то вкусовой сбой.

Но разговор о художественном вкусе опять-таки приведет нас к разговору о профессионализме.

Сказанное не означает, что не нужны клипы или передачи типа «Монтажа»: на телевидении (как и в театре — спектакли, и в кино — фильмы) — пора бы это признать — нужны передачи развлекательные, веселые и веселящие. Не разумно держать зрителя в постоянном состоянии подавленности от быта, от стрессовых ситуаций. От этого никуда и так не деться: жить во времени и вне его никому не удавалось.

Но древние греки не случайно в один многодневный спектакль показывали и трагедии, и комедии. Шекспир не случайно трагичнейшие сцены в своих пьесах перемежал комедийными, порой на грани балагана. Существует наука о восприятии искусства. Сгущение трагического ведет к притуплению его восприятия (еще одна, кстати, возможная причина падения интереса к прессе, продемонстрированного подпиской).

Искусство сильнодействующее. И необходимо соблюдать некий паритет эмоционального воздействия на психику людей в зале ли, у телеэкрана ли. Уже срабатывает защитная реакция самой публики: не случайно даже на слабых спектаклях Театра сатиры аншлаг, как аншлаг на комфортных и красивых «Холопах» в Малом. Стремятся на все, сулящее отдых и развлечение. Если вспомнить, что в 1922 году с грандиозным успехом прошла блестящая сказка «Принцесса Турандот», а в 46-м — изящная комедия «Учитель танцев» (в тяжелые времена требовалось радостное искусство), то яснее станут эстетические нужды наших дней.

Телевидению надо снимать стрессы не только с помощью Чумака или Кашпировского (кстати, тяга к ним — еще одно подтверждение моей версии). Телевидению дано — и отказываться от этого грех — помогать не только со-размышлять, со-чувствовать, но и со-радоваться, со-развлекаться с публикой. И в этом нет дешевки, потери позиции, снижения критериев. Аркадий Райкин смешил — и при этом был могучим борцом и агитатором. Возможно, самым действующим политиком.

И, может быть, эффект популярности «Рабыни Изауры» и в том, что фильм красив, развлекателен и при этом пробуждает не худшие чувства. И еще — он окунает в иной мир, уводя от окружающего убогого и тревожного быта. А это тоже нужно: усталому, как правило, рекомендуется смена обстановки. А мы устали. Депутат В. Ярин очень образно и точно назвал свой Нижний Тагил «усталым

городом». Сколько у нас и в России, и в других республиках таких городов?

Не к уходу от действительности я призываю. А к поддержанию душевного равновесия ради обустройства жизни.

«Монитор» этому способствует.

Еще в большей степени способствует «Слово». Это имя принял «Литературно-художественный видеоканал».

Почему в большей? Потому что эстетическая значимость его велика. Как и значимость просветительская. В нем нет эпатажа, но очень высок культурный рейтинг. Сергей Сергеевич Аверинцев, читающий стихи с такой внутренней несуетной любовью, что вызывает со-любовь. Удивляющийся талантливому, Аверинцев награждает и этим чувством радостного изумления. Благотворительный вечер Берберовой — еще один повод удивляться: судьбе, интеллигентности, уму. Сколько таких судьбой дарованных встреч уже было и еще будет в «Слове»!

Конкурс красоты, конечно, кич. Нынешний был покультурнее предыдущего, но не ушел от сумбурной смеси убожества и роскоши. Поскольку изрядной части публики это зрелище, сам факт таких соревнований по вкусу,— пусть будет плюрализм. Но ниже определенного уровня культуры не опускаться бы. Быть ближе к искусству, к музе Эрато, а не к бегам... Чего не хватает этому шоу и что щедро продемонстрировала запись, довольно полная, вручения «Оскаров» в Голливуде: чувства юмора, иронии и самоиронии, которые так украшают «официальные» награждения королев ли красоты, звезд ли киноискусства.

Если резюмировать: наше шоу было дилетантским, их — профессиональным.

Многим нашим передачам, в том числе и развлекательным, еще предстоит учиться профессионализму, избавляясь от дилетантства.

Тогда, быть может, не будет столь казенно, стандартно, буднично в «Воскресном кинозале». У передачи этой изрядная конкуренция: и с обретающей новое дыхание «Кинопанорамой», и особенно с захаровским киносерпантином. Передачей неровной, но интересной неординарностью ведущего. Неординарен и Ролан Быков. Но, видимо, быть ведущим — это особое амплуа, и если вспомнить и долгую историю «Кинопанорам», и короткую «Киносерпантина»,— артистам это не удается. Я лишь констатирую (вновь напоминая, что не обладаю монополией на истину), что общение с Захаровым, его ироничной изысканностью интересно само по себе, даже когда сюжет — как было в диалоге с кинокритиком Щербаковым,— выстраивался на ходу, да так и не выстроился. В Захарове есть некий магнетизм и сложное самобытное мироощущение, он — загадка, он играет со зрителями, не заигрывая с ними, проявляя власть ведущего очень деликатно, закамуфлированно, но из-под власти этой не выпуская. И ведущий обязан владеть и передачей, и аудиторией.

Пока владеют немногие.

Любопытно, что хозяина взыскуют сегодня в равной степени и на заводе, и в поле, и в искусстве. Тенденция времени одинакова для любой сферы нашего бытия. И процессы везде происходят сходные.

Театральные передачи на ТВ сегодня выглядят бесхозными. Логику выбора спектаклей для показа всесоюзному зрителю уловить трудно. Проще понять достаточно непритязательную логику съемок творческих портретов Мастеров — здесь эфирное время отдается юбилярам. И, ценя их, хотелось бы большей деликатности и опять-таки профессионализма от телегрупп, работающих над передачами. Так, я знаю много лет Николая Александровича Анненкова. Не только как актера, уникально владеющего своим ремеслом, но и как незаурядного рассказчика — заводного, самобытного. И огорчило, что авторы построили передачу о нем на скупом пересказе биографии, что «за кадром» остались и художественная индивидуальность ролей, и масса живых черточек его индивидуальности человеческой. То есть телевечер Анненкова не стал самостоятельным и самоценным спектаклем. А мог бы стать.

Видимо, создатели передачи забыли, что о произведении искусства надо создавать произведения искусства. А на ТВ — не маниловщина ли это? — но произведением искусства хорошо бы стала любая передача. Стали же «600 секунд».

Часто даже в передачах, к примеру, театральных, телевидение оставляет себе роль транслятора. И это губительная роль. Потому что проверено: спектакль, создаваемый по обе стороны рампы, зрителем и актером в равной степени, не живет без зала, его реакции, связи на уровне биополей. Холодный прямоугольник экрана эту связь разрушает, а взамен — что? Не случайно популярный спектакль МХАТа «Татуированная роза» по Теннесси Уильямсу смотрелся едва ли не самодеятельным. Не случайно Георгий Александрович Товстоногов, готовя для телепоказа знаменитых своих «Мещан» или «Дядю Ваню», фактически переработал и заснял их с учетом телевизионной специфики, превратив спектакль театральный в телевизионный.

Это необходимо делать с любым сценическим произведением, затребованным телеэкраном. Иначе произойдет девальвация сценического искусства. Уже происходит. Так, очень заинтересовала передача о прозе на сцене. Выбором ракурса разговора, отбором примеров. Но когда отрывки из уникального спектакля литовского режиссера Эймунтаса Някрошюса «И дольше века длится день» пошли в прямой съемке, обожгло ощущение провала. Не стало той ауры, что создал режиссер, отдельные выдернутые сцены, вне упругой и тягучей сцепленности, разрушили еще одно чудо режиссуры Някрошюса — ритмическую структуру действия; короче, потерь было столько, что у меня, видевшей спектакль неоднократно и постоянно открывающей его прелесть заново, заболела душа.

Я начинаю бояться телепоказов созданного для сцены. Они рождают нелюбовь к театру.

И сегодня — когда идут довольно регулярно трансляции лучших спектаклей разных театров страны, чтобы не превратились они в галочки, удовлетворяющие амбиции периферийных театров, но не зрителей,— необходимо самым тщательным, серьезным и ответственным образом творчески перевести их на язык телевидения. Это должен быть авторизованный перевод. Пусть понадобятся время и средства. Но девальвация искусства в итоге всегда обходится дороже.

А пока — анонсирован мемориальный цикл А. Эфроса. Что будет с «Тартюфом» в отсутствие режиссера? Тревога, тревога...

А после первого Съезда народных депутатов она усилилась, потому что это, не претендовавшее на место в искусстве зрелище стало самым грандиозным спектаклем прошедшего времени: с непредсказуемой интригой, яростным разнообразием «действующих лиц», жесткой режиссурой. Воистину «жизнь — театр, люди — актеры». Точнее Шекспира не скажешь.

Казалось, в пустых рядах за президиумом примостились изумленные Каллиопа и Клио, то одного, то другого депутата выводила за руку на трибуну невидимая Мельпомена, и редко, очень редко и робко заглядывала Талия, чтобы тут же исчезнуть,— сейчас не ее время.

После Съезда передачи, даже самые некогда любимые, казались пресными. А уж фильм, где «батрачка Ганна кует чего-то железного», где все политически грамотно и вполне в духе времени: экологические проблемы, привилегии власти, люди из свиты, где играют популярные П. Вельяминов, М. Вертинская, В. Соломин, В. Конкин,— фильмы эти, снятые на сегодняшнем материале, смотрелись досадной и унылой архаикой. Клише, штампом, не более занимательным, чем детектив, в котором заранее просчитывается каждый следующий ход и известен результат.

На этот сериал дважды уже тратилось золотое эфирное время. Истинно золотое: ведь мы имеем всего пять каналов.

Трансляции Съезда и сессии подняли «планку» смелости и открытости разговора на телеэкране на иную высоту. Но ощутима тенденция постепенного ее снижения. Пока в некоторых передачах. Что дальше?

Трансляции Съезда и сессии дали возможность общаться сразу со множеством личностей — уникальных, неповторимых, значительных: Бочаровым и Алексеевым, Собчаком и Мартиросяном, Емельяновым и Подзируком... Да не перечислить всех. И сегодня ведущих программ невольно сравниваешь, соизмеряешь с ними. Не многие выдерживают сравнение. Это стоит признать. Поиск личности — задача ЦТ, возможно, самая насущная. Ибо только личности дано пробудить личность в другом.

Любопытно: когда, транслируя заседания, телевидение служило сугубо «средством массовой информации», оно поднялось до страстей и катарсиса высокого искусства. Когда транслируют иной фильм или спектакль, выполняет функцию этого самого «средства». Только информация не первой свежести.

Но если жанру строгой трансляции дано стать искусством, то неужели искусству не дано стать равным ей, а значит, себе? И безымянной музе телевидения войти в сонм себе подобных — покровительствующих искусствам.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ОПАСНАЯ ИЛЛЮЗИЯ

**Александр ЯНОВ,
профессор политических наук
(Нью-Йорк)**

Вместе со своим лидером Михаилом Горбачевым реформаторы 80-х полагают аксиомой, что, поскольку рациональной альтернативы перестройке они не видят, следовательно, никакой альтернативы ей не существует. Это — иллюзия, притом опасная. Она погубила многих русских реформаторов в прошлом. Она способна погубить и нынешнюю реформу.

Сегодняшние мои ровесники, обернувшись назад, увидят, что рациональной альтернативы нашей первой перестройке, в 60-е годы, *тоже не было.* Что брежневский путч был заведомо иррационален, поскольку мог привести страну лишь в тупик загнивания и кризиса. И тем не менее этот путч состоялся. И на протяжении двух десятилетий заставил нас бессильно наблюдать неуклонное скольжение страны в пропасть. Спрашивали ли когда-нибудь себя реформаторы: почему в 1964 году победила иррациональная альтернатива? Спрашивали ли себя те, кто так красноречиво защищает сейчас продналог против продразверстки и закрепощения крестьянства, почему очевидно иррациональная, чтоб не сказать безумная, сталинская альтернатива, чреватая национальным несчастьем, победила в 1929 году столь разумный, казалось бы, и уравновешенный ленинский «кооперативный план» 1923 года? Откуда взялась на нашу голову эта крепостническая «революция сверху»?

Нигде никогда не встречал я в советской печати, даже в эпоху гласности, ни одного вразумительного анализа этой роковой закономерности: почему русский политический процесс неизменно, на протяжении всей национальной истории — не только советского, но и московского, и петербургского ее периодов — всегда оказывался *обратимым.* Реставрации случались и в Западной Европе. Однако английская реставрация 1660 года не смогла, хотя и пыталась, вернуть к жизни абсолютизм. Реставрация Бурбонов в 1815 году не смогла отнять у крестьян землю, которую дала им революция. Ни один сколь угодно реакционный режим в Америке не смел и помыслить о возвращении негров к статусу рабов, от которого избавила их гражданская война. А у нас и тирания реставрировалась каждое столетие, и тотальный террор периодически возрождался, и землю у крестьян после революции отнимали, и в рабство их возвращали после гражданской войны. Откуда эта разница?

По сути, целью каждой реформы, начиная с 1490-х годов, была политическая модернизация страны, независимо от того, понимали ли это ее лидеры. Все они предпринимались для того, чтобы дифференцировать гражданское общество до степени, способной сделать политический процесс в России необратимым. Каждая перестройка видела в себе воплощение исторического разума и отказывалась признать существование альтернативы. Мог ли, скажем, Алексей Адашев предвидеть в 1550-е годы, что его собственный царь (исполнявший в Московии шестнадцатого столетия примерно ту же политическую роль, что сейчас Пленум ЦК) вдруг, без всяких рациональных к тому оснований бросится очертя голову в схватку со всей Европой, обрекая тем самым русское крестьянство на закрепощение, в страну — на тотальную «борьбу с изменой», результатом которой станет таких масштабов террор, что Россия не сможет оправиться от него на протяжении столетия?

А вот примеры петербургского периода. Была ли рациональной альтернатива Александра Третьего в 1881 году, способная лишь загнать вглубь «проклятые вопросы», раздиравшие Россию,— только для того, чтобы изверглись они, как лава, в 1905-м? Могла ли Петру Столыпину в 1907 году казаться серьезной большевистская альтернатива? В громадной империи с могущественной бюрократией и разветвленной тайной полицией она представлялась настолько ничтожной, что не заслуживала и упоминания нигде, кроме как в полицейских досье. <...>

Вот краткий мартиролог русских реформаторов.

Окольничий Алексей Адашев, глава русского правительства в 1550-е годы,— казнен в ходе контрреформы.

Боярин Михаил Салтыков, автор конституции 1610 года, судим за измену родине в ходе сменившей реформу политической стагнации.

Князь Василий Голицын, глава русского правительства в 1680-е годы, сослан навечно в ходе контрреформы.

Князь Дмитрий Голицын, глава Верховного Тайного совета в 1730 году, свергнут в антиреформистском путче, сослан навечно.

Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Кондратий Рылеев, Михаил Бестужев-Рюмин, Петр Каховский, руководители и идеологи восстания декабристов 1825 года, повешены в Петропавловской крепости в ходе контрреформы.

Император Александр Второй убит экстремистом в 1881 году, что оказалось сигналом для новой контрреформы.

Петр Столыпин, глава русского правительства, убит экстремистом в 1911 году, что послужило началом нового периода стагнации.

Павел Милюков, идеолог либеральной реформы, и Александр Керенский, глава русского правительства в 1917 году, кончили свои дни в эмиграции.

Николай Бухарин, идеолог нэпа, казнен за измену родине в ходе контрреформы.

Никита Хрущев, глава русского правительства в 1958—1964 годах, свергнут в антиреформистском путче.

О чем говорит этот мартиролог? Не о том ли, что альтернатива перестройке существовала в России всегда, сколь бы незначительной или иррациональной ни казалась она реформаторам? И если они продолжают ее не замечать, значит, что-то не в порядке с их политическим зрением. По крайней мере к такому выводу пришли мои американские студенты в бесконечных спорах о перестройке в СССР. Они объясняют недостатки политического зрения советских реформаторов русской «монополистской ментальностью». В самом деле, никому в США не пришло бы в голову начать какое бы то ни было предприятие, будь то политическое или индустриальное, исходя из предпосылки, что ему не существует альтернативы. В Америке, где нет монополии, изучение конкурента — закон выживания. В России же, где политика всегда была монополией правительства, вроде бы и изучать нечего. До последнего вздоха его лидеры всегда уверены, что реальной оппозиции правительству не существует. Уверены в этом и сегодняшние реформаторы. Как бы то ни было, первое, что сделали бы мои студенты в подобной ситуации,— это создали бы мощный научный форум по изучению конкурента, то есть оппозиции и выдвигаемой ею альтернативы.

Отрывок из книги А. Янова «Русская идея и 2000 год»
(Liberty Publishing House, New Jork, 1988).

Астольф де КЮСТИН

РОССИЯ В 1839

Тягостно влияние этой книги на русского, голова склоняется к груди, и руки опускаются; и тягостно оттого, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного места, и миришься с ним за многое, и более всего за любовь к народу.

А. И. ГЕРЦЕН

...Отсутствие здравого смысла, по-моему, наиболее характерная черта архитектуры этого огромного города. Он напоминает нелепую фабрику, выстроенную в парке, но парк этот — полмира, а архитектор — Петр Великий.

Как ни возмущают портящие облик Петербурга глупые подражания, все-таки невозможно без восхищения взирать на город, вышедший из моря по зову человека; город, которому, чтобы существовать, периодически приходится защищаться ото льда и постоянно — от воды. Это результат могучей воли. И поэтому испытываешь если не восхищение, то страх, а значит, почти уважение.

...Пакетбот из Кронштадта бросил якорь в самом Петербурге, у гранитной набережной.

...Понадобилось предстать перед новым судилищем, которое, как и в Кронштадте, собралось в большом зале корабля. Мне задавали все те же вопросы с той же вежливостью, а мои ответы переводили с теми же формальностями.

...Когда потребовалось распаковать мои чемоданы перед таможенниками, эти новые неприятели самым тщательным образом проверили все вещи, особенно книги, которые после бесконечно долгого досмотра конфисковали все, безо всякого исключения и с неизменной любезностью, не обращая внимания на мои протесты. У меня забрали две пары дорожных пистолетов и старые переносные часы; напрасно я старался понять и добиться объяснения, почему эта вещь стала предметом конфискации; взятое, как меня заверили, будет возвращено, однако не без множества проволочек и переговоров. Итак, я повторяю — вслед за русскими вельможами, что Россия — страна ненужных формальностей [...]

...Наконец я увидел фасад обновленного Зимнего дворца — еще одно удивительное создание воли человека, который использует силы других людей для борьбы с законами природы. Цель была достигнута, ибо за год дворец восстал из пепла[1]. Равный Лувру и Тюильри вместе взятым, он превосходит все ныне существующие.

...И единственная цель стольких жертв заключалась в исполнении прихоти императора! У народов, цивилизованных естественным путем, то есть издавна, жизнью людей рискуют только ради общих интересов, важность кото-

---

[1] Зимний дворец после пожара 1837 года был восстановлен менее чем за год.

Окончание. Начало см. № 11.

***Дворцовый мост.
Литография Ж. Жакотте и Ш. К. Башелье
по рисунку И. И. Шарлеманя***

Выражение лиц петербургских жителей.

рых признана почти всеми. Но сколько поколений правителей совратил пример Петра I!

...Ничто колоссальное не достигается без труда; но человеку, который сам по себе и народ и правительство, надлежало бы почитать для себя законом использование огромного механизма, коим он управляет, лишь для достижения цели, достойной прилагаемых усилий.

...Народ и правительство здесь вполне соответствуют друг другу [...]. Все-таки меня не удивляет, что человек, сызмальства привыкший к поклонению себе как идолу, человек, которого шестьдесят миллионов людей или почти людей называют всемогущим, берется за такие дела и доводит их до конца. Поразительно, что среди голосов, прославляющих дела этого единственного в своем роде человека, ни один не выделяется из хора, чтоб вступиться за человечность против чудес самовластия. О русских, знатных и незнатных, можно сказать, что они опьянены рабством.

...Это состоящее из автоматов население отчасти похоже на шахматы, ибо один человек приводит в движение все фигуры, сражаясь с невидимым противником — человечеством. Здесь движутся, дышат лишь с позволения или по приказу императора, оттого повсюду угрюмость и принужденность: молчание главенствует в жизни и парализует ее. Офицеры, кучера, казаки, крепостные, придворные — все не более чем разного ранга слуги одного и того же господина, слепо повинующиеся неведомой им мысли. Это шедевр военной механики; но вид сего прекрасного порядка не вызывает у меня чувства удовлетворения, ибо такая регулярность достигается лишь полным отсутствием независимости.

...Глядя на этот народ, лишенный досуга и воли, замечаешь только бездушные тела и трепещешь при мысли, что на такое великое множество рук и ног имеется лишь одна голова.

Деспотизм суть соединение нетерпения и лени: будь у власти немного более долготерпения, а у народа — действенности, можно было бы достичь того же результата гораздо более дешевой ценой, но что стало бы с тиранией?.. Ее признали бы ненужной. Тирания — мнимая болезнь народов; притворившийся врачом тиран убедил их, что здоровье не есть природное состояние цивилизованного человека и что чем больше опасность, тем сильнее должно быть лекарство,— именно так он поддерживает болезнь под предлогом ее излечения. Общественный порядок в России обходится слишком дорого, чтобы я им восхищался [...]

...Едва я расположился (в гостинице.— **Ред.**), как усталость от ночных и утренних таможенных мытарств победила мою любознательность: вместо того, чтобы отправиться побродить по незнакомому мне Петербургу, по моему обыкновению — одному, наугад, я бросился, завернувшись в плащ, на огромный кожаный диван бутылочно-зеленого цвета, который занимал почти всю стену гостиной, и крепко заснул на... три минуты.

Через три минуты я просыпаюсь в лихорадке и что же вижу, бросая взгляд на свой плащ?.. Коричневую ткань, но живую; нужно называть вещи своими именами: я облеплен поедающими меня клопами. ...Я отбрасываю подальше всю одежду и принимаюсь бегать по комнате, взывая о помощи! Что сулит мне ночь! — думаю я, крича во все горло. Приходит русский малый, я растолковываю ему, что хочу поговорить с его хозяином. Хозяин заставляет долго ждать себя, наконец появляется и, когда я сообщаю ему о предмете своих мучений, смеется и тотчас удаляется, сказав, что я к этому привыкну, ибо ничего другого в Петербурге не найду. Он советует никогда не садиться на русские диваны, так как на них спят слуги, на которых всегда полчища насекомых. Успокаивая меня, он уверяет: эти насекомые не доберутся до вас, если держаться подальше от мебели, где они незаметно прячутся.

...Петербургские гостиницы похожи на караван-сараи; вы предоставлены там сами себе, и если у вас нет собственных слуг, вам никто не прислуживает. Мой слуга, не знающий по-русски, ни в чем не разбирается: он не только не сможет быть мне полезен, но и стеснит, ибо придется заботиться о нем и о себе. Однако со своей итальянской сметливостью он вскоре нашел в одном из темных коридоров каменной пустыни, которая зовется гостиницей Кулона, слугу, искавшего места. Этот человек говорит по-немецки, и хозяин гостиницы его рекомендует. Я его нанимаю и сообщаю о своей беде. Он тотчас доставляет русскую железную походную кровать; я покупаю ее, укладываю на нее матрац с самой свежей соломой, какую только смог раздобыть, и ставлю мое ложе, погрузив четыре его ножки в наполненные водой кувшины, посреди комнаты, из которой велел вынести всю мебель. Обезопасив таким образом свой ночлег, я одеваюсь и в сопровождении здешнего слуги... выхожу из великолепной гостиницы: снаружи она дворец, а внутри — позолоченный, обтянутый шелком и бархатом хлев.

...Если в России молчат люди, то говорят камни, и говорят жалобным голосом. Меня не удивляет, что русские относятся к памятникам старины с опаской и небрежением, ведь это свидетели их истории, которую чаще всего им хотелось бы забыть [...]

Меня поразил растерянный вид моего провожатого, когда спросил его, как можно более естественным тоном, что произошло в старом Михайловском дворце[1]. Выражение лица этого человека как бы говорило: «Сразу видно, что вы только приехали».

Здесь все думают о том, чего никто не говорит. Удивление, ужас, недоверие, притворная невинность, наигранное неведение, опытность старого хитреца, которого трудно одурачить, поочередно делали из этой невольно возбужденной физиономии книгу столь же поучительную, сколь и занимательную.

...Прогулка по петербургским улицам в сопровождении здешнего слуги, уверяю вас, очень интересна и мало напоминает прогулку по столицам других стран цивилизованного мира. Все взаимосвязано в государстве, которым управляют с жесткой логикой, присущей русской политике.

...Я хотел тотчас перейти мост, чтобы осмотреть знаменитую крепость (Петропавловскую.— **Ред.**), но мой слуга привел меня сначала к домику Петра Великого, находящемуся напротив крепости и отделенному от нее дорогой и пустырем.

...Пока император-работник жил в лачуге, на его глазах возводилась будущая столица. К его чести надо сказать, что тогда дворец был ему менее важен, чем город. Одна из комнат этой знаменитой хижины, та, что служила мастерской царю-плотнику, сегодня превращена в часовню (домовую церковь.—**Ред.**); туда входят с таким же благоговением, как в самые почитаемые церкви империи. Русские охотно создают из своих героев святых. Им нравится

[1] В Михайловском замке был убит заговорщиками Павел I.

Вновь прибывший в Россию путешественник обнаруживает, подобно Кюстину, что в Петербурге у стен есть уши.

смешивать устрашающие доблести властелинов с могуществом покровителей, и они пытаются набросить на жестокости истории покров веры.

Мой провожатый заставил меня осмотреть каждую картинку, каждый кусочек дерева в императорской хижине. Охраняющий ее ветеран зажег несколько свечей в часовне, которая всего лишь знаменитая каморка, и показал мне спальню Петра Великого, самодержца всея Руси; у нас плотник не поселил бы там своего подмастерья.

Эта прославленная суровость характеризует эпоху и страну так же, как и человека; тогда в России жертвовали всем ради будущего и возводили слишком величественные для живущего поколения монументы. Строители стольких великолепных общественных зданий, не испытывая потребности в роскоши для себя, довольствовались ролью дозорных цивилизации, далеких предшественников неизвестных властелинов, чей город они с гордостью строили, предоставляя своим преемникам жить в нем и украшать его. Конечно, есть некое величие души в заботе правителя и его народа о могуществе и даже о тщеславии грядущих поколений; в вере живых людей в славу своих потомков есть нечто благородное и своеобразное. Это чувство бескорыстное, поэтическое и гораздо более высокое, нежели обычное уважение людей и народов к своим предкам.

В других местах возводили великие города в память великих событий прошлого, или же города создавались сами по воле обстоятельств и истории, без явного расчета человека. Санкт-Петербург с его великолепием и необъятностью — это воздвигнутый русскими памятник их будущему могуществу; надежда, вдохновляющая на такие деяния, кажется мне возвышенной! Со времен храма иудеев никогда вера народа в свое предназначение не возводила на земле ничего удивительнее Санкт-Петербурга...

Петербург обладает не только внешним величием; сей могущественный город, господствующий надо льдами и болотами ради господства над миром, великолепен, и это великолепие говорит уму еще больше, чем взору! По правде сказать, такое чудо стоило жизни ста тысячам покорных людей, погребенных в зловонных болотах [...]

...Покинув домик Петра Великого, я вновь прошел мимо моста через Неву, который ведет на острова, и ступил в крепость. Мне не позволили осмотреть тюрем; тут есть темницы под водой и под самой крышей — все они переполнены людьми. Меня отвели лишь в церковь (Петропавловский собор.— **Ред.**), где находятся усыпальницы царствующей фамилии.

...В этой мрачной цитадели мертвые казались мне свободнее живых. В ее стенах мне дышалось с трудом. Если бы в заключении в общую гробницу узников императора и узников смерти, заговорщиков и государей, против которых составляется заговор, была философская мысль, я бы отнесся к ней с уважением; но я вижу в этом лишь цинизм неограниченной власти, лишь грубую самоуверенность деспотизма. Обладая этой сверхъестественной силой, можно вознестись над тонкими человеческими чувствами, с коими считается большинство правительств; российский император так преисполнен собственного достоинства, что его суд не отступает пред Божьим судом. Мы, европейцы, как революционеры, так и монархисты, видим в петербургском государственном арестанте лишь невинную жертву деспотизма, а русские — изгоя. Вот до чего доводит политическое идолопоклонство. Россия — страна, где любой, кого постигает сие несчастие, становится опороченным.

Каждый звук казался мне мольбой о помощи; камни стенали под моими ногами, и сердце разрывалось, откликаясь на самые жестокие страдания, которые человек когда-либо причинял человеку. О, как мне жаль узников этой крепости! Глядя на жизнь свободных русских, трепещешь при мысли об участи заключенных в подземельях...

Я видел крепости в других странах, но там это слово означало иное. Дрожь брала оттого, что самая безоговорочная преданность и самая безукоризненная честность никого не защитят от подземных казематов петербургской цитадели, и я вздохнул с облегчением, миновав рвы, отделяющие эти печальные крепостные стены от остального мира. Ну как не пожалеть этот народ? Жизнь русских — я говорю о высших слоях общества — сегодня сообразуется с предрассудками и невежеством, которых у них уже нет!.. Притворная покорность кажется мне последней степенью падения рабского народа; бунт, отчаяние были бы, конечно, более ужасны, но менее низки; слабость, дошедшая до отказа от жалобы, этого утешения существ простых, страх, подавляемый избытком страха,— нравственный феномен, при виде которого невозможно не проливать кровавых слез.

Биржа. Литография Ж. Жакотте и Ж. Обрэна по рисунку И. И. Шарлеманя.

Русские мало наслаждаются садами, которые они создали у своего порога[1]. Женщины живут летом на островах так же, как зимой в Петербурге: встают поздно, совершают свой туалет днем и забавляются ночь напролет; развлечься, забыться — такова очевидная цель их существования. Здесь рождаются пресыщенными, умирают скучающими и живут в постоянном и постоянно скрываемом страхе.

...В России беседовать — значит составлять заговор, думать — значит бунтовать; увы! мысль — это не только преступление, но и несчастье.

Человек мыслит лишь для того, чтобы улучшить свою участь и участь других; но когда ничего нигде нельзя изменить, бесполезная мысль, не находя выхода, отравляет душу. Вот почему в русском высшем свете танцуют в любом возрасте.

Исчезновение Петербурга можно предвидеть, оно может случиться завтра посреди торжествующих песнопений его победоносного народа. Упадок других столиц следует за уничтожением их обитателей, а эта погибнет, когда распространится могущество русских. Я верю в долговечность Петербурга не более, чем в долговечность политической системы и в постоянство человека. Этого нельзя сказать ни о каком ином городе мира.

Как ужасна сила, которая воздвигла в пустыне столицу, и как не много надо этой силе, чтобы возвратить город безмолвию! Здесь жизнь каждого человека, судьба, сила, воля целого народа принадлежат лишь монарху и заключены в одной голове.

...В России деспотизм как таковой всегда действует с математической строгостью, а такая чрезвычайная последовательность ведет к чрезвычайному угнетению. При виде этого сурового следствия неуклонно проводимой политики негодуешь и в страхе вопрошаешь себя: отчего так мало человечности в делах человеческих? Но трепетать не значит презирать: не презирают того, кого боятся.

Созерцая Петербург и размышляя об ужасной участи обитателей этого гранитного лагеря, можно сомневаться в милосердии Божьем, можно стенать, богохульствовать, но нельзя остаться равнодушным. В нем заключена непостижимая тайна, но в то же время и удивительное величие. Такой деспотизм становится предметом для нескончаемых наблюдений и размышлений. Эта колоссальная империя, внезапно предстающая предо мною на востоке Европы, той Европы, где общества страдают от оскудения всякой признанной власти, производит на меня впечатление некоего воскрешения. Как будто я в гостях у народа из Ветхого Завета. И я останавливаюсь в страхе, смешанном с любопытством, у ног допотопного исполина.

[1] Кюстин побывал на островах — излюбленном знатью для летнего отдыха предместье Петербурга.

...Сегодня вечером весь Петербург, то есть двор, включая свиту и челядь, собрался на островах не ради бескорыстного удовольствия прогуляться в прекрасный день — такое удовольствие показалось бы пресным придворным, которых повсюду встречаешь в этой стране, а для того, чтобы поглядеть, как проплывет пакетбот императрицы, — зрелище, которым никогда не пресыщаются. Здесь каждый государь — божество, государыня — Армида или Клеопатра. Свита этих сменяющихся божеств неизменна; она умножается за счет всегда одинаково преданного народа, примчавшегося верхом, пешком, в экипажах; у этого народа правящий государь всегда в моде и всемогущ.

И все-таки что бы ни говорили эти покорные люди, их воодушевление вынужденное: это любовь стада к пастуху, который кормит его, чтобы убить. Народ без свободы обладает инстинктами, но не чувствами; эти инстинкты часто заявляют о себе назойливо и грубо. Покорность должна утомлять российских императоров: иногда идол устает от фимиама. По правде говоря, у этого поклонения бывают ужасные антракты. Русское правление — абсолютная монархия, умеряемая убийством; а когда государю страшно, он уже не скучает; итак, он живет между ужасом и пресыщением.

...В полночь, едва вернувшись с островов, я вновь вышел пройтись, дабы собраться с мыслями и припомнить самые интересные разговоры этого дня.

...Эта одинокая прогулка привела меня на прекрасную улицу, называемую Невским проспектом. При слабом сумеречном свете вдали блестели маленькие колонны башни Адмиралтейства. Шпиль этого христианского минарета — высокая металлическая игла, которая острее любой готической колокольни; он весь вызолочен, а на позолоту пошли дукаты, подаренные императору Петру I Соединенными провинциями Голландии.

Безобразно грязная комната в гостинице и сказочно великолепный монумент — таков Петербург.

Как видите, противоречий предостаточно в этом городе, где Европа выставляет себя напоказ перед Азией, а Азия — перед Европой.

...Нынче вечером мне сообщили некоторые любопытные сведения о том, что мы называем рабством русских крестьян.

Нам трудно составить себе верное представление об истинном положении этого разряда людей; они не имеют никаких признанных прав, но они-то тем не менее и есть сам народ. Эти люди, лишенные всего по закону, духовно стоят не так низко, как этого можно было бы ожидать, судя по их униженному положению в обществе; они умны, иногда горды, но в их характере, поведении, во всей жизни преобладает хитрость. Никто не вправе упрекнуть русских крестьян за это более чем естественное следствие их положения. Настороженность постоянно чувствуется в отношении народа к господам, чей наглый произвол он ежеминутно испытывает и чьей непорядочности вынужден противопоставлять лукавство.

...Когда я думаю обо всем этом (о проявлениях крепостничества.— **Ред.**) и о множестве других более или менее тайных жестокостей, которые ежедневно совершаются в глубине этой огромной империи, где расстояния одинаково благоприятствуют бунту и гнету, мне делаются ненавистны страна, правительство и весь народ; я испытываю неописуемое отвращение и помышляю лишь о бегстве.

Выставляемая напоказ в домах петербургских вельмож роскошь цветов и ливрей забавляла меня, теперь она меня возмущает, и я, как за преступление, корю себя за удовольствие, которое получал поначалу от ее созерцания: благосостояние помещика измеряется здесь поголовьем крестьян... В России человек уподобляется монете и его ценность меняется, как у нас цена земли, которая зависит от сбыта того, что на ней произрастает. Я здесь все время невольно подсчитываю, сколько нужно семей, чтобы заплатить за шляпку, за шаль; когда я вхожу в дом, розовый куст, гортензия кажутся мне не такими, как в других местах,— все мне чудится окрашенным кровью; и я вижу лишь оборотную сторону медали. Число душ, обреченных страдать до самой смерти ради ткани для драпировки, ради нарядов хорошенькой придворной дамы, занимает меня более, чем ее убор и красота. Поглощенный этими печальными вычислениями, я чувствую, как становлюсь несправедливым. Прелестный облик некоторых особ, несмотря на мой внутренний протест, напоминает мне распространенные в 1813 году во Франции и в Европе карикатуры на Бонапарта. Глядя на карикатуру издали, вы узнавали императора, но, рассматривая изображение вблизи, замечали, что каждая черта его лица составлена из изувеченных трупов.

Повсюду бедняк работает на богача за плату... У нас нанимающийся имеет право поменять работодателей, местожительство, даже род занятий; этого бедняка нельзя рассматривать как неотъемлемую собственность богача, который его нанимает. Русский же крепостной — вещь своего господина: жизнь крепостного, обреченного с рождения до смерти служить одному и тому же хозяину, представляется собственнику его труда частицей суммы, необходимой для удовлетворения нескончаемых причуд и прихотей; разумеется, в устроенном подобным образом государстве роскошь перестает быть невинной, и ей нет оправданий.

...Здесь слишком легко обмануться видимостью цивилизации. Наблюдая двор и состоящих при нем людей, полагаешь, что находишься среди народа с передовой культурой и политической экономией; но когда размышляешь об отношениях между различными классами общества, когда видишь, насколько еще немногочисленны эти классы, наконец, когда вглядываешься в суть вещей и нравов, обнаруживаешь подлинное варварство, едва прикрытое возмутительным великолепием.

Я не упрекаю русских за то, что они такие, какие есть, а осуждаю их притязание казаться такими, как мы. Они еще не просвещены, что, по крайней мере, оставляет место надежде, но их беспрестанно одолевает желание подражать другим народам, и они подражают им по-обезьяньи, представляя копируемое в смешном виде. Тогда я говорю себе: вот люди, ушедшие от дикости и потерянные для цивилизации [...]

Император, место, где он живет, проект, который его занимает,— вот о чем только и может думать мыслящий русский. Для жизни довольно этого придворного катехизиса. Все хотят угодить властелину, способствуя сокрытию от путешественников некоторой доли правды. Никто не помышляет о помощи любознательному; их охотно обманывают лживыми бумагами. Надобно обладать весьма критическим складом ума, чтобы успешно путешествовать по России. При деспотизме любознательность — синоним нескромности; империя — это правящий император; если он здоров, вам не о чем заботиться, и у вашего сердца и ума есть хлеб насущный. Лишь бы только вы знали, где пребывает и как живет это основание всякой мысли, этот двигатель всякой воли, всякого действия, и будь вы иностранец или русский подданный, ни о чем в России вам не следует спрашивать, даже о вашей дороге, ибо на русском плане города Петербурга указаны только названия главных улиц.

Русские господа ставят на карту свои поместья, а следовательно, и своих крестьян.

Рисунки и подписи Гюстава Доре.

И все же этой ужасающей степени могущества было недостаточно для царя Петра; он не удовольствовался тем, что был разумом своего народа, он захотел быть его совестью, он дерзнул определить участь русских в вечности, как распоряжался их действиями на этом свете[1].

...Этот император, воплощение империи и образец для нынешних императоров, представляет странную смесь величия и мелочности. Правитель властный, как самые жестокие тираны всех веков и народов, работник достаточно искусный, чтобы соперничать с лучшими механиками своего времени, монарх придирчиво грозный; орел и муравей, лев и бобр, этот безжалостный при жизни повелитель все еще предстает как своего рода святой пред потомками, мыслями которых он безраздельно правит, как правил при жизни действиями своих подданных; судить этого человека, беспристрастно его оценивать — сегодня еще святотатство, небезопасное даже для иностранца, который вынужден жить в России. Я ежеминутно пренебрегаю этой опасностью, ибо общепринятое восхищение для меня — самый невыносимый гнет.

В России власть при всей ее неограниченности чрезвычайно страшится порицания или хотя бы откровенности. Угнетатель более всех боится правды; он не смешон только потому, что окружает себя страхом и тайной; следовательно, здесь нельзя говорить ни о лицах, ни о делах, ни о чем [...]

Кому народ сможет пожаловаться на молчание знати? Какой взрыв мести самодержавию готовит отстраненность столь трусливой аристократии? Что делает русское дворянство? Оно поклоняется императору и становится соучастником злоупотреблений верховной власти, чтобы продолжать самому угнетать народ, который оно будет пороть, пока чтимый им Бог не отнимет кнут и руку (заметьте, что именно оно и создало это божество). Такую ли роль в устройстве этой обширной империи предназначало дворянству Провидение? Чем заслужили эти люди свои почетные посты? Непомерная и всевозрастающая власть повелителя — более чем справедливое наказание за слабость знати. В истории России никто, кроме императора, не занимался своим делом; дворянство, духовенство, все классы общества изменили своему назначению. Угнетенный народ всегда заслуживал своей печальной участи; тирания — создание народов. Не пройдет и полвека, как цивилизованный мир вновь попадет под иго варваров или Россия испытает революцию, более ужасную, чем та, последствия которой до сих пор ощущает Западная Европа [...]

...Когда солнце гласности взойдет над Россией, осветив так много несправедливостей, не только былых, но и ежечасно совершающихся, мир содрогнется. Но и этого будет недостаточно, ибо таков удел правды на земле: когда народам чрезвычайно полезно ее знать, она им неведома, а когда они ее постигают, она уже не важна. Злоупотребления низвергнутой власти вызывают лишь равнодушные восклицания; те, кто о них сообщает, слывут озлобленными, разящими поверженного наземь врага, тогда как, с другой стороны, бесчинства этой неправедной власти тщательно скрываются, пока они удерживаются, ибо она употребляет силу прежде всего для того, чтобы заглушить стенания своих жертв; она истребляет, уничтожает, но остерегается раздражать, да еще и гордится своим благодушием, поскольку допускает лишь необходимые жестокости. Но напрасно похваляется она кротостью: когда тюрьма безмолвна и закрыта, как могила, легко обойтись без эшафота!..

...В России вас повсюду потрясает ужасающая регулярность, и на ум путешественнику, созерцающему эту симметрию, приходит мысль, что такое полное единообразие, такая противоестественная регулярность не могли утвердиться и не могут существовать без насилия. Воображение, словно тоскующая о полете птица в клетке, молит хоть о каком-нибудь разнообразии... но тщетно. При таких порядках человек с рождения может знать и знает, что он увидит, что будет делать до конца своих дней. Сия суровая тирания называется на официальном языке соблюдением единства, любовью к порядку, и этот горький плод деспотизма кажется людям методичного склада ума столь драгоценным, что, по их словам, может покупаться любой ценой.

Вид Михайловской улицы с Невского проспекта. В центре — гостиница, где останавливался Кюстин. Литография по рисунку И. И. Шарлеманя.

Во Франции я считал себя сторонником такой строгой логики; с тех пор как я пожил в империи, все население которой подчинено ужасной дисциплине наподобие военной, уверяю вас, мне больше нравится легкий беспорядок, свидетельствующий о силе, нежели образцовый порядок, стоящий жизни.

...В глазах истинно государственного человека и всех людей практического ума законы — и я с этим согласен — менее важны, чем полагают наши строгие логики, наши политические философы, ибо в конечном счете именно способ их применения определяет жизнь людей. Да, но жизнь русских печальнее жизни любого народа Европы; и говоря о русском народе, я имею в виду не только крепостных крестьян, а всех, кто населяет империю. Так называемое сильное правительство, которое всегда безжалостно заставляет почитать себя, неизбежно делает людей несчастными.

...Завтра во время бунта, резни, при свете пожара крики «Да здравствует свобода!» могут раздаваться даже на границах Сибири; слепой и жестокий народ может убивать своих господ, восстать против мрачных тиранов и окрасить кровью воды Волги — это не сделает его свободнее, ибо варварство — тоже угнетение.

Поэтому лучшее средство освободить людей не в том, чтобы торжественно объявить об их освобождении, а в том, чтобы сделать рабство невозможным, развивая в сердцах народов чувство человечности; в России его недостает. Преступно говорить сегодня о либеральности русских любого сословия; должно проповедовать среди всех русских без исключения человечность.

...В России история — часть достояния короны, она нравственная собственность государя, как люди и земля — его материальная собственность; ее хранят вместе с императорскими сокровищами и показывают лишь то, что хотят. Память о недавнем прошлом — имущество императора; он переделывает по своему усмотрению историю страны и ежедневно отпускает народу исторические истины, которые согласуются с потребностями дня. Вот так Минин и Пожарский — герои, пребывавшие в двухвековом забвении, — были внезапно выкопаны и вошли в моду во времена наполеоновского нашествия; ведь в то время правительство дозволяло патриотическое воодушевление.

Все-таки эта непомерная власть вредит сама себе; Россия не будет терпеть ее вечно; в армии зреет дух мятежа. Я повторяю вслед за императором: русские слишком много путешествовали. Народ стал жаждать просвещения, а мысль неподвластна таможне, ее не уничтожают армии, не останавливают крепостные валы, она проходит под землей; идеи носятся в воздухе, они повсюду, а идеи изменяют мир.

[1] При Петре церковь утратила самостоятельность, попав в сильную зависимость от государства.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОБЧАК

Популярный в нашей стране общественный деятель, член Верховного Совета СССР, доктор юридических наук, заведующий кафедрой хозяйственного права юридического факультета Ленинградского государственного университета — собеседник обозревателя журнала «Родина» Юрия МАКАРЦЕВА.

1. ЮРИСТЫ В ПАРЛАМЕНТЕ

— Анатолий Александрович! Наша жизнь заметно политизировалась, и это обусловлено многими причинами. Не последняя из них: сама высокая политика, «делавшаяся» прежде наверху, стала теперь во многом продуктом демократического коллективного творчества. Многие граждане, я знаю, ныне предпочитают парламентские дебаты по телевидению кино, футболу, другим развлекательным передачам. Для людей, сидящих у телевизора до глубокой ночи, почему-то очень важно, как продвигался на сессии Верховного Совета СССР тот или иной законопроект и что сказал по этому поводу тот или иной депутат. Примета времени: в стране становятся популярными не только футболисты, артисты, писатели, но и юристы, историки, экономисты. Анатолий Собчак — ваше имя тоже на слуху у многих избирателей. Давайте знакомиться предметнее: легко ли вам дался избирательный марафон?

— Тяжело. На первом этапе выборов, в Ленинградском университете, у меня было одиннадцать соперников. На окружном собрании — тоже одиннадцать. Потом нас осталось четверо, и все, несомненно, весьма достойные люди. Рабочий-кочегар, слесарь-судосборщик, инженер — все моложе меня, все политически подготовленные, у всех неплохие ораторские данные. При всех издержках, имевшихся в избирательной кампании, наш округ можно назвать в определенном смысле примерным, ибо предвыборная борьба проходила в настоящей демократической атмосфере. А победил я лишь во втором туре, когда нас осталось только двое: Рачин — начальник производственного участка морского кронштадтского завода и я.

— Итак, заведующий кафедрой юридического факультета Ленинградского университета, доктор наук, вы сменили налаженную жизнь на карьеру парламентского деятеля. Что вы ищете в политике и что хотите найти?

— Карьера — думаю, это слово в моем случае просто неуместно. Я остаюсь ученым. А народным депутатом я стал, чтобы воплотить свои научные взгляды, свои идеи в конкретные законодательные акты. Безысходность!.. Десятки лет мы создавали законопроекты и нарабатывали идеи, мечтая о реформе правовой системы, однако к реальному законодательству, законотворчеству нас и близко не подпускали. Влиять на реальный законодательный процесс мы не могли. Может быть, вот это чувство горечи, бессилия и заставило меня активно включиться в политическую жизнь страны. Главный смысл своей деятельности в Верховном Совете я вижу в том, чтобы активно участвовать в подготовке законов, основанных на здравом смысле и отмеченных печатью высокого профессионализма.

Вы спрашиваете, что я ищу в политике? Одного: чтобы наш Верховный Совет стал действительно высшим органом власти в стране, чтобы под его контроль была поставлена деятельность исполнительной власти — все годы она у нас господствовала безраздельно, из-за чего слишком часто принимались непродуманные, субъективные, валюнтаристские решения, наносившие большой ущерб интересам державы.

Главой всему в стране должен стать закон — им обязана выверять каждый свой шаг и партия. Только так мы покончим с монополизмом всех и вся, застрахуем себя от опрометчивых и вредных, непрофессиональных политических и государственных решений, приводивших в прошлом порой к самым трагическим последствиям в нашей истории. Вот, собственно, этого я и ищу в политике. Других личных целей, допустим, сделать карьеру политического деятеля, я перед собой никогда на ставил, не ставлю и ставить не собираюсь.

— Из мировой практики известно, что наиболее способные и сильные политики нередко получаются из юристов. Ваша работа в парламенте тоже подтверждает это правило. Тем более интересно узнать: какова была тема вашей докторской диссертации и когда вы ее защитили? Есть ли у вас книги и работы, написанные в застойные времена, за которые вы сегодня стыдитесь?

— Нет у меня конъюнктурных работ — это я могу сказать совершенно точно. По оценкам коллег-ученых, все мои труды выполнены на достаточно высоком профессиональном уровне.

К этому добавлю, что многие идеи, которые я исповедовал раньше, не утратили своей актуальности до сих пор. Правда, полистав мои книги, вы иногда в них обнаружите ссылки на материалы съездов партии застойных лет или выступления генеральных секретарей. То дань времени, так сказать, «встроенный в научный труд антураж» (так мы выражались в нашей среде), который необходим для дураков и без которого мои труды просто не были бы опубликованы. В декабре 1973 года я удачно, по отзывам — блестяще, защитил докторскую диссертацию по теме «Правовые проблемы хозрасчета в промышленности СССР». Пролежала докторская в ВАКе около шести лет, там ее в конце концов отвергли. В 1982 году я вновь защитился, и здесь уже все закончилось для меня благополучно. «Гражданско-правовые проблемы совершенствования хозяйственного механизма в СССР» — как видите, и во второй раз я выбрал темой для диссертации область исследований на стыке экономики и права.

— Сколько у вас, Анатолий Александрович, всего книг и научных работ?

— Я автор двенадцати книг, написал также более 120 научных статей.

— А сколько вам лет?

— Пятьдесят два года.

— Оглядываясь на прошлое, мы, как правило, не находим там ничего светлого и достойного, ну, и стараемся «воздать» — всем сестрам по серьгам. Всегда ли справедливо? Публицисты «пинают» нашу экономическую науку — мол, она проспала перестройку. Общественная наука — та вообще не просыпалась. Как ученый и гражданин, берете ли вы на себя часть ответственности за унылое *состояние* нашей юридической науки?

— Нет, ответственности за то, что у нас происходило в стране, я бы на себя не взял. И вот почему. Идеи так называемого рыночного социализма я исповедовал всегда, даже в самые мрачные годы застоя. Я читал студентам лекции на эту тему, писал статьи. Если к идеям тогда никто не прислушивался, если рыночная экономика сегодня только начинает пробивать себе дорогу — видит бог, экономисты и юристы здесь ни при чем. Вспомним Бирмана, Кронрода, Лисичкина, Петракова, Шаталина и других ученых-экономистов! Они бились лбом об стену и не могли ее прошибить. А стена эта есть не что иное, как монополизм партийных деятелей, тех самых облеченных властью руководителей, кого писатель Сергей Залыгин метко окрестил «дилетантами широкого профиля».

Где-то учились, не доучились... Но зато гордо восседали в креслах, не имея ни малейшего представления о том, как должно действовать и управляться государство. Романов в Ленинграде, Гришин в Москве, Кунаев в Алма-Ате — все это профессионально малограмотные люди с нищенским духовным багажом, но закономерно пришедшие к управлению страной. Как мог стать во главе такой великой державы, как наша, «ничтожный писарь» Черненко? Всех их выталкивала наверх система монополизма партии и всеобщего господства созданной Сталиным государственной машины.

Сегодня мы делаем только первые шаги по демонтажу зловещей системы. А как же быть с ответственностью? Можно сказать так: народ молчал — пусть, мол, он и кается. Когда сейчас многие публицисты рассуждают на тему всеобщей вины, на мой взгляд, в потоке речей растворяется и ответственность тех, кто действительно должен ее понести.

Родственники, дети, внуки Брежнева, Ворошилова, Молотова, Громыко и других деятелей, тех, кто довел страну до ручки и чьи имена в народе стали давно нарицательными, наследники из семейства кровавого Берия — все они пользуются привилегиями и благами, имеют государственные квартиры и дачи, получают 600—700-рублевые пенсии. Избиратели пишут мне: «Анатолий Александрович, предложите в Верховном Совете, пусть всех партийных и государственных функционеров, включая и бывших работников НКВД, палачей и мучителей нашего народа, переведут на нормальную пенсию в 120 рублей». Заслуживающее внимания, на мой взгляд, предложение!

Очевидно, с привилегиями разберется работающая сейчас комиссия Верховного Совета, все расставит на свои места. Удовлетворимся мы этим? Вряд ли! До сих пор не был по-настоящему наказан ни один государственный или партийный деятель, повинный в развале страны. Живет, допустим, припеваючи Медунов, хотя его место — на скамье подсудимых. Сколько таких, кто мало того что избежал правосудия, но еще вдобавок облагодетельствован государством!

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

— Все это верно, Анатолий Александрович, с «судом мертвых» мы опоздали, «суд живых» у нас не получается ввиду отсутствия правового государства. Мы с нетерпением ждем, когда Верховный Совет прояснит наконец его контуры. Пока же кладутся первые камни в фундамент. За полгода работы в Верховном Совете вы, руководитель подкомитета экономического законодательства, входящего в Комитет по вопросам законодательства, законности и правопорядка, думается, достаточно осмотрелись и вам сегодня хорошо знаком круг людей, которым доверено создавать законы. Какого вы мнения об их уровне профессионализма и компетентности, об уровне культуры? Когда мы, журналисты, наблюдаем за дискуссиями в зале заседаний сессии с балкона, порой нам кажется: присутствуем мы на народном вече.

— Верное ощущение. К сожалению, в нашем парламенте подготовленных профессионалов — юристов, экономистов, социологов, политологов очень немного. Буквально единицы. Хотя, думаю, мне не надо говорить, кто такие С. С. Алексеев, Ю. Х. Калмыков, К. Д. Лубенченко, Ю. В. Голик, Д. А. Керимов, В. А. Шеховцов — это известные юристы, которые до своего избрания в Верховный Совет занимались профессиональной и научной работой. Теперь они с успехом переключились на деятельность законотворческую.

— Сколько же должно быть в парламенте, на ваш взгляд, профессиональных юристов? Речь, разумеется, о том минимуме специалистов, который необходим для плодотворной законотворческой работы в Верховном Совете страны.

— Политик, если он политик профессиональный, обязан иметь определенный багаж юридических, экономических, социологических знаний. Без них не обойтись в парламенте, в правительстве, на партийной работе. Беда наших профессиональных политиков, не исключая секретарей обкомов партии и членов Политбюро, на мой взгляд, была прежде всего в том, что они брались руководить страной, не имея достаточных гуманитарных знаний, а также экономических и юридических. А как на Западе? В конгрессе США, например, 70—80 процентов его состава — юристы по образованию. В случае необходимости парламентарий получает юридические знания в виде дополнительного образования или в форме специальных услуг. Аппарат сенатора состоит из 70—80 человек специалистов-экспертов и помощников. Общаясь с ними, конгрессмен как бы проходит правовой ликбез. Нам до американцев, конечно, далеко. А вот если бы в Верховном Совете треть депутатов имела практику юристов, а еще треть происходила из серьезных экономистов, это было бы великолепно.

Кто-то возразит: не ущемим ли мы рабочих и крестьян — вы что же, мол, товарищ Собчак, не сторонник их приближения к высшей власти? Оппонентам я бы ответил так. Если рабочий или крестьянин желает управлять государ-

ством, они обязаны этому научиться. Такие примеры, впрочем, рядом. Представители рабочих профессий народные депутаты А. А. Коршунов, В. А. Ярин нередко блещут в Верховном Совете ораторским искусством, знанием проблем — они на наших глазах превращаются в профессиональных политиков.

Иллюзия, будто человек от сохи или от станка может без специальной подготовки стать политиком, к голосу которого начнет прислушиваться вся страна. Прежде рабочих и крестьян выдвигали в высший орган власти «по разнарядке». Вот и управляли они, дружно голосуя за все подряд. Цена некомпетентности известна — дорогая цена в виде многих деформаций, доставшихся нам от времен застоя.

Существует ностальгия по диктатуре пролетариата и сегодня. Но стоит ли возвращаться к диктатуре дилетантов от власти? Сомневаюсь. Да и страшно, если вспомнить, как под прикрытием диктатуры народа в стране физически уничтожались люди, наиболее подготовленные к государственной деятельности во имя прогресса страны. Хватит ошибок!

— Юрист в парламенте, конечно, незаменимый человек. Но ведь палитра внимания Верховного Совета широка: события в Тбилиси и Нагорный Карабах, проблемы следственной группы Гдляна и Иванова, поездка в Америку Ельцина... Когда вокруг этих тем на сессии закипают страсти, мы заранее примерно знаем имена ораторов, кто может попросить слова. Это «не ваши вопросы», Анатолий Александрович? Создается впечатление, что вы в своей деятельности в Кремле определили для себя узкое амплуа политика-законодателя. Или я ошибаюсь?

— Депутат, кем бы он ни был по профессии, прежде всего политик, он обязан участвовать в обсуждении всех без исключения вопросов, что дебатируются в парламенте. Там случаются и «скользкие ситуации». Нет, я от них не прячусь. И все же, когда разгораются страсти и кипят эмоции, я вижу свою роль юриста, хорошо знающего законодательство, экономику, политику, историю, в том, чтобы внести в дискуссию свой трезвый голос рассудка.

— Что вам мешает работать в Верховном Совете?

— Нехватка времени. Пустые разговоры и словопрения. Правда, без этого не обходится ни в одном парламенте мира. В составе группы депутатов Верховного Совета я ездил в США, и, помнится, президент Буш жаловался нам на конгрессменов, дескать, они больше заботятся о саморекламе, нежели об интересах государства. Тоже знакомая проблема. Она отсылает к взаимоотношениям депутата со своими избирателями.

Встречаясь с людьми, я слышу от них: Анатолий Александрович, вы, мол, должны поддержать Гдляна и Иванова, а еще выступить в защиту того-то и еще... Я говорю в таких случаях: «Товарищи! Когда вы меня избирали, я предупреждал вас о том, что в Верховном Совете буду стоять на позициях независимого юриста». Этой позиции я и придерживаюсь в жизни, и ничто не заставит меня поступать вопреки моим собственным внутренним убеждениям.

Идти на поводу у избирателей — не в моих принципах. Люди поверили в меня, в мою личность, в мои взгляды. Представлять их интересы — это, думаю, вовсе не означает подыгрывать гражданам в их некоторых слабостях и угодливо исполнять любые требования.

Настоящего парламентария отличает чувство высокого собственного достоинства, характер, не последняя черта которого — умение противостоять давлению снизу и сверху. К сожалению, многие депутаты Верховного Совета СССР, встречаясь с главой правительства и министрами, чувствуют себя в роли просителей, робеют перед ними. Но ведь они — носители высшей власти, это их право — говорить на равных с руководителями любого ранга, с представителями высшего политического руководства страны и правительства. Разве не так?

II. ДЕМОКРАТИЯ И ТВЕРДАЯ РУКА ПРАВИТЕЛЬСТВА

— Анатолий Александрович! Как за стенами Кремля, так и в самом Верховном Совете СССР наметилась поляризация политических сил. Правые, левые, консерваторы, активное меньшинство и пассивное большинство — подобные титулы и ярлыки раздаются направо и налево. Вас причисляют к твердым сторонникам линии Горбачева. А, собственно, кем вы считаете себя сами?

— Считаю себя наиболее последовательным сторонником линии Горбачева. То есть сторонником проведения решительной перестройки во всех сферах нашей жизни. Чем, может быть, моя позиция несколько отличается от линии Михаила Сергеевича?.. Мне кажется, порой руководство действует нерешительно, иные его шаги противоречивы. Но понимаете, я бы тоже не хотел казаться провидцем или человеком, претендующим на истину в последней инстанции. В ряде случаев мне приходилось задним числом убеждаться: осмотрительность и осторожность Михаила Сергеевича были оправданы. Видимо, нельзя судить о всей стране, зная хорошо лишь ситуацию в моем родном Ленинграде. Страна — это нечто большее, нежели город или область. Поэтому я не хочу противопоставлять свою позицию позиции руководства.

— Немало толков и суждений, а то и слухов вокруг деятельности межрегиональной группы, в которую входят десятки народных депутатов СССР. Ее называют кто — фракцией, кто — оппозиционным блоком, а в западной печати даже поторопились окрестить прообразом еще одной новой партии. Вам, Анатолий Александрович, очевидно, виднее...

— Да, я вхожу в межрегиональную группу, состою в совете по ее руководству. Пока, к сожалению, мы не смогли выработать единой платформы по всем вопросам, не сложилась и общая плодотворная позиция. Слишком широк разброс мнений. Выступая, я как-то говорил: мы еще не доросли до парламентских фракций, нам предстоит пройти путь политического взросления, когда бы люди определились во взглядах и выработались бы определенные направления. В принципе существование фракций в парламенте — дело обычное, но сегодня в нынешней межрегиональной группе я вижу скорее всего не фракцию, а депутатский клуб для обмена мнениями и выработки коллективных решений. Организуется аппарат, почему бы и нам, депутатам, не организоваться.

Практика работы в Верховном Совете тоже доказывает, что в некоторых случаях решениям аппарата лучше противопоставлять коллективную волю. Вспомним, на своей 2-й сессии парламент так и не принял важнейших и долгожданных для нашего народа законов, например, о собственности и земле. Депутаты проголосовали за обсуждение законопроектов в печати, вроде бы за всенародную экспертизу. Но это фикция. Организационных форм выявления общественного мнения у нас, как известно, не существует, никто никогда не подсчитывает, сколько граждан думает так, а сколько — иначе. Вот если бы задержка с утверждением документов в Верховном Совете произошла по причине предстоящего всенародного референдума — тогда другое дело!

Уверяю вас, подготовлены законопроекты, которые на 10 голов выше того, что мы имели в юридической практике прежде. Множество прекрасных идей, отличные формулировки!.. Чего же медлить? Вот тут тот самый случай, когда межрегиональная группа могла бы сплотиться и поднажать...

— Мы знаем, Анатолий Александрович, вашу точку зрения по многим проблемам, представляющим особую важность для народа и государства. Вы за многоукладную экономику и против частной собственности. А вот некоторые умные головы предлагают, дабы поправить дела в расстроенном денежном обращении страны, продавать землю...

— Если мы принудительно, законом «протолкнем» и введем частную собственность, это, на мой взгляд, выльется в насилие над экономикой. Пусть реальная хозяйственная жизнь выяснит и решит, приживется ли у нас такая форма собственности или нет. По Марксу, экономика развивается объективно, разумно ли снова ставить ее на колени?!

— Вы, очевидно, помните очередь у микрофонов на одном из памятных заседаний парламента в ноябре 1989 года? Тогда некоторые депутаты предлагали включить в план работы 2-го Съезда народных депутатов и вопрос о шестой статье Конституции. Мне же слышались в их выступлениях

политические вариации темы, ставшей модной на многих дискуссиях последнего времени: многопартийность и ее вероятность в наших условиях. Ваше отношение, Анатолий Александрович? Что вам тут подсказывают долг ученого-законодателя и совесть члена КПСС? Нет ли внутренней борьбы?..

— Мнение мое абсолютно четкое, я его высказывал публично еще в период предвыборной кампании. Вообще существование правового государства, демократии, гласности предполагает многопартийность и неминуемо к ней ведет. Монополизм в политике, когда нет борьбы мнений, вызывает застой, это плохо. Но я категорически против того, чтобы многопартийность вводить по чьему-либо указу или под давлением толпы. Я сторонник реализма. Полагаю, в данном сложном вопросе не стоит танцевать от закона, лучше, если сама жизнь подскажет, как нам поступить.

Многопартийность складывается в результате длительной политической борьбы, созревает, когда определились различные политические позиции и организационно сложились партии. Ничего подобного у нас нет. Я твердо уверен, что в условиях перестройки, перемен нам необходимы союз и консолидация сил. Все лучшее в сфере нравственности, в области социалистического сознания, даже экономики (есть у нас, несмотря ни на что, преимущества и тут) — все лучшее необходимо сохранить, преумножить. Если мы сегодня разрушим и существующую партийную структуру, нам действительно не за что будет в перестройке ухватиться. А дел — по горло, важных, неотложных, срочных: сохранить страну, укрепить союз, поднять государство.

В ряду этих задач радикальные перемены в самой партии, на мой взгляд, неизбежны. Несомненно, статью 6-ю надо сформулировать иначе. Руководящая роль партии должна достигаться в жизни чисто политическими средствами. Главное, я считаю, устранить внутри партии вопиющее противоречие — между аппаратом, формируемым по принципу номенклатуры, и рядовыми партийцами. Я рядовой член партии. Я никогда не влиял на выборы состава партийных органов. Я даже секретаря своей первичной парторганизации не выбираю, его выбирают члены бюро. Пора давно уже реализовать идею, выдвинутую Михаилом Сергеевичем еще в январе 1986 года,— прямые выборы партийных руководителей всех рангов. Но ее систематически проваливают аппаратчики. Понятно, почему. Они не пользуются популярностью ни среди коммунистов, ни среди населения...

— Анатолий Александрович! Такое явление, как «правовой нигилизм», не сомневаюсь, вам хорошо известно. Хозяйственные руководители знали тысячи уловок, как обойти закон. Нарушали законы партийные руководители, что уж тут говорить о рядовых людях! Но вот новая данность. Я сам присутствовал на заседании Комиссии Верховного Совета по вопросам труда, цен и социальной политики, сам наблюдал, в каких муках рождается «закон о забастовках». Понимаю, такая горячая обстановка в стране, депутаты торопились. Закон принят Верховным Советом. И что же: вопреки решениям суда, признавшего забастовку незаконной, оставили работу некоторые коллективы шахтеров Воркуты. Я работал корреспондентом в ФРГ и уверяю вас: там такое просто невозможно. Так как же нам научить людей следовать законам, которые теперь качественно намного выше прежних и выстраданы самой демократией?

— Если забастовка незаконная, надо, я считаю, закрывать шахту и увольнять персонал, иначе у нас ничего в перестройке не получится. К сожалению, правительству часто не достает твердости и решительности, что проявилось, кстати, и в дни блокады Армении. Средь бела дня железнодорожные составы с материальными ценностями отдавались на разграбление. Отдавались с благословления местных государственных и политических органов Азербайджана. Преступников необходимо наказывать, независимо от того, кто они по национальности, во имя чего грабят, убивают или насилуют — под предлогом ли национальных, патриотических интересов или просто так, как рядовые уголовники. Невмешательство властей в острые межнациональные конфликты только поощряет эксцессы с национальной окраской. Нельзя так.

Я человек по характеру мягкий и вовсе не сторонник чрезвычайных мер. Но я юрист и понимаю, что иным способом, кроме как путем поддержания правопорядка и законности, мы не сумеем решить ни одной нашей проблемы. Мы должны поклоняться одному богу — закону. Все должны под ним ходить. Все без исключения и скидок — даже для людей, занимающих в государстве самые высокие посты.

— Тяжелое положение в стране: товарный дефицит, инфляция, «дыры» в денежном обращении... Конечно, в экономике действуют объективные законы, чтобы сразу «из грязи в князи» — так бывает только в сказках. Мы верим Н. И. Рыжкову и его министрам и терпеливо ждем. Но если и года через два правительство не сумеет остановить кризисных явлений и докажет свою неспособность стоять у руля экономики, возможна ли, на ваш взгляд, его отставка? Есть ли у нас для этого необходимая правовая основа?

— Вопрос о выражении недоверия правительству — в компетенции Верховного Совета СССР. В случае необходимости парламент вправе потребовать перемен в Совмине СССР вплоть до сложения полномочий всех министров. Но я вовсе не сторонник частых перемен в органах исполнительной власти. Поживем — увидим... Хотя то, как правительство пытается сегодня осуществлять радикальные перемены, вызывает сомнение. Отменен, в частности,

АНКЕТА «РОДИНЫ»

Продолжая работу по изучению общественного мнения, предлагаем в канун новой избирательной кампании нашим читателям ответить на следующие вопросы. Просьба пометить те мнения, которые совпадают с вашей точкой зрения на затронутые проблемы, вырезать заполненную анкету и переслать ее в редакцию с пометкой на конверте «Политика и мы».

1. Укажите, пожалуйста, ваши:

Пол__________
Возраст__________
Национальность__________
Уровень образования__________
Профессию__________
Партийность (участие в других, неформальных организациях)__________

2. Какой путь участия в делах политики представляется вам наиболее целесообразным в современных условиях нашей страны?

— 2.1 Голосовать на выборах.

— 2.2 Участвовать во всенародных референдумах.

— 2.3. Принимать активное участие в манифестациях, демонстрациях, митингах и прочих массовых выступлениях, даже если они не санкционированы официально.

— 2.4. Посещать только разрешенные мероприятия такого рода.

— 2.5. Работать в неформальной организации, общественном движении.

— 2.6. Всемерно способствовать обновлению партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, чтобы через них затем влиять на развитие политических событий.

— 2.7. Участвовать в любых организациях и мероприятиях, имеющих отношение к общественным делам.

— 2.6. Все это бесполезно, поскольку всякая организация и любой, кто придет к власти, будут думать только о своих интересах и интересах своих сторонников, друзей, единомышленников, а не о простом человеке, не о стране.

— 2.9. Всякие демонстрации, митинги, игры в демократию — всего лишь средство выпустить «пар» недовольства населения, реальная же власть как была, так и останется в руках немногих.

— 2.10. Что-то другое (укажите)__________

3. Что определяет вашу поддержку того или другого кандидата?

— 3.1. Мнение о нем и рекомендации — прямые либо косвенные — авторитетных газет, журналов (каких именно, назовите)__________

— 3.2. Передачи радио и телевидения о личности и программе кандидата.

— 3.3. Выступления самого кандидата в печати, по телевещанию, на митингах, собраниях.

— 3.4. То, что о нем говорят люди.

— 3.5. Мнение ваших сослуживцев.

— 3.6. Точка зрения и симпатии ваших родных, друзей.

— 3.7. Только ваши собственные впе-

целый ряд положений закона о предприятии. Куда мы смотрим: вперед или назад? К сожалению, и в новом составе правительства остались номенклатурные функционеры вчерашнего дня, те, кто руководил нашей экономикой еще при Брежневе и Черненко и не особенно себя проявил. Не особенно заметны они в качестве деятельных членов правительства и сегодня. Тут бы я мог назвать ряд имен, но в первую очередь упомяну фамилию первого заместителя Председателя Совмина СССР Л. А. Воронина...

— Может быть, он и другие еще проявят себя? Будем уважать мнение главы правительства Н. И. Рыжкова по части состава «его команды»... Подождем, как вы говорите. Ждем мы и вестей об Основном Законе страны. Анатолий Александрович, что-то у нас дело с разработкой новой Конституции СССР движется медленно?

— Действительно медленно. Конституционная комиссия до сих пор ни разу не собиралась на заседания — на мой взгляд, это безобразие. Пора серьезно заняться проектом, ускорить работу... Я считаю, новая Конституция страны должна быть принята не позднее весеннего Съезда народных депутатов.

III. ПОМОЖЕТ ЛИ ПЕРЕСТРОЙКЕ БОГ?

— Говорят, вы переехали из Ленинграда в Москву. Как вам наша столица, ее людской шум, дым машин, очереди в магазинах?

— В Москве я получил служебную квартиру. Семья, конечно, переедет в столицу, но только на время моей работы в Верховном Совете.

Москву я не люблю, потому что этот город для нормальной жизни мало приспособлен. Проходной двор — точный ее образ. Взять ваших таксистов — они производят впечатление бандитов с большой дороги. То капризничают, не желая везти, то вымогают 25 рублей за услугу подбросить до места, куда дорога стоит по счетчику всего лишь трешку. Слава богу, ленинградские таксисты так низко еще не пали. Но с другой стороны, в Москве я познакомился с людьми поразительной душевной красоты, и общение с ними стоит куда как выше всех неприятностей жизни на новом месте.

— Вы кто по национальности?

— По паспорту — русский, хотя на самом деле национальность у меня сложная. Да вот судите сами. В моей родословной один дед — русский, другой дед — поляк. Одна бабушка — чешка, другая — украинка.

— Националисты в некоторых союзных республиках нас пугают и грозятся «выйти из состава СССР». В связи с этим, я слышал, многие москвичи вспоминают слова писателя В. Распутина, произнесенные им с трибуны первого Съезда народных депутатов, дескать, а не выйти ли из состава СССР России? Как бы вы оценили ход перестройки в РСФСР, которая, по общему мнению, задержалась на старте?

— Радикальная перестройка в республике отстает, но причины тут не только в объективных, но и в субъективных вещах. Спросите эстонца, казаха, таджика — многие из них, не задумываясь, назовут имена своих руководителей из ЦК партии, министров из республиканского правительства. Русские, жители РСФСР не назовут. К сожалению, лучшие представители России, стоит им проявить себя с положительной стороны, мгновенно поднимаются ступенькой выше — на всесоюзный уровень. Руководство республикой, несомненно, надо укреплять людьми компетентными и энергичными, болеющими душой за перемены,— без этого не обойтись. Предстоит очень много сделать, чтобы восстановить былое величие, славу, традиции России, ее многочисленных народов, чтобы поднять роль России в Союзе ССР. Одного боюсь: как бы столицу РСФСР не учредили у нас в Ленинграде. Зачем нам функционеры и министры?! Не хочу, чтобы Ленинград из культурного города превратился в центр бюрократической жизни.

— После Великой революции в Октябре 1917-го мы пели: «Никто не даст нам избавленья. Ни царь, ни бог...» В новой революционной перестройке не отказываемся и от бога. Речь идет о сотрудничестве с церковью, о ее участии в организации служб милосердия, о ее слове, обращенном к людям, с мольбой не ожесточаться и в новой философии прагматизма не растерять душевной искренности. У вас есть, Анатолий Александрович, в вашей личной библиотеке библия?

— Библию я читал, когда учился в университете, она произвела на меня огромное впечатление. Был у меня и личный экземпляр. Его унесли с собой воры, обокравшие квартиру. Ничего, приобрету. Ведь теперь у меня среди знакомых — Питирим, Алексий и другие священнослужители, с которыми я общаюсь на основе парламентских интересов. Человек я сам не религиозный, нет. Однако я искренне рад, что благодаря церкви сегодня у нас восстанавливаются многие нравственные ценности. Люди относятся к этому не однозначно. Я же считаю, что если человек верит в бога — слава богу, прекрасно. Не верит — как минимум он обязан уважать веру другого. Библия для всех людей без исключения — прекрасный источник образования. Конечно, хочу, чтобы ее обязательно подержали в руках и прочли мои дочери.

— Они уже взрослые и, наверное, мечтают унаследовать профессию отца?

— Старшей, от первого брака, 25 лет, и она действительно окончила юридический факультет. Таким образом, в нашей семье третье поколение юристов. Кем решит стать младшая — пока не знаю, она ходит во второй класс.

Беседа с А. А. СОБЧАКОМ состоялась в Кремле 15 ноября 1989 года.

АНКЕТА «РОДИНЫ»

чатления об этом человеке, нравится он вам или нет.

— 3.8. Голосовать надо лишь за того, кого сам хорошо знаешь.

— 3.9. Пытаться заранее определить, как себя поведет человек, получивший в руки власть,— дело бесполезное, и потому любые выборы — это лотерея, так что голосовать следует, не мудрствуя лукаво, за того, кто симпатичнее.

4. Что является для вас главным качеством любого кандидата?

— 4.1. Честность, искренность, справедливость.

— 4.2. Способность четко и ясно излагать свою позицию.

— 4.3. Умение красиво, убедительно говорить, выступать перед аудиторией, писать статьи в газеты и журналы.

— 4.4. Принадлежность кандидата к рабочему классу, крестьянам, производственной интеллигенции.

— 4.5. Наличие у него высокого образования, научной степени, профессиональная компетентность в экономических, политических и других вопросах.

— 4.6. Его решительная и радикальная позиция в любом вопросе.

— 4.7. Наличие широкого круга контактов и связей, позволяющих быстрее и легче решать те задачи, которые ставят перед ним избиратели.

— 4.8. Умение выдвигать и отстаивать новые идеи, не отрицая огульно и не разрушая того полезного и хорошего, что было создано раньше; способность избегать скоропалительных и крайних решений.

— 4.9. Что-то другое (укажите)________

5. Что, на ваш взгляд, сегодня необходимо нам, чтобы вывести страну из кризисного положения?

— 5.1. Пусть все идет своим ходом: рано или поздно все само придет в норму.

— 5.2. Надо, чтобы каждый из нас как можно активнее участвовал в политических, общественных делах.

— 5.3. Люди, поставленные у власти, должны больше и честнее заниматься порученным им делом.

— 5.4. Надо шире и полней критиковать наши нынешние недостатки и безобразия.

— 5.5. Еще больше внимания уделять обличению сталинских преступлений.

— 5.6. Главное — поддерживать линию М. С. Горбачева.

— 5.7. Каждый должен прежде всего с полной отдачей трудиться на своем рабочем месте, умножая материальные и духовные богатства страны; все остальное важно, но все-таки вторично.

— 5.8. Всемерно защищать перестройку.

— 5.9. Страна обречена, и ей уже ничто не может помочь.

— 5.10. Нечто другое (что именно, укажите)________

БЛИЖЕ К НАРОДУ, ДЕПУТАТ!

Михаил АНТОНОВ, кандидат технических наук

Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Лично я не принадлежу к числу тех, кто с замиранием сердца следит за работой Верховного Совета СССР. Наш Верховный Совет, по-моему, вполне оправдывает название парламента, которое, как известно, произведено от французского parler — «говорить» и может быть переведено на русский еще как «место, где говорят». Среди его членов немало людей неглупых, интеллигентных, эрудированных, но, насколько можно судить по тому, как они себя проявили, к ним в полной мере можно отнести характеристику, данную В. И. Лениным декабристам: «Страшно далеки они от народа». На этом общем фоне А. А. Собчак выделяется чувством собственного достоинства, независимостью и основательностью суждений, безупречной юридической грамотностью.

Глубоко уважая эти качества А. А. Собчака, я тем не менее выступаю в рубрике «Мнение оппонента» и, кажется, с полным правом, поскольку по всем вопросам, затронутым в его интервью, придерживаюсь противоположной точки зрения. Но мне отведено вдвое меньше места, и потому я вынужден ограничиться лишь несколькими замечаниями.

А. А. Собчак говорит, что стал народным депутатом, чтобы воплотить в жизнь сложившиеся у него идеи. В принципе такое заявление можно было бы приветствовать, если бы в нем не содержалась некая двусмысленность. Ведь величайшая наша беда как раз в том и заключалась, что в XX веке Россией часто управляли оторванные от ее великого народа приверженцы определенных идей, готовые ради их осуществления на любые жертвы (со стороны народа, разумеется),— их не смущали ни угроза гражданской войны, ни гибель миллионов наиболее трудолюбивых крестьян, не принявших насильственную коллективизацию, и пр. Сегодня, на мой взгляд, предпочтительнее депутат, который добивался избрания ради того, чтобы высказать то мнение, которое созрело в толще народа, и бескомпромиссно отстаивает его, несмотря на нападки бюрократов и плутократов. По этой причине я не согласен и с тем, будто самые сильные политики — это юристы. Нет, самые сильные политики в нашей истории не имели обычно юридического образования. Владимир Всеволодович Мономах был князь, преподобные Сергий Радонежский, Нил Сорский и Иосиф Волоцкий — монахи, Козьма Минин — «художеством говядарь» (то есть торговец мясом), канцлер Российской Империи А. М. Горчаков — выпускник Царскосельского лицея (однокашник А. С. Пушкина, которого вряд ли можно записать в юристы). Пожалуй, в большей мере, чем юристы, в России XIX — начала XX века влияли на политику писатели и мыслители: И. В. Киреевский и А. С. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы и другие идеологи славянофильства вызвали к жизни целое политическое течение, отстаивавшее самобытный путь развития страны, Ф. М. Достоевский романами и «Дневником писателя» оказывал влияние и на принятие политических решений, а Лев Толстой вообще стал чуть ли не «параллельной властью» в государстве.

У юриста есть больше возможностей стать видным политиком в пору мирного, эволюционного развития страны, но и тогда существует для него большая опасность впасть в политиканство. Может быть, тут уместно вспомнить, что писал по этому поводу Г. Гейне. У меня нет под руками поэтического перевода, ограничусь подстрочником:

Семьдесят пять профессоров —
И, отечество, ты потеряно.
Семьдесят пять адвокатов
(То есть юристов.— **М. А.**) —
И, отечество, ты предано.

Может быть, сказано несколько грубовато и хлестко, но немалая доля правды в этих суждениях есть. Как упражнялись в красноречии юристы в Государственной Думе и во Временном правительстве! А вспомним, что из этого вышло. «Когда страна в кризисе, на сцену выходят гришки распутины»,— утверждает сатирик Михаил Задорнов («Аргументы и факты», 1989, № 48), но не только они. Гришки распутины выползают тогда, когда кризис уже разразился, а высшей идеи, которая могла бы поднять народ на выход из него, на великие свершения (без страшных потерь из кризиса выйти мелкими шажками невозможно), еще нет. Наши государственные мужи и даже члены Политбюро, которых А. А. Собчак упрекает в низком профессионализме, оказались в таком положении не из-за отсутствия у них юридического образования, а из-за того, что они, как и весь народ (и в этом наша величайшая трагедия), не имеют сейчас высшей идеи, не видят идеала, не знают, куда вести страну. Например, русский народ почти тысячу лет жил идеалом, вытекающим из учения православия. Хорош ли был этот идеал «Святой Руси» или плох — это другой вопрос. 72 года назад мы выкинули древний идеал и заменили его новым, как казалось, гораздо более практичным и современным: мировой революции, всесветного человеческого братства, потом — социализма и коммунизма в одной стране, которая превзойдет по всем показателям мир капитализма. Сегодня стало очевидным, что этот идеал, по крайней мере на тех путях, где мы его искали, несостоятелен. Одни говорят, что призрак коммунизма, бродивший по Европе во тьме середины XIX века, с рассветом, как и полагается призракам, исчез; другие, у кого «мозги перевернулись» после посещения Штатов, склонны называть коммунизм мечтой. Ну, хорошо, допустим, так. Но что мы предложили народу взамен? Ничего. А народ, долгое время живущий без идеала, может обратиться в толпу, в чернь, которую легко направить на разрушение, но которая мало способна на созидание. Вспомним разговор преподобного Паисия Величковского с Марией, как изложил его Ион Друцэ в романе «Белая церковь» (перескажу для краткости своими словами):

— Что ж, так и живете, без великих праздников, без молитвы, без покаяния?

— Так и живем.

Но у персонажей романа такая безыдеальная жизнь продолжалась несколько лет, у нас же ею жили несколько поколений.

В таких условиях главное для депутата не профессия и не уровень образования, а понимание судеб и коренных интересов народа, которых тот пока и сам может не осознавать, способность предостеречь от опрометчивых шагов, от соблазна легких путей, что прежде всего открываются развращенному, безыдеальному сознанию, но зато и ведут к пропасти, будь то польский, югославский или венгерский варианты, особенно при пересадке их на российскую почву. Дело ведь не в юридических законах и постановлениях, оттачиванием формулировок которых так озабочены парламентарии и руководители государства. Как говорит одна читательница, если бы мы жили по законам и постановлениям, то уже девять лет как должны были бы наслаждаться изобилием благ при коммунизме. Жизнь развивается своими путями, но, к сожалению, у нас пока еще не готовят специалистов по дисциплине «домоустроение» (так звучит слово «экономика» в переводе на русский) или «жизнеустроение».

А. А. Собчак — давний приверженец идеи рыночного социализма, я же считаю ее самой пагубной для страны в современных условиях. Увы, в экономической науке задают тон «товарники» — академики Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, Г. А. Арбатов, О. Т. Богомолов, Т. И. Заславская, С. С. Шаталин, член-корреспондент АН СССР П. Г. Бунич, доктора экономических наук Н. П. Шмелев, Г. С. Лисичкин, Т. И. Карягина, они же выступают и в качестве консультантов высших руководителей партии и государства, членов авторитетных комиссий при правительстве. А их всех в последнее время одновременно поразила одна и та же странная болезнь — они ходят с головами, повернутыми на 90 градусов, и притом только в сторону капиталистического Запада. Я смеюсь: сейчас так много пишут об инопланетянах, прилетающих на Землю, а попробуем представить себе обратную картину: вдруг завтра Запад улетит по каким-то причинам на другую планету. Тогда нашим ведущим ученым-экономистам останется, кажется, только одно — крикнуть, обращаясь к народу: «Ну, все, братцы, ложись и помирай!» Примера нам брать больше не с кого, помощи ждать неоткуда, а сами мы, как возвестил Л. И. Абалкин в интервью «Комсомольской правде», ни на что уже не способны, потому что растеряли и мастерство, и предприимчивость; машины можно купить за границей, а народ не купишь. Конечно, пока такие ученые будут определять экономическую политику, нечего и думать о том, чтобы вывести страну из кризиса. Я утверждаю, что в нынешней Академии наук СССР нет ни одного экономиста-академика или члена-корреспондента, который понимал бы, что такое экономика в условиях конца XX века и при социализме. Почему? Потому что они все еще решают чисто экономические проблемы, каковых в жизни уже давно не существует. Ныне любая крупная народнохозяйственная проблема одновременно и экономическая, и социальная, и политическая, и экологическая, и духовно-нравственная, а потому решить ее по формуле минимизации затрат принципиально невозможно. Посчитали, например, что самое выгодное дело — добывать фосфориты в Эстонии открытым способом, и вызвали в республике всплеск настроений отнюдь не в пользу единства СССР. А у нас целые институты и сотни отделов, лабораторий и секто-

ров заняты десятилетиями вредным двлом — выведением все более сложных «экономико-матвматических формул», пуская на ветвр огромные средства и сбивая с толку органы управления народным хозяйством.

Вот и сейчас и Верховный Соввт СССР, и правительство ищут пути оздоровления финансов и т. п., кажвтся, даже не задумываясь над тем, что финансовый, экономический, экологический кризисы — это лишь следствия расстройства народной жизни, утраты веры и идвалов, распада души человека и народа, и бвз устранвния этой первопричины малоэффективными будут способы борьбы с ее неизбежными последствиями. А ученые-«товарники» утввраждают, будто выбор возможвн только между ними и «антитоварниками» — приверженцами административно-командной системы. Но зто не так. Спор «товарников» с «антитоварниками» — это борьба вчерашнего дня с позавчерашним. Дело не в плане и не в рынке — во всех развитых странах сосуществует и то, и другое, нелепа сама мысль, будто без одной из этих составляющих можно обойтись. Дело е другом — в том, есть ли за всем этим высшая цель («Экономика высших целей» — так называется рукопись кандидата зкономических наук Н. Л. Кизуб, которой никак не удается пробиться в печать). Дело в устарелости мышления и обусловленном этим способе хозяйствования. Мы ведем хозяйство так, что разоряем один регион страны за другим, превращая их в зоны, непригодные для обитания человека. Как эффективнее разорить страну — административными методами управления экономикой или при переходе к «рыночному социализму», по первой модели хозрасчета, по второй или по третьей? Кажется, споры по этим частностям не так уж и важны.

Сторонники «рыночного социализма» убеждают нас, будто стоит убрать все преграды на пути товарно-денежных отношений — и страна будет завалена товарами требуемого качества и в любом количестве: ведь в США, где все диктуют рынок и конкуренция, в супермаркетах можно купить любой продукт из 30 тысяч наименований; значит, и в СССР, если будет рынок, наступит изобилие. Но это напоминает мне рассуждения по такой логике. «Иванов ездит нв прекрасных лошадях, он богат; если я буду ездить на таких же лошадях, то тоже стану богатым». Нет, и при переходе к рынку американское изобилие нам не грозит. Передовые капиталистические страны шли к своему нынешнему изобилию десятилетиями и даже веками, а главное — строят егс на эксплуатации «третьего мира» (и СССР). Для нас такие источники изобилия закрыты. А что переход к «рыночному социализму» для начала приведет у нвс к массовой безработице (как считают специалисты, порядка 35—50 миллионов человек) — это несомненно. Перспектива же здесь одна — «встраивание в мировую экономику» на положении колонии трвнснациональных корпораций. Объективно сторонники «рыночного социализма» выражают интересы прослойки сверхбогачей, которым тесно в рамках социализма. Но если не правы «товарники», то еще менее правы «антитоввpники». Методы управления экономикой должны быть не административными и не экономическими, а политико-социально-экономическими. Критерии же успешного развития экономики не национальный доход или валовой национальный продукт, не объем производства в тоннах и штуках или сумма освоенных средств (все это легко «натягивается» выполнением ненужных работ, разоряющих наше народное хозяйство), а продолжительность жизни, уроевнь физического и нравственного здоровья народа, свободное время и его использованив, плодородие почв, экологичвскив показатели. Так считает Союз духовного возрождения Отечества, который выдвигвет подлинную Программу национального спасвния.

А. А. Собчак прав, когдв выступает против лозунга диктатуры. Хватит с нас диктатур, гражданских войн и прочих кровопролитий, пора браться за возрождение стрвны. Только нв следует забывать, что Объединенный фронт трудящихся возник и как стихийная реакция народа на угрозу диктатуры компрадоров, к которой, по сути, уже не скрывая этого, рввтся Демократичвский Союз вкупе с некоторыми деятелями столь любезной А. А. Собчаку межрегиональной депутатской группы. Раздвляя вго возмущение твм, что всякое жулье незаконно пользуется благами, награбленными в прошлом, хотел бы вместе с тем предостеречь, чтобы разбор этих уголовных дел не увел нас от главного — от поиска достойного выхода страны из кризиса.

А в чем главная причина кризиса? В том, что мы разрушили национальные основы ведения народного хозяйства, общинные и артельные принципы. Ведь артели численностью около 8 тысяч человек, вооруженные лопатами и тачками, за десять лет построили Великую Сибирскую магистраль, показав такую фантастическую производительность труда, которая и не снилась не только советским строителям, но и их коллегам в капиталистических странах. Восстановить национальный строй жизни — и не нужно будет ставить вопрос о частной собственности.

А. А. Собчак считает, что правовое государство предполагает многопартийность. На это можно ответить анекдотом. Спрашивают: «Нужна ли нам вторая партия?» Ответ: «Нет! Не прокормим». Если мы хотим просто «жить-поживать и добра наживать», а тем более восстанавливать частную собственность и капитализм, то партия не нужна (или возникнет много партий, борющихся за свой кусок общественного пирога). А если хотим построить справедливое общество, то к нему народ должен вести передовой отряд — партия. Но это должна быть партия духовно развитых, высоконравственных людей, понимающих, что время плутократии (то есть понимания вещного богатства как высшей ценности жизни) безвозвратно прошло. Народ непременно выдвинет вождей, понимающих и выражающих его кровные интересы, и тогда политиквнов, мельтешащих ныне на зкранах телевизоров, словно ветром сдует. Закон станет Богом, но лишь в том случае, если он отвечает неписаным нвродным представлениям о нравственности, правде и справедливости (полезно по этому поводу перечитать хотя бы заметки о юристах в письмах А. Н. Энгельгардта «Из деревни», не смущаясь их более чем столетней давностью).

А. А. Собчак, признавшись, что он человек нерелигиозный, тем не менее высказал свое либеральное, уважительное отношение к вере, церкви и Библии, в которой видит выдающийся памятник культуры. Вот в этом-то, кажется, и заключается одна из главных бед. Ведь религия, особенно православие,— это не философия, а способ жизни, основанный на любви и милосердии к ближним и дальним, а Евангелие не только свод моральных норм непреходящего значения, но при их должном осмыслении (чем были заняты и великие русские мыслители рубежа XIX — XX веков, чьи труды вызывают сейчас удивление и восхищение во всем цивилизованном мире, кроме нашего благословенного Отечества) также и основв для построения теории хозяйства, системы юридических установок, разумной политики...

СВОБОД РОССИЙСКИХ НЕ ПОНЯТЬ...

Материалы Особого журнала Совета Министров были единственный раз опубликованы в 1982 году в ротапринтном издании тиражом всего 300 экземпляров. Ни мемуаристы, ни исследователи не упоминают об этом документе, в то время как он представляет немалую ценность для изучения политической жизни России начала XX века.

Совет Министров Российской Империи фактически начал свою деятельность в декабре 1857 года, но официальное утверждение произошло 12 ноября 1861 года. Председателем его был император. Он обладал правом назначать министров и полностью контролировал работу зтого учреждения. Совет Министров должен был руководить внутренней политикой в государстве, но на деле не играл особой роли в жизни России. Александр !! все реже и реже собирал Совет, а при Александре !!I, который вообще не считался со своими министрами, заседания почти прекратились. В царствоввние Николая !! Совет Министров также влачил жалкое существование.

Положение изменилось во время первой российской революции 1905 года. Вскоре после событий 9 января в правящих кругах возникла идея создать сильное объединенное правительство. Тогда же и возобновились заседания бездействовавшего более 20 лет Совета Министров. Он оставался совещательным учреждением под предсвдательством царя и не обладал исполнительной властью. 17 октября 1905 года Николай !! подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», а 19 октября — указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений», где говорилось: «На Совет Министров возлагается направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам законодательства и высшего государственного управления». Председателем Совета Министров стал граф С. Ю. Витте, в после его отставки в впреле 1906 года — И. Л. Горемыкин.

На заседаниях Совета Министров велись Общие и Особые журналы (для наиболве важных вопросов). Окончательный текст подписывался участниквми заседания и в большинстве случаев посылался на утверждение царю. В случае высочайшего одобрвния (если Николай !! ставил знвк рассмотрения «⁄») документ становился законом Российской Империи.

Судя по публикуемому журналу, царских министров больше всвго волновали три вопроса: полномочия для борьбы с революционной прессой, роспуск только что созванной Думы и необходимость объявления столиц в положвнии чрезвычайной охраны.

Согласно высочайшему указу от 29 ноября 1905 года, генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам предоставлялись права в случаях, если они признают нужным «для восстановления порядка», объявлять собствввнной властью вверенные им местности в состоянии усиленной, чрезвычайной охраны или даже на военном положении. Для столицы и губернии трвбовалось высочайшве утверждвние. В июне 1906 года, когда аелся публикуемый журнал, Пвтврбург и Петербургская губерния находились в состоянии усиленной охраны. Однако, как мы видим, министры, напуганные размахом революционной борьбы, говорили о необходимости вввдения чрезвычайного положвния. Вскоре это было осуществлвно.

Вину за «беспорядки» царское правитвльство возлагало нв Государственную думу и либеральную прессу. 24 ноября 1905 года именным высочайшим указом были провозглашены «Врвменные правилв» для «повременных изданий», в 24 апреля 1906-го — для непериодической печвти. Предварительная цензура отменялась, цвнзурные комитвты стали нвзываться комитетвми по делам печати, а цензоры — инспвкторвми печати. Но, несмотря на либеральную оболочку, правила давали горвздо больший простор для карательных мвр. Каждый номер газеты или журнала одновремвнно с выходом его из типографии должен был в нескольких зкземплярах доставляться должностному лицу по двлам печати и мог быть арестован с возбуждением судебного преследования виновных. Судебное преслвдование велось и по непосредствввнному предложению прокурорского надзора. Губернатор или градоначальник мог использовать любой повод для запрещения издания. В правилах были узаконвны права судить и сажать в тюрьму за публикацию мвтериалов о царе, царской семье, о стачках.

18 марта 1906 года был подписан указ, в котором «Врвменные прввила» признавались недостаточными и усиливалось внимание к сатирическим журналам; а по закону от 23 марта устанавливались наказания за распространение сведвний о деятельности должностных лиц, правительственных учреждвний и войск. Нв случайно журналисты назвали его «законом против гласности». По неполным данным, за 14 месяцвв «свободы печати» (17 октября 1905 — 1 января 1907) конфисковано книг — 361, только в Петербургв номеров периодичвских изданий — 433, насильственно прекращено пвриодических изданий — 371, подвврrнуто заключвнию в тюрьму, штрафам и другим взысканиям редакторов и издателвй — 607, запечатано типографий — 97. Но министры и зти правила находили недостаточными. 24 декабря 1908 года появилось красноречивое дополнение — положение Совета Министров «Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати».

Не меньше бвспокоила правительство деятельность ! Государственной думы — первого представительного учреждения, которому был придан законодательный характер. Открытие Думы произошло 27 впреля 1906 года в Зимнем дворце. «**В 2 часа государь вошел в зал. Перед ним несли регалии, которыа были положаны на табуреты, около которых стали лица, их несшиа; за государем шла императорская фамилия. Государь очень спокойно, но с большим чувством, прочел отличную речь, редактированную им самим. Прокричали «ура», и государь с таким же церемониалом ушел. В 2½ часа я уехал домой. Валикое событие совершилось. Перемена государственного строя России стала совершиашимся фактом. При араждабном настроении Думы приходилось радоваться, что асе сошло благополучно, без каких-либо неприятных инцидентов**». (Из записок военного министра А. Ф. Рвдигера).

На самом деле возникновение Думы не означало превращения России в конституционную монархию. Депутвты не обладали правом законодательной инициативы и могли трвбовать от министров разъяснений только по вопросам, касавшимся рассматриваемых Думой дел. Совет Министров по-прежнему был ответствен только пвред царем. Но и такая беспрввная Дума представляла, как выяснилось, немалую опасность для самодвржавия.

В ответ на приветственную речь Николая депутаты составили адрес, в котором изложили свои требования и пожвлвния, в том числе: проведение аграрной реформы, расширение избиратвльного правв, установление ответствввнности министров пвред Государственной думой. Уже подготовка адресв, как писал Редигер, вызвала в Совете Министров 4 мая предложение о нвмедленном роспуске Думы. Николай !I не принял думского адреса и поручил ответить на него главе правительства И. Л. Горвмыкину. Тот отверг притязания на пвресмотр избирательного права и принцип ответствввнности министров перед Думой, заявив, что все это означает измвнение Основных государственных законов, а следовательно, выходит зв пределы компетвнции Думы. Горемыкин заявил, что главная задача цврского правительства — «охранение общественного порядка», и просил Думу помочь в «успокоении страны». В ответ депутаты почти единогласно приняли формулу перехода к очередным делам, в которой требовали отставки правительства Горемыкина и замены его «министерством, пользующимся доверием Государственной думы».

Конфликт между Госудврствввнной думой и Советом Министров усугубился в связи с обсуждвнием аграрного вопроса. Аграрные провкты трудовиков и даже кадетов представлялись правительству слишком радикальными.

8 июня в Думе выступил новый министр внутренних двл П. А. Столыпин. Он пытался защищать действия властвй, уличенных в помощи черносотенным погромщиквм, и был освистан депутатами. Дума приняла новую формулу пврехода с требованием отстввки правительства Горемыкина и передвчи влвсти правительству, пользующемуся ее доверивм.

Совету Министров приходилось выбирвть: или компромисс с кадетским большинством в Думе, или немвдленный роспуск ее. Николай !! был расположен к роспуску Думы, но полагал, что сначала надо нащупать почву для соглашения. Этим и вызвано то, что на публикуемом документе он поставил знак рвссмотрения «⁄».

Компромисс нв удался. 7 июля на заседании Совета Министров Горемыкин заявил, что Дума заняла «открыто революционную позицию» и поэтому необходимо обратиться к царю с просьбой о ее роспуске. На другой двнь Столыпин и Горемыкин были приняты царем и согласовали с ним меры по роспуску Думы. 9 июля она была распущена. Горемыкин попал в отставку, а новым председателем Совета Министров стал Столыпин. Разгон ! Государственной думы означал конец переговоров о создании первого буржуазного правительства в России. В то время по Петврбургу гуляла зпиграмма, сочиненная Ф. Куликовым:

Свобод российских нв понять,
Чужим аршином их не смерить,
У них особенная стать,
В саободы наши ***НАДО ВЕРИТЬ!***

Белла ГАЛЬПЕРИНА,
кандидат исторических наук

ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТРОВ

ЗАСЕДАНИЯ 7 И 8 ИЮНЯ 1906 ГОДА

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было на одном из переданных Председателю Совета Министров всеподданнейших писем, в котором обращалось внимание на некоторые появившиеся в последнее время газетные статьи крайнего направления, положить следующую резолюцию: «Действительно отвратительные статьи. Раз газеты толкают на революцию — следовало бы их прямо закрывать. Нельзя законными мерами бороться с анархиею. Правительство обязано спасать народ от вливаемого в него яда, а не сидеть только на законе».

Вследствие сего Совет почитает своим долгом довести до сведения ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА о том положении, в котором находится ныне правительственная власть в отношении печати, а вместе с тем выразить свое мнение и по непосредственно вытекающему из этого положения общему политическому вопросу о предстоящем Правительству в ближайшем времени образе действий. Существующие в настоящее время правила [*] о печати, построенные на начале судебного преследования правонарушений, совершаемых путем печатного слова, не дают государственной власти действительных средств, чтобы с успехом бороться против явно революционного направления, усвоенного огромным большинством наших повременных изданий. Такое направление печати представляется обычным в эпохи революционных дижений. Начиная с Французской революции 1789 года, пресса всегда являлась сильнейшим разрушительным орудием в руках революционной партии. Ту же роль она играет теперь и у нас. Число газет, поддерживающих основы существующего государственного строя, крайне ограниченно, и они весьма мало распространены. Голос их совершенно заглушается радикальною прессою; а последняя не останавливается ни перед чем для разрушения всего, что служит опорою государству и обществу, и заведомою ложью, клеветою и открытым воззванием к кровавой расправе,— с каждым днем все более и более захватывает незрелые умы низшей интеллигенции и темную массу народа, верящего печатному слову, как откровению. Между тем противодействовать этому злу нормальными мерами судебного преследования оказывается фактически невозможным. Суды в громадном большинстве случаев вынуждены оправдывать привлекаемых к ответственности за злоупотребления печатным словом, по чрезвычайной затруднительности устанавливать во многих случаях несомненные признаки состава преступления. Со времени открытия Государственной Думы возможность для суда успешно бороться с преступлениями печати сделалась еще более трудною, между прочим, в силу открыто высказываемых Думою неуважения к органам исполнительной власти и решительного намерения ее изменить все основы нынешнего государственного и общественного строя. Дума, подчинившаяся с первых шагов своей деятельности влиянию крайних партий, стала и продолжает быть центром активной революционной пропаганды и точкой опоры для революционной журналистики [1]. При этих условиях Правительство встретило даже непреодолимые препятствия к привлечению к законной ответственности 14 членов Думы, обратившихся к населению чуть ли не с открытым призывом к бунту и мятежу [2].

Очевидно, что длить такое ненормальное положение печати невозможно. Раз действующие о ней правила не облекают Правительство достаточными полномочиями для борьбы с революционной прессой, необходимо прибегнуть к чрезвычайной мере, основанной все же на законе. Мера эта заключается в объявлении столиц в положении чрезвычайной охраны, дающей высшему административному в них начальству право собственною властью приостанавливать и вовсе прекращать всякие повременные издания. Возможно ли и своевременно ли, однако, применить означенную меру немедленно? Решиться на эту меру и в то же время сохранить существующий порядок, по которому полная гласность принадлежит суждениям Думы, каким бы революционным характером они ни отличались,— очевидно совершенно невозможно. Из этого положения был бы только один выход — распущение Думы, и таким образом устанавливается связь частного вопроса о печати с общим неизмеримой важности вопросом о дальнейшем отношении Правительства к Государственной Думе. В этом отношении Совет обязывается высказать свое глубокое убеждение, что создавшееся ныне сочетанием революционной Думы и настоящего Правительства положение представляется в высокой степени опасным. При нем прегражден в сущности правильный ход государственной жизни. Так или иначе, но нужно остановиться на каком-либо решении, могущем указать выход из создавшихся затруднений.

По поводу существа этого решения в Совете высказаны были разные суждения.

Некоторые Члены (Статс-Секретарь Коковцов, Гофмейстер Фон-Кауфман и в звании Камергера Извольский) [3], ни мало не отрицая крайней опасности современного положения, не считают, однако, возможным ныне же остановиться на решении распустить Государственную Думу. Это был бы роковой шаг, последствия которого неисчислимы. Он неминуемо обозначил бы собою явный разрыв Правительства с населением, без поддержки которого немыслима между тем никакая созидательная работа, а следовательно, невозможно и действительное успокоение страны. При подобных условиях естественно возникает вопрос, испробованы ли уже все средства для того, чтобы достигнуть умиротворения, не прибегая к такой мере, как распущение только что созванных Верховной Властью выборных от населения. По мнению некоторых Членов, эти средства еще не истощены; их даже почти не пытались применить. Главное из них — попытаться найти какую-либо возможность к совместной работе с Думою или по крайней мере к установлению известного общения с более умеренными ее членами. Так как уже и теперь в Думе обнаружился раскол между ее крайними элементами и партиею центра, то достигнуть такого соглашения окажется, быть может, и возможным. И если бы нынешнему составу Совета Министров такая задача оказалась непосильною, то ему надо уступить место другим деятелям, которым она представлялась бы более доступною. Пока такой попытки сойтись на деловой почве не будет сделано, преждевременно говорить о полной непригодности Думы для плодотворной государственной работы. При этом отнюдь не следует вовсе образовывать министерства парламентариев, а призвать к исполнительной власти исключительно таких лиц, которые не имели бы в глазах Государственной Думы одного безусловно порочащего для нынешнего Совета Министров признака — облика непосредственных наследников прежнего министерства. В новый Совет должны были бы войти люди,— столь же, как и настоящие его Члены,— верные и преданные Государю и Родине, но не связанные своим прошлым с прежним режимом или, по крайней мере, своевременно заявившие о своем с ним разобщении, а главное не поставленные силою обстоятельств в положение того полного разлада с Думой, в котором находится нынешний состав Совета. Таких людей надо искать частью в среде высших чинов служилого класса, известных умеренностью своих взглядов, частью в общественной среде. Конечно, не может подлежать особому сомнению, что если бы в такой Государственной Думе не произойдет новой группировки партий (что, однако, более чем вероятно), то и новое министерство не будет встречено сочувственно, но, по крайней мере, один аргумент против Правительства отпадет: упрек и подозрение, что действующие в нем лица остались прежние, а изменилось лишь распределение ролей и что распущение Думы последовало по инициативе министерства и даже в угоду ему.

Со своей стороны Статс-Секретарь Коковцов, примыкая в общем к высказанному меньшинством Членов Совета мнению, объяснил, что он не ожидает восстановления правильного хода государственной жизни от одной перемены личного состава нынешнего совета, особенно, если состав этот не будет принадлежать к господствующей в Думе партии. Его основная мысль заключается лишь в том, что нельзя разрешать вопроса о роспуске Государственной Думы сгоряча. В этом вопросе нужны особые осторожность и терпение, тем более, что каждый день существования Думы, при проявляемом ею явно революционном настроении, роняет авторитет ее в глазах благоразумной части населения, а следовательно укрепляет тем самым положение Правительства. Во всяком случае, рассматриваемый вопрос представляется настолько существенным с общегосударственной точки зрения, что разрешение его в составе одних Членов Совета было бы неудобно. Несомненно, по важности своей этот вопрос должен быть всесторонне обсужден в Особом, под председательством ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Совещании, при участии Членов Совета, а также и других, облеченных доверием МОНАРХА, лиц. А Председатель и большинство Членов Совета (Генерал-Адъютант Барон Фредерикс, Генерал-Лейтенант Редигер, Вице-Адмирал Бирилев, Гофмейстер Князь Ширинский-Шихматов, Тайные Советники: Шванебах и Стишинский, Генерал-Майор Шауфус и Действительные статские Советники: в звании Камергера Столыпин и Щегловитов) [4] рассуждали, что нынешний состав Государственной Думы и принятое ею направление прямо угрожают существованию государства. Дума стала у нас опорным пунктом революционного движения, и каждый день укрепления ее в присвоиваемой ею себе власти приближает срок открытого взрыва, предвестники коего уже достаточно явственны. Не подлежит сомнению, что если бы политическое положение не было так напряжено, то выжидательная, по отношению к Думе, политика в расчете на падение ее авторитета в глазах мыслящего населения была бы политикою приемлемою. Но в предвидении неизбежного, быстро приближающегося революционного взрыва такую политику воздержания от мер решительных надо признать недопустимою. При настоящем положении дел ни против Думы, ни против радикальной прессы нельзя принимать никаких мер. Несовершенные законы и невозможность применять даже эти законы создают ужасающее неравенство положений: надвигающийся мятеж идет во всеоружии ничем не стесняемой силы, а Правительство ждет нападения, ограничиваясь декларациями и тщетными попытками воздействия судебным и полицейским аппаратом, дающим осечки на каждом шагу. Между тем Государственная Дума, преступив свои законные полномочия, считает уже возможным вмешиваться в ход административного управления (посылка своих делегатов для расследования Белостокских событий) [5] и пытается даже, вопреки ясному смыслу закона, создать для своих членов такое исключительное положение, при котором они оказались бы совершенно недосягаемыми для судебной власти (дело о депутате Ульянове) [6].

При таких условиях выступление Правительства на путь активной борьбы с революциею и, прежде всего, поражение ее центрального органа — Государственной Думы — приобретает характер необходимой государственной самообороны. Спрашивается, однако, нельзя ли, быть может, предотвратить столкновение компромиссом с Думою. Компромисс с Думою мог бы выразиться: 1) учреждением министерства из партии конституционалистов-демократов или 2) министерства из среды общественных деятелей, приемлемых для Думы. Ясно, что как первое, так и второе министерство в таком только случае могло бы ужиться с Думою, если бы оно согласилось ей подчиниться и вести ту политику, разрушительную для всякой правительственной власти, которую преследует Дума. До каких же пределов допускать компромиссы и уступки? До уровня правых или же и левых кадетов или же до программы трудовиков. Практически, министерство, созданное из каких бы то ни было общественных деятелей, призванное для политики компромисса, неизбежно должно быть осуждено на повторение той политики, которую вел Граф Витте с 17 октября по конец ноября, т. е. политики боязливых уступок и деморализации администрации при растущей дерзости революционных партий. По истечении некоторого времени такое министерство, чтобы не быть самому заарестованным революционерами, вынуждено будет вступить с ними в борьбу. Но врага придется ему встретить обессиленным с деморализованными армиею и администрациею на позиции, наперед потерянной. Только решимость может устранить катастрофу, которая для судьбы России могла бы оказаться роковою. В виду сказанного большинство Членов приходят к заключению, что без распущения Государственной Думы, которое может быть произведено на точном основании действующего закона и без принятия самых энергичных мер к подавлению возможных, вследствие сего, революционных вспышек обойтись невозможно. Откладывать осуществление такого решения на неопределенное время было бы неосторожно, ибо существование нынешней Думы и соединенная с этим невозможность для Правительства действительной борьбы с революционным движением с каждым днем подтачивает положение государственной власти. Теперь оно может еще распустить Государственную Думу, но пройдет некоторое время, и будет уже поздно, перевес сил окажется на стороне революционного лагеря. Поэтому Правительство должно быть в постоянной готовности прибегнуть к этой решительной мере. Высказываясь в этом смысле, большинство Членов Совета вполне признают при этом, что удачный выбор момента, при котором должен быть произведен роспуск Думы, имеет очень большое значение, дабы оправдать в глазах благоразумной части населения государственную необходимость такой меры. Стремление Думы уклониться от рассмотрения правительственных законопроектов и какие-либо крайние заключения ее в области общеполитических вопросов могут со дня на день создать этот момент. Правительство должно умело воспользоваться им и, оставаясь на строго законной почве, объявить о роспуске Думы, с назначением новых выборов и времени вторичного созыва Думы. Что же касается, наконец, предложения Министра Финансов о том, что, в виду важности рассматриваемого вопроса, его следовало бы обсудить в Особом, под Личным Председательством ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Совещании и при участии не только Членов Совета Министров, но и других лиц, МОНАРШИМ доверием к сему призванных, то в этом отношении Совет вполне присоединяется к мнению Статс-Секретаря Коковцова.

О вышеизложенных соображениях своих Совет положил представить на ВЫСОЧАЙШЕЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благовоззрение.

Подписи: И. Л. Горемыкин, В. Б. Фредерикс, В. Н. Коковцов, П. М. Кауфман, А. А. Ширинский-Шихматов, П. Х. Шванебах, А. С. Стишинский, Н. К. Шауфус, А. П. Извольский, И. Г. Щегловитов, П. А. Столыпин.

Помета царя: ⁄ (15 июля)

ЦГИА СССР (Ланинград), ф. 1276, оп. 20, д. 1, л. 15—22
ф. 1276, оп. 2, д. 158

[*] 24 ноября прошлого и 18 марта и 26 апреля текущего года.

[1] В глазах царского правительства состав I Государственной думы был революционным. В нее вошли социал-демократы, трудовики, октябристы, беспартийные, но руководящую роль играла партия кадетов. Большевики выборы в I Думу бойкотировали. Позднее В. И. Ленин признавал эту тактику ошибочной. Правительство И. Л. Горемыкина сразу заняло по отношению к I Думе провокационную позицию, обвиняя депутатов в «намерении изменить все основы нынешнего государственного и общественного строя».

[2] Воззвание 14 социал-демократов — членов Думы было опубликовано в легвльной большевистской газете «Волна» 19 мая 1906 года. В нем содержался призыв к народу поддержать борьбу за Учредительнов собрание и объявлялось о создании в Думе самостоятельной Рабочей группы. Заявление сопровождалось предисловием В. И. Ленина «По поводу обращения депутатов-рабочих». За публикацию воззвания редактор «Волны» был привлечен к судебной отватственности. (См. В. И. Ленин. ПСС, т. 13, с. 120—121, 448.)

[3] В. Н. Коковцов — министр финансов, П. М. фон Кауфман — министр просвещения, А. П. Извольский — министр иностранных дел.

[4] И. Л. Горемыкин — председатель Совета Министров, В. Б. Фредерикс — министр императорского двора и уделов, А. Ф. Редигер — военный министр, А. А. Бирилев — морской министр, А. А. Ширинский-Шихматов — обер-прокурор Синода, П. Х. Шванебах — государственный контролер, А. С. Стишинский — главноуправляющий землеустройством и земледепием, Н. К. Шауфус — министр путей сообщения, П. А Столыпин — министр внутренних дел, с июня 1906 года — председатель Совета Министров, И. Г. Щегловитов — министр юстиции.

[5] 1 июня 1906 года в городе Белостоке Гродненской губернии черносотенцы организовали еврейский погром с участием полиции и даже воинских частей. Он длился три дня. В Белосток выехала комиссия, состоявшая из депутатов Думы М. П. Араканцева, Е. Н. Щепкина, В. Р. Якубсона. Она установила, что погром был спровоцирован правительством для подавления революционного движения. Депутаты открыто высказали это обвинение (см. Государственная дума. Стенографические отчеты, 1906 г. Сессия первая. Т. 11, сс. 952—961, 1343—1344, 1577—1603, 1723—1746, 1775—1791, 1806—1844). С гневным протестом против событий в Белостоке выступили рабочие нескольких предприятий Петрограда

[6] Г. К. Ульянов — депутат Думы, принадлежал к Трудовой группе. Редактор газеты «Дело народа». Был привлечен к судебной ответственности за нарушение «Временных правил о печати». Суд назначили на 14 июня 1906 года. Прокурор требовал отстранить Ульянова от заседаний Думы, но депутаты отказались зто сделать.

Владимир ПАНКОВ

МУКИ СОГЛАСИЯ

Печальная повседневность: расколы у нас не редкость. Даже во времена показной монолитности инакомыслие окончательно не исчезало, проявляя свою подземную жизнь то массовым диссидентским исходом, то шумным политическим процессом. Оно имело характер тропической лихорадки, которую пытались лечить, считая опасной болезнью.

Путь к гражданскому обществу оказался знаменитым трагическими сломами. Их историческое эхо мы и сейчас еще, кажется, слышим. Припомним лишь два, самых разрушительных по силе толчка — реформу Никона и тот роковой разлад в передовой России, который так чутко уловил самописец сборника «Вехи» — этого причудливого сейсмографа революционных потрясений начала нашего века.

Повод, поверхностно совершенно ничтожный, привел к расколу исполинского монолита, которым представлялось русское общество времен Никона и Аввакума. Разъединение, бывшее поначалу церковным, скоро обернулось разобщением морали и духа, когда совесть русского человека встала в нерешительном раздумье между родной стариной и Немецкой слободкой. Дело кончилось духовной войной, перемирие в которой не подписано и поныне...

Исторический урок общественной розни был дурно усвоен. Раскол повторился, но уже на секуляризованной почве, казалось, далекой от непримиримой церковной ортодоксии. Если повезет — прочитайте «Вехи» — это пророчество о гражданской войне, и вы поймете, как снова с неумолимой устремленностью разрушен был слабый фундамент гражданского дома...

И сегодня мы вновь испытываем грозные подземные толчки, вновь на идейном перепутье задаемся вопросом: кто мы, куда идем, в чем наше предназначенье? Нет, вовсе не случайно с прежним ожесточением загораются споры о Западе и Востоке, «русском пути» и мировом прогрессе, о пользе бедности и пагубе богатства, о народной душе и исторических судьбах наций. Мы снова подступаемся решать неразрешенное, достроить вечно разрушаемое — Общество гражданского мира, а не гражданской войны, благодетельного компромисса, а не остервенелой идейной непримиримости.

Но мира нет. Все злее споры, все нестерпимей тяжесть обвинений, и кто-то снова спешит повторить заклятье Бакунина — страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть. Неужто и впрямь Россия — нескончаемый, кромешный Вавилон?

Мы вступили в период широкого перераспределения политических сил. У разномыслия, действовавшего до сих пор в подполье, на свой страх и риск, появилось то полноценное политическое самочувствие, без которого нет и быть не может гражданского полнокровия. Мы видим, как разномыслие спешит заявить о себе не только печатно, не только одной идеей или фразой, а группой, объединением, партией. Наивно было бы полагать, что плюрализм мнений удовлетворится Пушкинской площадью. После памятного апреля в стране уже народилось почти 30 тысяч неформальных объединений, печатается около тысячи независимых изданий — от газеты литовского «Саюдиса» тиражом в 70 тысяч экземпляров до ксерокопированных листовок, которых едва хватит для друзей и знакомых.

На сцену вышел наконец герой, которого долго держали за кулисами,— общественное мнение. То самое мнение, суверенитет которого открывали еще доминиканец Фома Аквинский и адвокат Дантон. «Закон общественного мнения — это закон всемирного тяготения в сфере политической истории...,— писал Ортега-и-Гассет.— Даже тот, кто хочет править, опираясь на янычар, зависит от их мнения и от мнения подданных о янычарах». Мы убедились наконец, что фундаментальные политические законы можно игнорировать до поры, но отменить их никто не в силах.

И все же при всей своей закономерной и полезной пестроте в силу запоздалости политического совершеннолетия, малой гражданской культуры, а более вследствие особенностей русского политического мышления, которое всегда диалогично, всегда руководствуется соображениями непримиримого противоположения,— вся эта нынешняя общественная разноголосица представляется плюрализмом сектантов. Наши политические идеи, даже самые благие, вечно страдали одним серьезным изъяном — имели слишком неуживчивый характер. Разномыслие всегда у нас было с острыми краями...

Что поделаешь: мы имеем слабость к политическим наклейкам, у нас давний зуд классификаций. И если уж Пушкин называл Иисуса Христа умеренным демократом, то и нам не хочется отказывать себе в удовольствии политического изобретательства. Мы чувствуем себя Колумбами, попавшими на неведомый остров и спешащими поименовать каждую встречную кочку. Вот выписка из последних приобретений: «национал-радикалы», «демокоммунисты», «либеральные демократы», «христианские демократы», «анархосиндикалисты», «умеренная оппозиция», «товарищество марксистов», «метаметафористы», «социально-экологический союз». Что за этим непривычным разнобоем? Одни объявляют это модной групповой суетой, другие видят тут начало серьезной многопартийной стройки. Не хотелось бы увлекать читателя политической анатомией, распознаванием лиц и программ — это тема особого разговора. Наша цель и предмет — политическая физиология, а значит, жизнь господствующих идей, отыскание мировоззренческих осей развернувшихся полемик. Почему это кажется нам первостепенным? Еще в начале нынешнего века философ и публицист С. Булгаков писал: «Разделение на партии... нигде не проникает так глубоко, не нарушает в такой степени духовного и культурного единства нации, как в России... Наше различение на правых и левых отличается тем, что оно имеет предметом своим не только разницу политических идеалов, но и, в подавляющем большинстве, разницу мировоззрений или вер». Наблюдение Булгакова, как это всегда бывает с глубокой мыслью, не устарело. Скажу больше: дает взгляду на происходящее решительно верное направление...

ДОБРОЕ СЛОВО О КОНСЕРВАТОРЕ

«Почитайте Бердяева, тот утверждал, что либерализм — не лучшее из течений в истории человечества. А с консерватором Тэтчер, например, связывают прогресс Англии».

Академик С. ШАТАЛИН

Нас всегда подводила дурная привычка вопреки здравому смыслу провозглашать желаемое действительным. Велик был соблазн действовать на каком-то стерильно-одноцветном общественном поле, какого, в сущности, не бывало ни в одни времена,— и лукавое это желание неизбежно обернулось политическим мифом.

В 1987 году наше партийное руководство настойчиво утверждало: «Мы все были и остаемся в одной лодке, мы были и остаемся по одну сторону баррикад, мы шли и продолжаем идти по одной дороге».

Через год обольщение единством стало таять: «Часть людей не хочет, чтобы перестройка шла быстрее. Больше того, может быть, часть из них вообще не приемлет перестройку». В начале нынешнего года партийное руководство наконец вынуждено было признать: «Идет борьба отдельных личностей и группировок за политическое лидерство. Проявляют активность оппозиционные элементы. Создаются параллельные политические структуры». Появилась трещина и в одном из самых охраняемых заблуждений — о монолитности однопартийного дома. «В одном аппарате, через стенку друг от друга, зачастую работают прораб перестройки и ее тормоз. Посмотришь на них и задумаешься: а сколько партий в нашей партии?» — восклицает публицист «Правды» (18 мая 1989 года).

Загадки тут нет, и динамика протрезвления ложная; стремительно меняется лишь одно — мера нашей откровенности. Никакое общество (если, конечно, не случается социальной катастрофы) не способно так исторически внезапно, всего за два неполных года, стать подобием слоеного пирога. Эта озадачивающая многослойность зрела давно, разве что теперь каждый общественный слой все громче заявляет о себе, все отчетливей, оригинальней оформляет свое существование и интерес.

Механизм перераспределения общественных сил был запущен не вчера, и не перестройка стала причиной гигантской социальной перегруппировки, а явление куда более фундаментальное. Библейский по масштабам причин и следствий исход из села — вот что определяет суть перемен последних десятилетий. Распухшие города и медленная агония деревень, духовное одичание общества и стремительное падение качества культуры — таковы его печальные приметы. Сегодня урбанизованный житель составляет две трети населения страны. Для нашего советского континента это новый общественный климат. Отсюда понятна зависимость и предопределенность перестройки — этой новой политической погоды, подверженной, как и положено, всем известным сезонным колебаниям.

В нынешнем общественном самоощущении много непривычного, упраздняющего прежние ориентиры,— неизбежное следствие маргинального, промежуточного бытия — полусельского и полугородского одновременно. Отсюда этот идейный разнотык, эта неустойчивость и рассогласование. Новые социальные слои и интересы, стандарты жизни — все мучительно ищет законченного выражения, все борется, где вяло, а где с ожесточением, за место под общественным солнцем.

Исторический обвал, спровоцированный движением людских потоков, породил решительное преобладание во всем среднего человека, бегущего от любой духовной работы, уверенного, что жизнь должна быть легка, освобождена от всего трагического и противоречивого, от моральных обязательств. Этот средний человек доволен собой и никогда — другими, он не ощущает ровно никакой потребности в самоограничении. Никогда еще столько людей не неслось сломя голову неведомо куда, не заражалось с необыкновенной легкостью простудой мнимых идей благоденствия. Мы живем во время «течений», «движений», «инициатив», и мало кто в состоянии противостоять тем поверхностным вихрям, которые возникают в искусстве, политике и социальной жизни.

Вот, по-моему, в силу каких фундаментальных причин, осложненных многими деформациями прошлого, нынешний день — неуютная пора социальных вибраций, категорических императивов, истерических размежеваний и религиозного почти упования на политические чудеса.

Как говорил американский политолог Ирвинг Кристол, структура общества может быть более точно описана с помощью геологического подхода. Существуют пласты общественного мнения, их можно при желании определить.

В нашем случае неутихающего социального вулканизма это сделать непросто. Здесь уместнее был бы язык математики, язык неустойчивых систем нобелевского лауреата Ильи Пригожина, а не классовый словарик времен «Краткого курса», который по-прежнему в ходу. И все же исследовательская попытка была предпринята Всесоюзным центром изучения общественного мнения. Пусть результаты этого зондажа огрублены, в них немало эмпирической приблизительности, но и они дают нам любопытную «общественно-геологическую» картину. Самый мощный пласт (40% взрослого населения) — народ, к активной политике равнодушный. 20% настроены отчетливо консервативно. Столько же составляют возбужденные популистскими лозунгами люди, которые легко отвергают прежнее, ничего не предлагая взамен. «Умеренные перестроечники» составляют слой в 10%, как и «перестроечники-радикалы», стоящие, как сказано в приводимом исследовании, «на западнических позициях, исповедующие некий либерально-интеллигентски-левопрогрессивный комплекс».

Две древние силы интересуют нас здесь более всего. Не столько по причине их «процентного веса», сколько по традиционной разноименности политических зарядов. Их ежечасное соприкосновение рождает покуда не озоновые разряды очищения, а нервный ток жизни. Эти силы — общественное выражение глубинной сути человеческого естества, его противоречивых начал: боязни нарушить плодотворную связь времен, желания покоя и вместе с тем вечного соблазна новизны. Таков человек — Консерватор и Радикал. Таковыми были и остаются по сей день два магистральных общественных течения, как бы пестро и мудрено ни назывались их многочисленные оттенки. И если за первым, как правило, большинство, то за вторым — непременные симпатии публики.

Жаль, что мы судим об этих явлениях по крайним точкам. Но консерватор не всегда реакционер, а радикал не объявляет себя непременно ниспровергателем основ. Поскольку консерватизм ныне пребывает в жестокой осаде и все его действительные пороки хорошо известны общественному мнению, радикализм же — напротив — чрезвычайно и без всякой разумной осторожности превознесен, думаю, что поступлю верно, предложив читателю особый угол зрения, дабы попытаться понять, что же все-таки приемлемо в первом и сомнительно во втором...

История не устанет удивлять парадоксами: консерватизм — родной сын революции. Как общественный феномен он родился в конце XVIII — начале XIX века, став идеологией феодально-аристократической реакции во времена Великой французской революции. В Англии это понятие получило распространение в 1820—1830-х годах применительно к партии тори. В это же время термин «консерватизм» перекочевал за океан.

В начале нынешнего века консерватизм становится знаменем тех, кого пугает укрепление государственно-монополистического капитализма. Его поддерживают блестящие интеллектуальные силы, он делается влиятельным движением.

При всех своих оттенках консерватизм всегда был оппозиционным. Он как бы возвращал назад, осаживал чересчур забежавших вперед, более опирался на прошлое, чем уповал на будущее.

Консерватизм как тип политического мышления при всех своих многообразных оттенках выражает опасения тех слоев и групп, которым грозят серьезные перемены. Это естественная реакция, сопротивление резким политическим ветрам, желание отыскать опору, без которой судьба делает человека щепкой в море жизни.

Какой-то законченной теории консерватизма не существует. Да и сами консерваторы не приемлют жестких социальных схем и политических утопий (в наше время это критика изначальных посылок русской революции, утопичности создания идеального общества). Самый знаменитый консерватор XX века Уинстон Черчилль всегда отказывался теоретически сформулировать те основные постулаты, которые были его политическим катехизисом. Но отсутствие теории отлично заменялось наличием твердых принципов.

Накануне гражданской войны в Америке Авраам Линкольн заметил, что консерватизм — это предпочтение, отдаваемое старому и апробированному перед новым и непроверенным. Отсюда вытекает коренной консервативный принцип — апелляция к прошлому опыту.

Сегодня в прошлое всматриваются все, но консерватор, глядя в историческое зеркало, непременно хочет отыскать позитивное и укрепляющее его веру, идет ли речь о тех, чья намеренная ретроспектива ограничивается 17-м годом, или тех, кто смотрит на Россию глазами Карамзина. Отсюда, как это ни покажется кому-то незаконным, возвращение к поиску утраченных революционных идеалов и нынешний церковный ренессанс — явления одного ряда. И это глубокое стремление поднять и вернуть к жизни выплеснутого вместе с водой ребенка не только по-человечески понятно и в высшей степени морально, оно и общественно полезно.

К основополагающим принципам консерватизма можно отнести и веру в государство — собирателя народов, защитника от хаоса и беспорядка. В этом немало верного, но и много идеализации, некритического отношения к уже нажитому опыту, гипертрофии «державности», когда в угоду надуманным государственным интересам упразднялось все личное.

Предпочтение моральных ценностей ценностям материальным — принципиальная позиция консерватизма любого толка. Для него святы такие понятия, как долг и ответственность. Нередко консерватор — человек верующий, в чем бы, в какой бы форме эта вера ни выражалась. Он твердый приверженец древнего института семьи, считает его основой и опорой любого общества.

В консерваторе хорошо развит здоровый скепсис в отношении нововведений. Он всегда выверяет прошлым опытом их надежность, и если заподозрит подвох, то отбросит без сожаления. Консерватор крепко стоит на земле, он хорошо приспособлен к существованию в реальном мире. Он категорически не верит в безудержный, не ограниченный ничем прогресс. Если радикализм — это всегда рискованный эксперимент, то консерватизм — закрепление, укоренение в жизни того, что было удачным и полезным в эксперименте...

У консерватизма две ипостаси — стабилизатора, не дающего опрокинуться общественному кораблю, и тормоза, когда вера в человека заменяется верой в незыблемость застылых принципов. Исторической миссией консерватора, как подчеркивают многие исследователи у нас и за рубежом, является не борьба с революцией, а ее предупреждение, охрана органической эволюции.

Есть консерватизм невежества, чиновного охранительства, но есть и другой консерватизм — преемственности культуры, интеллектуальной мудрости. «Я люблю, чтобы сегодня было так же, как вчера: люблю старые вещи, люблю традиции, обряды. Это упорядочивает жизнь семьи, общества, придает смысл человеческому существованию. В этом много хорошего». Как непохож этот милый консерватизм 95-летней Анастасии Ивановны Цветаевой на пародийный образ бюрократа-охранителя, который мы с легкостью усвоили. Воистину живуч в нас микроб упрощения!

Тот, кто хотел бы разом избавиться от консерватизма, ставит себе задачку не легче отмены одного из законов физики. Точно так же вполне безнадежное занятие упразднять радикалов. Обществу не обойтись без этих «возмутителей», критиков рутины, обличителей косности. Как я уже говорил, радикал необязательно разрушитель и социальный прожектер. Его поиски бывают интеллектуально плодотворны, его темперамент — антитеза застою.

Но радикализм — это вечное желание силой одолеть неторопливость исторического хода, искушение скороспелым успехом. Он во власти выдуманной им самим схемы и часто не замечает отчаянного сопротивления жизни.

Радикализм — это нередко чрезмерная политическая самонадеянность, чреватая потерей реальности, разрывом с возможностями человека.

«Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью» — эти слова В. Г. Белинского — контрапункт едва ли не каждой радикальной программы. Нынешний радикал, оглядываясь в надежде на Запад, не хочет видеть, какого человека снаряжает он в поход за осуществлением новых преобразований. А ведь Америка, чтобы добиться цели, развила и утвердила свой особый тип человека — предприимчивого, привыкшего во всем рассчитывать на себя, прошедшего через смешение вер и наций. Япония отшлифовала свой, глубоко национальный тип работника и гражданина. Что представляет на сегодня наш человек и каким надлежит его увидеть завтра? Готов ли он — характером, опытом, исторически сложившимся национальным мировоззрением — принять и немедленно освоить незнакомые ему жизненные чертежи? Вот коренные вопросы, от которых уклоняются радикалы, не затрудняясь ответом, что все в конечном счете движется человеком. Им же и тормозится... «Людей ни на каком рынке не купишь,— писал Ф. Достоевский,— потому что они не продаются и не покупаются, а... только веками выделываются».

Радикалы не любят и еще одного обязательного вопроса: о цене за все то новое, что обещают. А ее следует знать наперед, чтобы решить сообща, не слишком ли она высока. Даром в жизни ничто не делается. Ввяжемся в драку, а потом посмотрим — эта азартная формула Ильича, как показало время, больше для ситуаций экстремальных. Обыденность опирается на расчет.

У радикала много внешнего, артистического. При всем своем блестящем интеллекте он дает увлечь себя фразой, не жалует повседневной рутинной работы, без которой не произвести ни одной серьезной подвижки. Его, как, впрочем, и консерватора, нельзя оставлять одного. Эти вечные оппоненты только вместе и могут составить физиологический раствор для полноценной политической жизни. Их соотношение непостоянно, оно меняется с приходом новых эпох, но только тогда можно достичь чего-нибудь, когда каждый из них не претендует на абсолютное господство, не требует полной и окончательной победы, ведет не смертный бой, но диалог.

НОВАЯ ЖИЗНЬ С ПОНЕДЕЛЬНИКА...

«Так один ли у нас с вами Храм и одна ли Дорога? Может, пути-то давно уже разошлись?..»

(Из газетной публицистики.)

Верно подмечено одним из публицистов: «Казалось бы, должна быть множественность точек зрения. Но обкатывается весьма узкий круг идей». Но идей-то принципиальнейших! Пожалуй что — вечных в человечестве. Между помянутыми нами общественными силами, как между громадными жерновами, неподатливыми зернами катаются «проклятые вопросы», и, пока смелется «мука согласия», идейная эта мельница без работы не останется. И круг оспариваемого не станет шире: не договорившись до чего-нибудь путного в главном, как пойдешь дальше?

Главная ось разногласий — ось Времени. В какой бы точке, по какому бы поводу ни вспыхивал спор, он не минует бессмертной Троицы — Прошлого — Настоящего — Будущего — того естественного самоопределения в историческом пространстве, без которого не может существовать человек.

Для радикального сознания Прошлое всегда малоценно, всегда знаменито лишь отрицательным опытом. «Ныне стало очевидным, что семидесятилетний эксперимент закончился крахом» (В. Тихонов). Прошлое пудовыми гирями виснет на ногах, мешает развернуться в настоящем: «Не следует оглядываться назад в сегодняшних поисках, хорошего там мало, те истоки не напоят нас, они пересохли, либо опоганены» (В. Селюнин).

А ведь не остыли еще гневливые слова Д. И. Писарева, произнесенные более века назад: «Мы не думаем, чтобы мыслящий гражданин России мог смотреть на прошедшее своей родины без горести и отвращения; нам не на что оглядываться, нам в прошедшем нечем гордиться, нечем...» И лишь вчера сказанными кажутся слова октябрьских революционеров о мире, необходимо разрушаемом дотла, до основания. Радикализм во все времена — это всегда беспощадный суд над Историей, трибунал, в котором Прошлому никогда не вынесут оправдательного приговора.

Прав был историк В. Ключевский, подметив эту российскую особенность, вернее, привычку к новым эрам в своей жизни, «наклонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Это предрассудок — все от недостатка исторического мышления, от пренебрежения к исторической закономерности».

У консерватора другая общественная задача — в отличие от любителей исторической пустыни он охотно берет на себя роль бдительного охранника Прошлого. Его раздражает всякая критика «исторических святынь». «Меня, как и многих других, не может не тревожить однообразное топтание на могильных плитах» (Е. Шереметьев). «Пора дать решительный отпор очернителям прошлого» (Н. Кузьмин).

Прошлое оформляется консерватором иконописно, с намеренным смещением перспективы, идеологическим освящением избранных персонажей: «Послеоктябрьское поколение любило Родину больше, чем себя. Пора одержимых... Оказался превзойденным античный уровень поклонения долгу перед Родиной. Убежденность обрела силу фанатизма» (Г. Куницын). «Замалчиваются величайшие достижения прошлого» (Н. Андреева). «Народ верил в Сталина потому, что в нем, в народе, еще было много идеализма, а стало быть, нравственного здоровья» (К. Раш).

Два противоположных взгляда на судьбу Прошлого ставят и перед Настоящим ущербную альтернативу — либо начинать любую общественную стройку без фундамента, либо принимать настоящее как строгую копию усвоенного ранее. Отсюда и беды текущего дня воспринимаются одними как кара за измену историческому ритуалу, другими — как плата за промедление, политическую осторожность по отношению к новому плану жизни. Противостоящие едины в одном — в насилии над Временем...

Мы, учившие весь мир диалектике, так и не сумели вывести ее из академических потемок, из провинциального благоговения на свет божий, сделать рабочим инструментом жизни. Не остервенелое преодоление Прошлого нам необходимо и не торжественное перенесение святых его мощей в сегодняшний день, а терпеливое взращение Настоящего из Прошедшего — очищающее отрицание и творческое усвоение одновременно. Не тут ли путь в Будущее? Но и здесь открываются нам бездны идейных расхождений. «...Альтернатива состоит не в том, быть или не быть перестройке.., а какою быть перестройке — революционной (радикальной) или эволюционной (либерально-консервативной)» (Т. Заславская).

Каковы же общие контуры радикальной перспективы, политической философии будущего общественного устройства? «Частное предпринимательство необходимо, но подлежит контролю» (Н. Амосов). «Только рыночная экономика с ограниченным административным воздействием государства на ее развитие может реанимировать наше народное хозяйство. Другого пути у нас просто нет» (Т. Корягина). «Конечной целью перемен является свободный рынок со свободной конкуренцией... Массам новая система сулит дифференциацию доходов. Им придется бороться за то, чтобы одна часть общества смогла зарабатывать адекватно больше другой. Плата в виде роста богатства одних станет базой увеличения общего уровня благосостояния всех» (Г. Попов).

А вот слово стороны противоположной: «Держава, ищущая спасения не в духовности, а в лавочнике, обречена... Пора прекратить лгать о западном благоденствии, протаскивать самые плебейские варианты западной «потребиловки»... Наши основные темы таковы: духовность, новые технологии, государственность, социальная справедливость» (С. Кургинян). «По экономике нам не догнать ни Японию, ни ФРГ, по уровню жизни — Швецию, по индустрии развлечений — Америку... Да это и не наш путь... У нашего народа неисчерпаемое терпение...» (В. Крупин). «Мы попадем в капканы, хитроумно расставленные мировым финансовым капиталом... Необходимо равнение на свои силы, поиск собственного пути. Народ, ощутивший себя единой семьей, где каждая личность на счету как часть нации,— такой народ способен творить чудеса. Мы же страна, не имеющая ныне великой национальной идеи» (М. Антонов).

О чем бы ни спорили консерваторы с радикалами — о приоритете державы или главенстве личности, о пользе объединяющей национальной идеи или плодотворности демократического разномыслия, о свободе совести или свободе от совести — расхождение взглядов очевидно. Одни хотели бы для огромной страны какого-то неосуществимого уединения, готовы вслед за протопопом Аввакумом печально воскликнуть: «Ох, бедная Русь! Что это тебе захотелось латинских обычаев и немецких поступков?» — и при этом увековечить легендарное народное терпение и аскетизм, сталкивая лбами столь необходимую нам высокую духовность с не менее желаемым достатком.

Другие жаждут поскорее заполучить чужие «плюсы», счастливо избежав при этом обязательных «минусов». Но разве не ясно, что, снимая меблированную комнату, мы вместе с мягким диваном получаем и клопов?

БАЛАНС ИЛИ ПЕРЕВЕС?

«Нам бы попытаться сочетать... различные точки зрения, а мы развлекаемся болтовней о них и противопоставляем одного философа другому».

Люк ВОВЕНАРГ.

По всему видно, что разномыслие у нас пускает крепкий корень, оно уже никого не шокирует, как прежде, не влечет за собой идеологических репрессий. Больше того, его считают условием полнокровного политического существования.

Сразу после первого Съезда народных депутатов, на котором, как известно, в разногласиях недостатка не было, социологи провели опрос общественного мнения с целью прояснить среди прочего и отношение к феномену политических расхождений. Результат оказался в высшей степени примечательным: 8% посчитали разномыслие вредным, 34% — естественным, не мешающим делу. Половина опрошенных увидела в разногласиях пользу, возможность обогатить любое решение, избежать пагубной односторонности.

Разномыслие так стремительно вошло в наш общественный обиход не только потому, что мы смертельно устали от показного единодушия и политической лжи. Причина глубже — на смену этике самоотречения, которую многие годы исповедовало старшее поколение, жертвуя во имя будущего земными благами и даже суверенитетом личности, пришла крайность иная — этика самоутверждения, когда личный и групповой эгоизм, нетерпимость становятся делом обычным.

«Удовлетвори все свои желания!» — вот что начертано на новом знамени. Нельзя не видеть опасности этого девиза, предполагающего моральное оправдание всякого вызова, противопоставления, стирающего грань между желанием социально полезным и разрушающим.

Прислушиваться к собственному голосу и потакать только собственным интересам — это в конечном счете этика самоистребления. У нее нет положительной перспективы. Ей на смену должна наконец прийти этика ответственности, этика обязательств. Демократия предполагает не только право на самоопределение личности, инакомыслие, но и сознательное предпочтение обязанностей своим правам, известную долю самоограничения, компромисс...

Подлинная свобода мнений упраздняет доблесть конфронтации, диссидентства и возводит в надлежащий сан доблесть согласия, когда ни одна из сторон не теряет лица, не закладывает в политическом ломбарде своих принципов, но взыщет приемлемого компромисса, а вместе с ним и положительного результата. Вспомним слова А. Чехова о том, что для ленивого ума легче отрицать, чем утверждать. Без этого нет гражданского мира, но всегда будет угроза гражданской войны. Одну мы уже пережили и знаем ей цену.

Одностороннее притязание на истину социального рая не есть свобода. Скорее — своя пошлая тирания. Нам надо быстрее освободиться от этой групповой самоуверенности, понять, наконец, органическую невозможность преодолеть в одиночку неизбежные крайности собственного взгляда на вещи, искушение непременного идейного перевеса. Еще В. Соловьев писал, что партийная борьба может быть бескорыстной, «но не может быть правдивою, ибо она заставляет видеть все в белом цвете на своей стороне и все в черном — на стороне враждебной, а такого равномерного распределения цветов на самом деле не бывает и не будет по крайней мере до страшного суда».

У нас не сложилась социальная культура конфликта, нет большого исторического опыта согласования интересов. Поэтому нам нужна, крайне необходима **этика согласия.** Не единства, которое вряд ли достижимо при таком разбросе интересов, а именно согласия противостоящих.

Согласие прагматично. Оно не исключает трезвого политического расчета. Но оно и нравственно, потому что помогает преодолеть нетерпимость эгоизма, учит великодушию и благородству, качествам, о которых мы давно позабыли. Не зря возник в нашем сознании требовательный образ утерянного, но желанного Храма — воплощения общественного идеала гражданского согласия.

Согласие не исключает временного преобладания каких-либо тенденций — радикальных или консервативных. Общественная погода переменчива. Но курс, изменяемый в соответствии с господствующими ветрами, не должен обновляться путем дворцовых переворотов. Можно сослаться на опыт США, где в конце 70-х — начале 80-х годов стоявшие у власти либералы не смогли остановить экономического падения и отдали политическую инициативу консерваторам. Их лозунги индивидуализма, борьбы с государственной бюрократией, возврата к старой морали оказались более приемлемыми для избирателей. Консерваторы победили, но победа эта была мирным политическим компромиссом. Никто не требовал «решительно покончить», «запретить», «предать анафеме» идейных оппонентов.

Но не будем ходить за океаны. У нас самих есть немало исторического опыта — и хорошего, и дурного, который подсказывает верное решение. «Литература, искусство, наука, религии вырождаются,— писал в начале века русский философ и публицист С. Франк,— когда в них борьба с чужими взглядами вытесняет самостоятельное творчество новых идей; нравственность гибнет, когда отрицательные силы порицания, осуждения, негодования начинают преобладать в моральной жизни над положительными мотивами любви, одобрения, признания... Борьба.., если она вытесняет подлинно производительный труд, это приводит к обнищанию и упадку в соответствующей области жизни».

А вот, будто зовет нам, слово современника С. Франка, русского философа С. Булгакова: «...Общество не может развиваться и жить без известного этического минимума солидарности и взаимного понимания, как бы ни было сложно и многоразлично оно по своему составу, иначе оно распадется на несколько враждующих тел, а в конце концов атомизируется».

Николай МИХАЙЛОВ,
доктор философских наук

ЛИЧНЫЙ КОНФЛИКТ

ОБ ОТНОШЕНИИ В. И. ЛЕНИНА К И. В. СТАЛИНУ В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках. 1922 год, август — сентябрь.

Фото М. И. УЛЬЯНОВОЙ

«Товарищу Сталину
Копия: Каменеву и Зиновьеву.
Уважаемый т. Сталин.

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против моей жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением ЛЕНИН
5 марта 1923 года»[1].

В марте 1989 года в журнале «Известия ЦК КПСС» был опубликован — впервые в нашей стране — доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», сделанный на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года. Среди других ранее неизвестных документов, которые обнародовал в своем докладе Хрущев, критикуя Сталина, было это короткое письмо.

Комментарий Хрущева, прочитавшего ленинское письмо делегатам съезда, был кратким. Он сказал: «Если Сталин мог так вести себя при жизни Ленина, мог относиться к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знает и высоко ценит как верного друга Ленина и активного борца за дело нашей партии с момента ее зарождения, то можно представить себе, как обращался Сталин с другими работниками...»[2].

Таким образом, Хрущев привел это письмо с единственной целью — показать грубость Сталина. Но что стояло за этим документом? Какие события? В чем суть конфликта между Сталиным и Крупской, на который так резко отозвался Ленин? Имел ли этот инцидент продолжение? На эти вопросы в докладе Хрущева ответов нет. Более того, многие документы, проливающие свет на эту историю, так и не были опубликованы после XX съезда и стали известны лишь в самое последнее время. Сегодня мы имеем возможность достаточно полно восстановить сюжетную канву конфликта.

ЧЕГО ДОБИВАЛСЯ СТАЛИН?

В последних числах мая 1922 года произошел первый приступ болезни Ленина, приведший к частичному параличу правой руки и правой ноги и расстройству речи. И хотя, находясь в Горках, Ленин продолжает активно заниматься политической деятельностью — встречается с соратниками, вносит предложения на заседания Политбюро, ведет деловую переписку и тому подобное,— хотя лучшие врачи, в том числе приглашенные из Германии, делают все, чтобы восстановить его здоровье, тем не менее всем ясно, что состояние здоровья Ильича внушает серьезные опасения. В связи с этим 6 октября 1922 года Пленум ЦК РКП(б) возлагает на Сталина «персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки»[3].

Понятно, что в основе этого решения лежала забота о здоровье Ленина. Но не только она. Именно в это время в Политбюро[4] начинается пока еще подспудное, но с каждым месяцем обостряющееся противоборство между Сталиным и Троцким. Сталин прекрасно понимает, что Троцкий — единственный по-настоящему сильный противник в борьбе за власть. Авторитет Троцкого в партии неизмеримо выше сталинского. О стране и говорить нечего: трудящиеся массы практически не знают Сталина, в то время как имя Троцкого, вождя Красной Армии, блестящего оратора и публициста, известно каждому. В партийных низах и народном мнении Троцкий — правая рука Ленина.

В этих условиях главную задачу Сталин видит в том, чтобы дезавуировать фигуру Троцкого как возможного преемника Ленина в руководстве партией и государством. А для этого необходимо прежде всего оградить больного Ленина от каких бы то ни было контактов с Троцким, разрушить впечатление об их особой близости в последний период жизни Ильича, не допустить блока Троцкого с Лениным в решении тех политических вопросов, которые дискутируются в партии,— будь то вопрос о создании Союза советских республик, о монополии внешней торговли или любой другой. Надо ли говорить, что решение ЦК, возлагающее на Сталина «персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича», оказалось для рвавшегося к власти генсека как нельзя более кстати, если не сказать подарком судьбы! Отныне он получал возможность контролировать каждый шаг больного Ленина, каждую его встречу, каждую строчку его переписки. Для этого у Сталина были в ленинском окружении свои, особо доверенные «информаторы» — среди них Л. А. Фотиева, одна из дежурных секретарей Ленина, и врач Розанов.

Период некоторого улучшения здоровья Ленина (с 1 октября врачи разрешили ему приступить к работе) длился недолго. В середине декабря 1922 года два тяжелейших приступа резко ухудшили физическое состояние. «С большим трудом,— говорится в истории болезни,— удалось уговорить Владимира Ильича не выступать ни в каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы. Владимир Ильич в конце концов на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела»[1].

Одним из таких дел был предстоящий Пленум ЦК, на котором Ленин собирался добиться отмены ранее принятого решения Политбюро по вопросу о внешней торговле. Поскольку Ленин сам уже не мог участвовать в работе Пленума, он разослал членам ЦК ряд писем, где изложил свое мнение по этому вопросу. Особая надежда возлагалась на Троцкого, позиция которого в данном случае совпадала с ленинской. Усилия увенчались успехом: состоявшийся 16 декабря Пленум ЦК РКП(б) поддержал предложения Ленина. К Троцкому из Горок ушла записка следующего содержания:

«Лев Давыдович,

Профессор Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам.

«Тов. Троцкий!

Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фрак. съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции.

Н. Ленин».

Владимир Ильич просит также позвонить ему ответ.

Н. К. Ульянова.

21.XII.22 г.»[2]

Эта-то записка Ильича и вызвала ярость Сталина. Он обрушился с грубыми нападками на Крупскую, которая якобы без разрешения врачей нарушила режим лечения Ленина. Вот как писала об этом сама Надежда Константиновна в письме Каменеву от 23 декабря.

«23/XII

Лев Борисыч,

по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию[3], как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня

[1] «Известия ЦК КПСС», 1989, № 3, с.128—166.
[2] «Известия ЦК КПСС», 1989, № 3, с.131.
[3] ЦПА ИМЛ, ф.17, оп.2, д.66, л.5 и об.; автограф Л. А. Фотиевой.— «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12.
[4] В Политбюро, избранном на Пленуме ЦК РКП(б) 3.IV.1922 г., кроме В. И. Ленина входили: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий (члены); Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, В. М. Молотов (кандидаты).

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т.45, стр.708.
[2] Ленин В. И., ПСС, т.54, с.327—328, 672.
[3] Г. Е. Зиновьев.

нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности.
Н. Крупская»[1].

Сталин узнал о ленинской записке от Каменева, с которым, в свою очередь, поделился Троцкий. Напомню, что в то время Каменев, Зиновьев и Сталин действовали заодно против Троцкого и за спиной Троцкого. Поэтому Каменев, узнав о ленинском послании, поспешил проинформировать Сталина. Вот письмо, найденное в партийном архиве.

«Иосиф,

Сегодня ночью звонил мне Тр. Сказал, что получил от Старика[2] **записку, в которой Ст., выражая удовольствие принятой пленумом резолюцией о Внешторге, просит, однако, Тр. сделать по этому вопросу *доклад на фракции съезда***[3] **и подготовить тем почву для постановки этого вопроса на *партсъезде***[4]**. Смысл, видимо, в том, чтобы закрепить сию позицию. Своего мнения Тр. не выражал, но просил передать этот вопрос в комиссию ЦК по проведению съезда. Я ему обещал передать тебе, что и делаю.**

Не мог тебе дозвониться.

В моем докладе я имею в виду *горячо* преподнести решение пленума ЦК.

Жму руку Л. Кам[енев]

Я имею в виду приехать завтра, ибо материалов для доклада такая куча, что я в них тону и не справляюсь.
Л. К.»[5]

Ответ Сталина:

«22/XII—1922 г.

Т. Каменев!

Записку получил. По-моему, следует ограничиться заявлением в твоем докладе, не делая демонстрации на фракции, как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера[6].
И. Сталин»[7].

Ленин еще ничего не знал о происшедшем инциденте. Надежда Константиновна тогда не рассказала ему о телефонном звонке Сталина, так как в ночь с 22 на 23 декабря произошло дальнейшее ухудшение состояния здоровья Ленина: вновь наступил паралич правой руки и правой ноги. Понимая, чем это грозит, Ленин потребовал, чтобы ему было разрешено ежедневно, хотя бы в течение короткого времени, диктовать его «дневник» (на самом деле он имел в виду «Письмо к съезду», где решил поставить вопрос о замене Сталина на посту генсека). Посовещавшись с врачами, Сталин, Каменев и Бухарин принимают следующее решение:

«1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характер переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений»[8].

Это «предписание» больше похоже на инструкцию по надзору за арестованным, чем на заботу о больном вожде. Сделав телефонный выговор Крупской, Сталин, как видно, решил больше не доверяться случайностям и положить конец всякой переписке и свиданиям Ильича, тем более если они имеют отношение к политической жизни.

«Развязка» конфликта наступила 5 марта 1923 года, когда Ленин узнал о декабрьском телефонном звонке и написал Сталину то письмо, с которого мы начали наши заметки. Для Ленина эта «развязка» была трагической. Волнения, связанные с письмом, привели к резкому ухудшению состояния здоровья: новому приступу болезни, усилению паралича правой части тела и полной потере речи. После 6 марта Ленин уже не продиктует ни одной строчки.

Получив ленинскую записку, Сталин ответил письмом следующего содержания (оригинал сохранился в архивах партии):

«Т. Ленину от Сталина.
Только лично.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят.
И. Сталин»[1].

Если это и можно назвать извинением, то весьма своеобразным. Сталин сделал вид, что не понимает, в чем его вина и чего от него хотят. Он как бы милостиво снизошел до объяснения с Лениным, сделав ему одолжение («могу взять назад»).

Так закончился этот отнюдь не личный конфликт. Кто мог тогда знать, что через три года он получит новое, совсем неожиданное продолжение.

«Я НЕ СКАЗАЛА ВСЕЙ ПРАВДЫ»

Как известно, триумвират «Сталин — Каменев — Зиновьев» просуществовал недолго. В 1926 году Каменев и Зиновьев, спохватившись и испугавшись узурпации власти Сталиным, объединились с Троцким в борьбе против сталинского руководства. Оппозицию активно поддержали многие видные партийные, хозяйственные и военные работники. До осени 1926 года в рядах оппозиционеров была и Н. К. Крупская.

Острая борьба между сторонниками Сталина и оппозицией развернулась на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), который состоялся в июле 1926 года. Там-то и раздалось «эхо» ленинского письма от 5 марта 1923 года. О нем рассказал участникам Пленума Зиновьев, который обвинил Сталина в сокрытии этого письма от ЦК. Оппозиция напомнила и о других последних письмах Ленина («Письмо к съезду», «К вопросу о национальностях или об автономизации»), где содержались негативные оценки Сталина.

Сторонники Сталина оказались в трудном положении, которое, напомню, усугублялось тем, что среди оппозиционеров был живой свидетель инцидента между Сталиным и Лениным — Н. К. Крупская. Пришлось срочно искать других свидетелей, которые могли бы «нейтрализовать» Крупскую и подтвердить, что отношения между Лениным и Сталиным в последний период жизни Ильича были прекрасными, а ленинская записка, как и телефонный звонок Сталина Крупской, не более чем личное недоразумение.

И такого свидетеля найти удалось. Им стала под давлением Сталина и Бухарина младшая сестра Владимира Ильича Мария Ильинична Ульянова. Ее свидетельство, несомненно, должно было произвести впечатление на участников Пленума, так как все знали, что в последние дни жизни Ленина она находилась безотлучно рядом с ним.

[1] См. Ленин В. И., ПСС, т.54, с.674—675. Впервые данное письмо было оглашено Н. С. Хрущевым в докладе «О культе личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда КПСС (См. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 3, с.130—131).
[2] Один из псевдонимов В. И. Ленина.
[3] Имеется в виду предстоящий X Всероссийский съезд Советов, 23—26 декабря 1922 г.
[4] Речь идет о подготовке XII съезда партии, который состоялся 17—25 апреля 1923 г.
[5] «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12.
[6] Врач, лечивший В. И. Ленина. Утверждение о его «абсолютном запрещении» неверно: Н. К. Крупская продиктовала ленинскую записку с разрешения врачей (См. Ленин В. И., ПСС, т.54, с.327,872).
[7] «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12.
[6] См. Ленин В. И., ПСС, т.45, с. 710.

[1] «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12.

Было решено, что М. И. Ульянова выступит на пленуме с заявлением. Более того, видимо, стремясь избежать нежелательных «случайностей», Бухарин собственноручно написал черновик заявления. В архивах партии этот черновик сохранился, и читатель имеет возможность сравнить его с тем заявлением, которое сделала М. И. Ульянова. Вот эти два документа.

ФРАГМЕНТ ЧЕРНОВИКА, НАПИСАННОГО Н. И. БУХАРИНЫМ ДЛЯ ЗАЯВЛЕНИЯ М. И. УЛЬЯНОВОЙ В ПРЕЗИДИУМ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК

(не позднее 26 июля 1926 г.)

«Ввиду систематических нападок на тов. Сталина со стороны оппозиционного меньшинства ЦК и непрекращающихся утверждений о чуть ли не полном разрыве со Сталиным со стороны Ленина, я считаю себя обязанной сказать несколько слов об отношении Ленина к Сталину, ибо все последнее время жизни В. И. я была с ним.

Влад. Ильич чрезвычайно ценил Сталина и притом настолько, что и во время первого удара, и во время второго удара В. И. обращался к Сталину с самыми интимными поручениями, подчеркивая при этом, что он обращается именно к Сталину.

Вообще, в самые тяжелые моменты болезни В. И. не вызывал ни одного из членов ЦК и ни с кем не хотел видеться, вызывал лишь Сталина. Таким образом, спекуляция на том, что В. И. относился к Сталину хуже, чем к другим, является прямой противоположностью по отношению к истине».

А вот заявление М. И. Ульяновой в президиум Пленума ЦК и ЦКК, датированное 26 июля 1926 года.

«В ПРЕЗИДИУМ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК и ЦКК.

Оппозиционное меньшинство ЦК ведет за последнее время систематические нападки на т. Сталина, не останавливаясь даже перед утверждением о якобы разрыве Ленина со Сталиным в последние месяцы жизни В. И. В целях восстановления истины я считаю своей обязанностью сообщить товарищам в кратких словах об отношении Ленина к Сталину за период болезни В. И.*, когда я была неотлучно при нем и выполняла ряд его поручений.

В. И. очень ценил Сталина. Показательно, что весной 1922 г., когда с В. И. случился первый удар, а также во время второго удара в декабре 1922 г., В. И. вызывал к себе Сталина и обращался к нему с самыми интимными поручениями, поручениями такого рода, что с ними можно обратиться лишь к человеку, которому особенно доверяешь, которого знаешь как истинного революционера, как близкого товарища. И при этом Ильич подчеркивал, что хочет говорить именно со Сталиным, а не с кем-либо иным. Вообще за весь период его болезни, пока он имел возможность общаться с товарищами, он чаще всего вызывал к себе т. Сталина, а в самые тяжелые моменты болезни вообще не вызывал никого из членов ЦК, кроме Сталина.

Был один инцидент между Лениным и Сталиным, о котором т. Зиновьев упомянул в своей речи и который имел место незадолго до потери Ильичем речи (март 1923 г.), но он носил *чисто личный характер и никакого отношения к политике не имел*. Это т. Зиновьев хорошо знает и ссылается на него было совершенно напрасно. Произошел этот инцидент благодаря тому, что Сталин, которому по требованию врачей было поручено Пленумом ЦК следить за тем, чтобы Ильичу в этот тяжелый период болезни не сообщали политических новостей, чтобы не взволновать его и не ухудшить его положения, отчитал его семейных за передачу такого рода новостей. Ильич, который случайно узнал об этом,— а такого рода режим оберегания его вообще всегда волновал,— в свою очередь отчитал Сталина. Т. Сталин извинился и этим инцидент был исчерпан. Нечего и говорить, что если бы Ильич не был в то время, как я указала, в очень тяжелом состоянии, он иначе реагировал бы на этот инцидент. Документы по поводу этого инцидента имеются и я могу по первому требованию ЦК предъявить их.

Я утверждаю таким образом, что все толки оппозиции об отношении В. И. к Сталину совершенно не соответствуют действительности. Отношения эти были и остались самыми близкими и товарищескими.

М. Ульянова.

26 июля 1926 г.[1]**»**

Итак, М. И. Ульянова засвидетельствовала «чисто личный характер» инцидента между Лениным и Сталиным и уверила Пленум ЦК в том, что их отношения «были и остались самыми близкими и товарищескими». Сталин и его сторонники могли торжествовать.

Но, как отметила позднее сама Мария Ильинична, она не сказала в этом своем заявлении «всей правды». Интересы внутрипартийной борьбы показались ей в то время важнее. Тем не менее потребность сказать партии «всю правду» в конце концов взяла верх. В личном архиве М. И. Ульяновой были обнаружены ее записки, являющиеся, по-видимому, частью неопубликованных воспоминаний о Ленине.

Вот этот документ.

«В своем заявлении на пленуме ЦК я написала, что В. И. ценил Сталина. Это, конечно, верно. Сталин — крупный работник, хороший организатор. Но несомненно и то, что в этом заявлении я не сказала всей правды о том, как В. И. относился к Сталину. Цель заявления, которое было написано по просьбе Бухарина и Сталина, было ссылкой на отношение к нему Ильича, выгородить его несколько от нападок оппозиции. Последняя спекулировала на последнем письме В. И. к Сталину, где ставился вопрос о разрыве отношений с ним. Непосредственной причиной этого был личный момент — возмущение В. И. тем, что Сталин позволил себе грубо обойтись с Н. К. Этот личный только и преимущественно, как мне казалось тогда, мотив Зиновьев, Каменев и др. использовали в политических целях, в целях фракционных. Но в дальнейшем, взвешивая этот факт с рядом высказываний В. И., его политическим завещанием, а также всем поведением Сталина со времени, истекшем после смерти Ленина, его «политической» линией, я все больше стала выяснять себе действительное отношение Ильича к Сталину, в последнее время его жизни. Об этом я считаю своим долгом рассказать хотя бы кратко.

У В. И. было очень много выдержки. И он очень хорошо умел скрывать, не выявлять отношения к людям, когда считал это почему-либо более целесообразным. Я помню, как он скрывался в своей комнате, закрывал за собой дверь, когда в нашей квартире появлялся один служащий ВЦИКа, которого *он* не переваривал. Он точно боялся встретиться с ним, боялся, что ему не удастся сдержать себя и его действительное отношение к этому человеку проявится в резкой форме.

Тем более сдерживался он по отношению к товарищам, с которыми протекала его работа. Дело было для него на первом плане, личное он умел подчинять интересам дела и никогда это личное не выпирало и на превалировало у него.

Характерен в этом отношении случай с Троцким. На одном заседании ПБ Троцкий назвал Ильича «хулиганом». В. И. побледнел, как мел, но сдержался. «Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают», что-то вроде этого сказал он на эту грубость Троцкого, по словам товарищей, которые передавали мне об этом случае. Симпатии к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но *он* был большим работником, способным человеком, и В. И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела, сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним. Чего ему это стоило — вопрос другой. Крайне трудно было поддерживать равновесие между Троцким и другими членами ПБ, особенно между Троцким и Сталиным. Оба они — люди крайне честолюбивые и нетерпимые. Личный момент у них перевешивает над интересами дела. И каковы отношения были у них еще в первые годы Советской власти видно из сохранившихся телеграмм Троцкого и Сталина с фронта к В. И.

Авторитет В. И. сдерживал их, не давал этой неприязни достигнуть тех размеров, которых она достигла после смерти

* Я не буду касаться здесь времени, предшествующего его болезни, относительно которого у меня есть ряд доказательств проявления самого трогательного отношения В. И. к Сталину, о чем члены ЦК знают не менее меня.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 246, вып. IV, л. 104 — «Известия ЦК КПСС» 1989, № 12.

В. И. Думею, что по ряду личных причин и к З(иновьеву) отношение В. И. было не из хороших. Но и тут опять-таки сдерживал себя ради интересов дела.

Отношения В. И. к его ближайшим товарищам по работе, к членам ПБ, мне приходилось ближе наблюдать летом 1922 г. во время первой болезни В. И., когда я жила с ним вместе, почти не отлучаясь.

Еще до того я слышала о некотором недовольстве В. И. Сталиным. Мне рассказывали, что, узнав о болезни Мартова, В. И. просил Сталина послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря»,— сказал ему Ст(алин). В. И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Ст. Были ли другие поводы для недовольства им со стороны В. И.? Очевидно, были. Шкловский рассказывал о письме к нему В. И. в Берлин, где в то время был Шк. По этому письму было видно, что под В. И., так сказать, подкапываются. Кто и как — это остается тайной.

Зимой 20—21, 21—22 г. В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В. И. сказал Сталину, что он вероятно, кончит параличем и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Ст. обещал. Почему В. И. обратился с этой просьбой к Ст.? Потому что он знал его как человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой.

С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара. В. И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Ст. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Ст. пробыл у В. И. действительно минут 5 не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его достать ему яд, т. как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И., и Ст. вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И., и Сталин вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно, и время исполнить его просьбу не пришло. В. И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: «Лукавите?» «Когда же Вы видели, чтобы я лукавил»,— ответил ему Сталин. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. не стал поправляться и ему не были разрешены свидания с товарищами.

В это время Сталин бывал у него чаще других. Он приехал первым к В. И. Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр. В этот и дальнейшие приезды они говорили и о Троцком, говорили при мне, и видно было, что тут Ильич был со Сталиным против Троцкого. Как-то обсуждался вопрос о том, чтобы пригласить Троцкого к Ильичу. Это носило характер дипломатии. Такой же характер носило и предложение, сделанное Троцкому о том, чтобы ему быть заместителем Ленина по Совнаркому. В этот период к В. И. приезжал и Каменев, Бухарин, но Зиновьева не было ни разу, и насколько я знаю, В. И. ни разу не высказывал желания видеть его.

Вернувшись к работе осенью 1922 г., В. И. нередко по вечерам видался с Каменевым, Зиновьевым и Сталиным в своем кабинете. Я старалась иногда по вечерам разводить их, напоминая запрещение врачей долго засиживаться. Они шутили и объясняли свои свидания просто беседой, а не деловыми разговорами.

Большое недовольство к Ст. вызвал у В. И. национальный, кавказский вопрос. Известна его переписка по этому поводу с Троцким. Видимо, В. И. был страшно возмущен и Сталиным, и Орджоникидзе, и Дзержинским. Этот вопрос сильно мучил В. И. во все время его дальнейшей болезни.

Тут-то и присоединился тот конфликт, который повел за собой письмо В. И. к Сталину от 5/III—23, которое я приведу ниже. Дело было так. Врачи настаивали, чтобы В. И. не говорили ничего о делах. Опасаться надо было больше всего того, чтобы В. И. не рассказала чего-либо Н. К., которая настолько привыкла делиться всем с ним, что иногда совершенно непроизвольно, не желая того, могла проговориться. Следить за тем, чтобы указанное запрещение врачей не нарушалось, ПБ поручило Сталину. И вот однажды узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н. К. с В. И., Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, очевидно, что до В. И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В. И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н. К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр. Об этом выговоре она рассказала В. И. через несколько дней, прибавив, что они со Сталиным уже помирились. Сталин, действительно, звонил ей перед этим и, очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н. К. его выговором и угрозой. Но об этом же крике Ст. по телефону она рассказала Каменеву и Зиновьеву, упомянув, очевидно, и о кавказских делах. Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В. И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид: «Я сегодня всю ночь не спал»,— сказал он мне. «За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь». Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются. «А»,— возразил В. И. «И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя». Ильич усмехнулся и промолчал. «Что же,— спросила я,— передать ему и от тебя привет?» «Передай»,— ответил Ильич довольно холодно. «Но, Володя,— продолжала я,— он все же умный, Сталин». «Совсем он не умный»,— ответил Ильич решительно и поморщившись. Продолжать разговора я не стала, а через несколько дней В. И. узнал, что о том, что Сталин грубо обошелся с Н. К., знают и Каменев, и Зиновьев, и с утра очень расстроенный попросил вызвать к себе стенографистку, спросив предварительно уехала ли уже Н. К. в Наркомпрос, на что ему ответили положительно. Пришла Володичева и В. И. продиктовал ей следующее письмо к Сталину:

«Строго секретно. Лично. Уважаемый товарищ Сталин. Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин». Записано М. В. 5/III-23 г.

Письмо это В. И. просил Володичеву отправить Сталину, не говоря о нем Н. К., а копию в запечатанном конверте передать мне.

Но, вернувшись домой, Н. К. по расстроенному виду В. И. поняла, что что-то неладно. И попросила Володичеву не посылать письма. Она, мол, сама поговорит со Сталиным и попросит его извиниться. Так передает Н. К. теперь, но мне сдается, что она не видала этого письма, и оно было послано Сталину, так как хотел В. И. Ответ Сталина несколько задержался, потом решили (д. б. врачи с Н. К.) не передавать его В. И., так как ему стало хуже, итак В. И. не узнал его ответа, в котором Сталин извинялся.

Но как В. И. не был раздражен Сталиным, одно я могу сказать с полной убежденностью. Слова его о том, что Сталин «вовсе не умен», были сказаны В. И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем определенное и сложившееся, которое он и передал мне. Это мнение не противоречит тому, что В. И. ценил Сталина как практика, но считал необходимым, чтобы было какое-нибудь сдерживающее начало некоторым его замашкам и особенностям, в силу которых В. И. считал, что Сталин должен быть убран с поста генсека. Об этом он так определенно сказал в своем политическом завещании, в характеристике ряда товарищей, которые он дал перед своей смертью и которые так и не дошли до партии, но об этом в другой раз»[1].

К сожалению, «другого раза» не представилось. О политическом завещании Ленина, которым стало продиктованное им «Письмо к съезду», партия узнала только после XX съезда партии.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 398, л. 1—8. — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В НАЧАЛЕ — СЛОВО

Владимир КОСТРОВ, заместитель главного редактора журнала «Новый мир»

Наблюдая свободную игру стихий — скажем, штормящего моря,— независимый созерцатель будет переживать и осмысливать картину с позиции субъективного предпочтения. Физик задумается, возможно, о гравитации, биолог — о судьбе живого на отмелях и в пучине, поэт, вероятно, напишет стихи.

Каждый их этих подходов в общем-то правомочен, хотя, конечно, и фрагментарен.

Та действительность, что выплеснулась на экраны наших телевизоров, то кипение эмоций, что захлестывает страницы изданий, площади и стадионы, то борение страстей и интересов, которое идет на съездах и конференциях,— не море ли штормящее, где человек ищет путеводную звезду или парус одинокий, чтоб определиться, выстоять, просто выжить?

Недаром в сумятице перестроечных будней мы все чаще начинаем уповать на чудо, на волю, явленную нам в образах целителей и прорицателей, ищем пророка, который привел бы нас в землю обетованную.

И не правомочно ли будет посмотреть на этот безумный мир глазами художника, увидеть его эстетическим и этическим «глазом»?

Да. «В начале было слово».

Ведь кто-то должен ответить перед потомками за обилие безответственных радикальных рекомендаций, подобно раскаленным камням бросаемых в кипящую толпу возбужденными ораторами. Неужели непременно нужно сначала воскликнуть «Пусть сильнее грянет буря!», чтобы потом, страдая, писать «Несвоевременные мысли»?

Кровавые события всегда сначала формулируются. Кем-то они исторически обоснованы. Кем-то заранее морально оправданы. Кем?

Эстетическое и стоящее за ним этическое чувство, на мой взгляд, многое может нам подсказать.

Недаром мудрый Эйнштейн считал эстетическое ощущение одним из признаков правильности естественнонаучной гипотезы или теории. Скажем, даже само словосочетание «правовое государство» еще без рассмотрения его глубокого смысла вызывает у нормального человека сочувствие и интуитивное одобрение.

Это же эстетическое чувство страдает, если видим на трибуне депутата, подменяющего аргументы грубостью, размахивающего руками, пышущего злобой против несогласного с ним.

Я думаю: если человек ведет себя так, еще не обладая реальной властью, если он высокомерен и нетерпим, как же будет он подавлять других, получив власть!

Этический критерий должен бы подсказать некоторым межрегиональным и московским интеллектуалам, что они не смогут решить не только проблемы страны, но и проблемы своей группы, своего слоя без согласительного и разъяснительного диалога с рабочими и крестьянскими общественными образованиями.

А что могут совершить «Объединенный фронт трудящихся» или аграрии без союза с наукой и культурой?

А сами рекомендации? Слушая их, ты все время ощущаешь, что тебя хотят запугать, устрашить ужасами стагнации, забастовок, развала, если ты не последуешь программе рекомендующего.

Где вы, достоинство, мужество, умение выслушать и понять оппонента?

Защитников безудержной кооперации я спрашиваю: неужели вы считаете справедливым существование торгово-закупочных кооперативов, перепродающих дотированную государством продукцию и таким образом заставляющих народ платить, нет, не дважды, а пятижды и десятижды?

У огульных могильщиков кооперации и частной собственности неплохо было бы осведомиться, как собираются они покончить с дефицитом, с равенством в нищете, с неконкурентностью на мировом рынке без мобильной, динамичной, немонополизированной и несогласовательной экономики?

У народных фронтов и национальных движений я спрошу: можно ли жить рядом с медведем и поджигать ему пятки? Считали ли вы, во что и чем обернутся ваши рекомендации и действия?

И вопрос уже ко всем: так ли безобидна тень недавнего сумрачного гения, усатого диктатора и отца народов? Альтернативой анархии и гражданской войне может быть только гражданский диалог, «круглый стол» реальных общественных сил. Условия участия в таком «столе»: признание только конституционных действий, честное заявление о намерениях (программа и отношение ко всем больным вопросам) и, наконец, достаточная массовость движения.

Я думаю, через полгода-год такой диалог начнется, скажем, при комитете конституционного надзора и выработает и предложит съезду наш вариант «всепольского» соглашения, своеобразный политический мораторий, хотя бы на период экономической стабилизации. Только консенсус, пусть временный, даст нам необходимую передышку для экономической стабилизации, ибо хозяйственный кризис питается политической нестабильностью.

В мой прогноз входит и уверенность в том, что будут в той или иной форме восстановлены права частной собственности. А значит, и рыночное регулирование.

Конечно, это всего лишь прогноз стихотворца и от него можно отмахнуться, но иногда «устами младенца глаголет истина».

Более же мрачные предсказания каждый может составить по своему вкусу.

Нам ничего не осталось, кроме стойкости и веры в повседневный труд. С теми же, кто торгует суверенитетом, нам не по пути.

Если некрасиво — значит, неправильно!

Если злобно — значит, несправедливо!

РАКУРС

СИБИРСКАЯ КОМАНДИРОВКА

Рубрику ведет кандидат исторических наук Владимир НИКИТИН

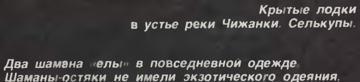

Крытые лодки в устье реки Чижанки. Селькупы.

«Тунтогат» — берестяное жилище остяков. Женщины за приготовлением пищи и выделкой шкур.

Два шамана «елы» в повседневной одежде. Шаманы-остяки не имели экзотического одеяния, принятого при шаманских ритуалах у других народностей.

В 1884 году французский принц Бонапарт подарил Русскому Географическому Обществу коллекцию фотографических портретов индусов, североамериканских индейцев, индонезийцев. Снимки решено было передать на хранение в библиотеку Общества, а принцу «послать в дар альбом снятых членом-сотрудником А. В. Адриановым фотографических видов местностей Северо-Западной Монголии». Альбом, который преподнесли столь важной особе, был первым опытом в фотографии недавнего выпускника Петербургского университета Александра Васильевича Адрианова (1853—1920).

Блестяще окончив физико-математический факультет, он принял участие в монгольской экспедиции Г. Н. Потанина, где взял на себя естественноисторическую часть исследования. Специально для экспедиции был приобретен новый фотоаппарат. И Адрианов занялся фотографией. Через несколько лет ему, уже известному журналисту, редактору «Сибирской газеты», предложили должность секретаря Томского статистического комитета. Работа, по нашим представлениям, сугубо канцелярская — отчеты, сводки, другие бесконечные бумаги. Но Адрианов рассудил иначе. «С одной стороны человеколюбие, а с другой научный интерес представляются достаточно сильными мотивами для того, чтобы посетить этот несчастный край и возможно ближе с ним познакомиться»,— писал он, отправляясь в Нарым (северную часть Томского уезда). Да, край этот имел печальную славу. В разные годы там побывали в ссылке декабристы, народники, а позже — большевики. Русского неселения в этих местах почти не было, лишь в устьях притоков Оби изредка встречалась одинокая избенка — пристанище русского

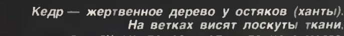

Кочующие тунгусы (эвенки), которые из-за голода, трудных в погодном отношении зим стали с 80-х годов XIX ве ерекочевывать в Нарымский край, где были более удобные места для оленеводства.

крестьянина, промышлявшего в зимнее время торговлей с «инородцами». Далеко отстояли друг от друга затерянные среди лесов и болот поселения остяков (ханты). Их численность не превышала нескольких сотен человек. Жилось тяжело, население вымирало от болезней и водки, которая хлынула сюда вместе с начавшейся колонизацией. Местная администрация редко добиралась до отдаленных нарымских уголков, мало знали об этом крае и ученые.

Фотографии Адрианова открыли Нарым широкой публике. Мастер рассматривал свои снимки как «инструмент для изучения народностей» и уделял большое внимание быту, промыслам, религиозным обрядам. Ни до, ни после фотографам не удавалось в таком объеме и многообразии представить жизнь обитателей этих мест.

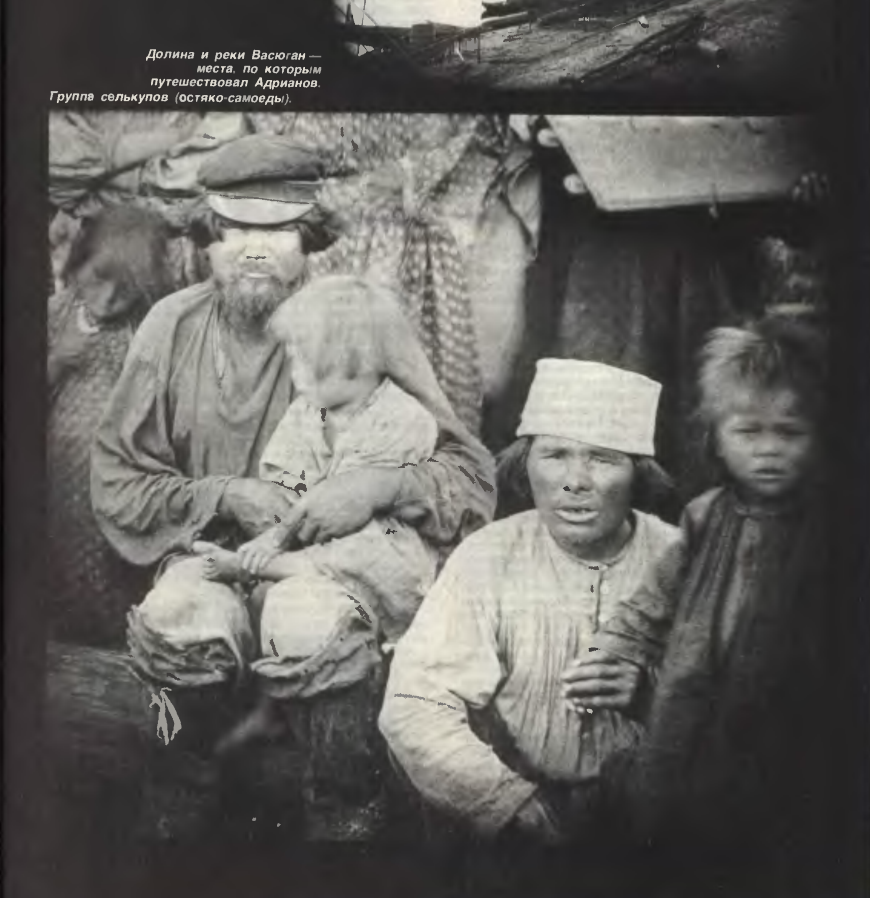
К сожалению, неизвестна судьба негативов Адрианова. Отпечатки с них уже после его смерти сделал, по-видимому, не очень опытный лаборант. Но даже они, технически весьма несовершенные, говорят о незаурядном таланте фотографа. Адрианов остро чувствовал свет, фактуру, точно передавал настроение, умел запечатлевать мимолетные ситуации. Он был знаменит как путешественник, этнограф, ботаник, археолог; в биографическом словаре Венгерова, изданном в 1889 году, о нем говорится как о «наиболее видном представителе современной сибирской журналистики». Читая такие отзывы, хочется добавить: он был и выдающимся фотографом.

Кедр — жертвенное дерево у остяков (ханты). На ветках висят лоскуты ткани, платки — дар духам, покровителям данного места.

Долина и реки Васюган — места, по которым путешествовал Адрианов. Группа селькупов (остяко-самоеды).

О ЧЕМ МОЛЧАТ УЧЕБНИКИ

Несомненно, фантасмагорическая идея министерства правды в романе Дж. Оруэлла «1984» навеяна образом сталинской историографии. Манипуляция фактами становится насущной необходимостью, только таким способом разрешается противоречие, когда, с одной стороны, все здание государственной идеологии базируется на убеждении, что Старший Брат всемогущ, в партия непогрешима, с другой, очевидно, что Старший Брат часто бессилен и партии непогрешимость отнюдь не свойственна. «Прошлое есть то,— замечает Оруэлл,— что соглашается с записями и воспоминаниями. А поскольку партия полностью распоряжается документами и умами своих членов, прошлое таково, каким его желает сделать партия».

Нельзя бывшее сделать небывшим, полагал Ленин. Можно, можно, можно! — твердили те, кто сладострастно ставил штамп «Проверено» даже на сочинениях Тита Ливия и протопопа Аввакума. Логика истории подправлялась и выпрямлялась, чтобы приобрести тождество с прямолинейностью «Краткого курса». Клио вытягивалась во фрунт и ела глазами начальство. Уловить колебание «генерального курса» и соответственно резонировать — к этому, в сущности, сводилось нехитрое ремесло историка времен культа.

И не только культа. У нас на памяти почти мистическое перемещение центральных событий минувшей войны то на Украинский фронт вслед за Хрущевым, то на Малую землю — вслед за Брежневым. А что? Своя рука — владыка. Тем более что имеется армия чиновников означенного министерства, всегда готовых лгать и переписывать, переписывать и лгать.

Из тезиса Маркса о развитии общества как естественноисторическом процессе следует, что власть над прошлым означает уверенность в настоящем и надежду на будущее. Этим и определяется значение истории, вот почему сегодня демократизация, идущая в стране, смыкается с глубоким интересом к так называемым «белым пятнам».

Одно из них хотя бы отчасти стирается публикуемым ниже отрывком из воспоминаний И. К. Каховской. Он посвящен событию более чем 70-летней давности — покушению на генерал-фельдмаршала Эйхгорна, главнокомандующего германскими оккупационными войсками на Украине. Положа руку на сердце: что мы знаем об этом? Смеем предположить — ничего. Упоминания о нем исключались из учебников (и даже из специальных работ) по той простой причине, что покушавшиеся принадлежали к партии левых эсеров, о которой в «Кратком курсе» сказано недвусмысленно: враги, кулаки, предатели.

К сожалению, мятеж 6 июля 1918 года отбросил густую тень на все революционные и героические деяния левых эсеров. Когда палитра политической живописи включает в себя лишь два цвета, тот, кто ошибся «сегодня», лишается своего «вчера», не говоря уже о «завтра». Гарантией от непредсказуемого будущего являлась ампутация прошлого, так что история левых эсеров обречена была на вымарывание. При этом ленинский подход к оценке оппонентов — будь то колеблющиеся союзники или даже противники — отбрасывался напрочь. Разумеется, под флагом ленинизма, древко которого достаточно часто употреблялось для «вразумления» неразумеющих.

Между тем Ленин продемонстрировал великолепный образчик объективного и вдумчивого анализа. Мы имеем в виду известный некролог «Памяти тов. Прошьяна». П. Прошьян — член левоэсеровского ЦК, наркомпочтель в правительстве, возглавлявшемся Лениным, принял активное участие в мятеже 6 июля, после его разгрома ушел в подполье, жил и по подложному паспорту, умер от тифа. И об этом-то человеке Ленин пишет сочувственный некролог, в котором отмечает: «А все-таки Прошьяну довелось до июля 1918 года больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 года для ее подрыва».

Возможно, стоит этот «баланс» экстраполировать и на всю деятельность левых эсеров, отказаться от тотального недоверия и, как того требует справедливость, признать их заслуги перед революцией. Тогда покушение, описываемое Каховской, обретет свой истинный смысл.

Еще раз отважимся на предположение: будь Каховская или Донской (непосредственный исполнитель теракта) большевиками, в Киеве были бы и площадь, и улица их имени. А так — ничего, даже мемориальной доски нет. Будто Эйхгорн сгинул сам по себе, как нос гоголевского майора.

При существующем дефиците информации о деятелях левоэсеровской партии нельзя не сказать нескольких слов об авторе мемуаров. Ирина Каховская родилась в 1888 году в семье мелкого чиновника. Участвовала в революции с 1905 года, «инстинктивно захваченная волной движения». В одном из писем, к счастью для нынешних историков перлюстрированных тогдашней полицией, писала, что «сказались традиции семьи, светлый лик Петра Григорьевича» (имелся в виду декабрист Каховский, потомком которого она была).

В 1906 году Каховская становится слушательницей курсов Женского педагогического института в Петербурге, одновременно членом боевой дружины эсеров-максималистов.

Из письма казанской подруге: «Ты называешь нашу революцию бесцельной резней и советуешь ехать кормить голодающих мужиков. Мы же видим спасение и хлеб для мужиков лишь в нашей революции. Спасение в ней и для крестьян, и для рабочих, и для всего честного и мыслящего в России. ...Мы хотим заменить нынешнее разбойничье, гнусное правительство правительством, состоящим из выборных доверенных народа».

дело Эйхгорна

Дружина максималистов, в которую входила 19-летняя Каховская, готовилась казнить судейского чиновника, отомстить за жестокость помощнику пристава Выборгской части. За провалившейся операцией последовал арест, и Санкт-Петербургский военно-окружной суд, приговоривший Каховскую к 20-летним каторжным работам (ввиду несовершеннолетия срок снизили до... 15 лет). Весной 1908 года она была этапирована в Нерчинск, в Мальцевскую тюрьму. Освободила ее лишь Февральская революция 1917 года.

Позднее Каховская вспоминала: «Здание тюрьмы промерзало насквозь. Вода замерзала в камерах. Но вопреки всему — учились. Переводили «Жан-Кристофа», решали задачи, читали группами Тэйлора, Дарвина. ...И так — до ужина. Вечером — приготовление уроков, и философия, и история, и перечитывание классиков... Книги были главным содержанием тюрьмы».

После Февраля Каховская снова в Питере и снова в революции. Она делегат III съезда партии эсеров, примыкает к ее левому крылу. Участвует в создании новой партии — левых социалистов-революционеров. От фракции левых эсеров избирается членом ВЦИК, образованного II съездом Советов. Бурная, но недолгая деятельность на благо революции, как она его понимала.

А затем — бесконечные ссылки. На страницах «Знамени борьбы», органа заграничной делегации партии левых эсеров-максималистов, мы находим три упоминания о Каховской. Первое, 1921 года, сообщает о ее аресте, второе, 1924 года, приветствует освобождение ее из ссылки, третье — об отбывании ссылки в Самарканде в 1927 году вместе с Марией Спиридоновой, Ильей Майоровым, Владимиром Трутовским и другими лидерами левых эсеров. Далее следы ее отыскиваются в сталинских лагерях (могло ли быть по-иному?); Рой Медведев упоминает о ее реабилитации в 1956 году и скорой после этого смерти (она скончалась 1 марта 1960 года).

Воспоминания Каховской (полное заглавие — «Дело Эйхгорна и Деникина» — как из него явствует, они посвящены удачному покушению на Эйхгорна и неудачному на Деникина) извлечены из левоэсеровского сборника «Пути революции», изданного в Берлине в 1923 году (издательство «Скифы»).

Ирина КАХОВСКАЯ

...Когда Брестский мир был окончательно ратифицирован, началась, естественно, напряженная повстанческая борьба на всей территории оккупации. Особенно остро она протекала на Украине и в Белоруссии.

Характер этого движения, в силу сложившейся крайне неблагоприятной внешней обстановки, вскоре после своего начала стал видоизменяться. Партизанские отряды начали группироваться в мелкие трудноуловимые единицы; большие скопления сознательно избегались, и, главное, наряду с массовым действием все больше и больше находил себе признание индивидуальный террор, направленный на особенно яркие фигуры буржуазно-феодальной реставрации, на особенно кровных ее защитников из командного состава германских оккупационных войск.

Наряду с этим практиковались широко взрывы складов снаряжения, воинских поездов и т. д. Однако этому новому методу борьбы, поскольку он носил низовой стихийный характер, были поставлены пределы, которые перейти он органически был бессилен. Центральные фигуры буржуазно-классового террора, именно те лица, которые политически и морально были максимально ответственными за кровавые ужасы, на которых особенно четко фиксировались гнев и ненависть вновь порабощенных крестьян и рабочих, были вне сферы их досягаемости.

Как строго последовательная интернационалистская партия, партия лев. соц.-рев. (инт.) считала в равной мере ответственными за империалистическую войну и русское самодержавие, и германское имперское правительство, и правительство финансовой плутократии Франции и Англии. Никаких национальных «предпочтений» она здесь не делала. И поскольку германский империализм подвизался на поле исторической брани с англо-французским, у партии, естественно, не было никаких данных выделять его носителей. Свой долг интернациональной солидарности она выполняла, ведя непримиримую борьбу со своими национальными империалистическими кастами и классами. Принципиально иначе стал вопрос в перспективе русского и международного социалистического движения, когда германская империалистическая клика, по сговору с украинской, белорусской и просто русской буржуазией, двинула свои войска на территорию социалистической революции и взяла на себя задачу реставрации буржуазно-феодальных отношений. Здесь именно она выступила в роли жандарма буржуазного общества и своими штыками прокладывала дорогу к экономической и политической власти сброшенным с исторической арены капиталистическим классам.

Граф Мирбах [1] в Москве и фельдмаршал Эйхгорн [2] в Киеве — вот две фигуры, которые приковали к себе внимание всех трудящихся России.

Первый — сложными путями дипломатического давления готовил переворот, второй — его провел кровью и железом.

Но над ними вырисовывалась провиденциальная фигура их повелителя и монарха — германского кайзера Вильгельма. Учитывая возможный резонанс не только в пределах революционной России, но и далеко за ее пределами, по всей территории, где борется труд с капиталом, Партия Левых Соц.-Рев. не могла решиться на такой ответственный шаг, не узнав предварительно мнения западноевропейских товарищей и в первую голову мнения германских революционных социалистов. В зависимости от их оценки революционного значения такого акта была поставлена и попытка его осуществления. Ответ был дан отрицательный, и Центр. Комитет остановился лишь на Эйхгорне, а затем, когда Боевая Организация уже находилась на месте и готовила со дня на день свой удар, и на Мирбахе. Второй акт, в силу случайного стечения обстоятельств, предшествовал первому.

Боевая Организация Партии Левых С.-Револ. (интернационалистов) сконструировалась вначале из трех человек. Туда вошли тов. Смолянский [3], занимавший в то время ответственный советский пост; тов. Борис Донской, кронштадтский матрос, пользовавшийся доверием в глазах товарищей, большой любовью и уважением, и я. Мы, все трое, до этого принимали деятельное участие в работе партии, и лишь с большим трудом нам удалось освободиться для боевого дела.

Тов. Смолянский был делегирован Центральным Комитетом партии за границу для того, чтобы узнать очень ценное для нас мнение германских социалистов относительно значения намеченных партией террористических покушений.

Время отсутствия Смолянского мы с Борисом решили использовать для поездки в Севастополь, где нам представлялась возможность ознакомиться с техникой взрывчатых веществ и приобрести кое-какие сведения и связи, необходимые для нашей работы. Во время этой трехнедельной поезд-

ЗНАМЯ БОРЬБЫ

ОРГАН ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ПАРТИ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И СОЮЗА С.-Р. МАКСИМАЛИСТОВ

№ 22-23 — Ноябрь Декабрь 1927 г. — № 22-23

1917 год.

1927 год.

Группа ссыльных левых эсеров в Туркестане. Слева направо: А. Измайлович, И. Каховская, И. Майоров, М. Спиридонова

ки мне пришлось близко наблюдать Донского, и то впечатление, которое составилось о нем у всех нас, знавших его по Питерской и кронштадтской работе, укрепилось во мне окончательно. Это было впечатление сильной воли, серьезного тихого мужества и тонкой, нежной, детски-жизнерадостной душевной организации.

Революция освободила его из тюрьмы. Он сразу развернул сеои силы и страстно отдался революционной деятельности, примкнув к левому крылу Партии Социалистов-Революционеров, а затем в октябре 1917 года, после раскола стал активным работником Партии Левых социалистов-революционеров. С первых же дней Октябрьской революции он был членом Кронштадтского комитета Партии Лев. С.-Р. и Исполнительного Комитета Кронштадтского Совета. Он пользовался громадной популярностью в Кронштадте, и матросская масса постоянно выдвигала его во все тяжелые и ответственные минуты на передовые роли. Партия ценила в нем крупного массового работника, обаятельного, редкой душевной чистоты человека и драгоценного товарища. Он остался у всех в памяти светлый, торопливый, с весело озабоченным лицом, освещенным огромными серо-зелеными глазами, глядевшими внимательно, с трогательной доверчивостью, прямо в душу.

Когда подбирался состав нашей боевой группы, мы со Смолянским первого вспомнили Донского. Он откликнулся с огромной готовностью, быстро ликвидировал свои кронштадтские и партийные дела — и вот уже мы едем с ним в поезде по бесконечным донецким степям.

Наш поезд продаигался по полуразрушенному после калединских боев пути с бесконечными задержками, и до Севастополя нам добраться не удалось, так как он оказался уже отрезанным немцами. Мы остановились в Таганроге, где в это время усиленно работала по подготовке обороны наша партийная организация и находились многие члены Украинской Цикуки (Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины), бежавшей из Харькова... Целыми днями в небольшом дворе дома, занимаемого партийным комитетом, шло военное обучение молодежи, притекавшей из деревень и станиц, с раннего утра скрипели телеги, подвозившие повстанцеа, продоеольствие для боевых отрядов и возвращавшиеся по станицам с грузом газет и партийной литературы.

Дня через 4 после нашего приезда в Комитет явилась делегация от рабочих Юзовских и Макеевских шахт, настоятельно требовавшая приезда в Каменноугольный район партийных работников. Со дня на день там ждали немцев. Уже был сдан и горел Екатеринослав; циркулировали слухи о массовых расправах победителей над мирным рабочим населением. Донецкие шахтеры, только что пережившие ужасы калединского налета, и слышать не хотели о сдаче. Они заготовляли динамит и оружие, посылали на фронт боевые дружины, верили в возможность отразить наступление и возмущались бездеятельностью, распущенностью и вялостью военных властей. Но поток партизанских отрядов, направлявшийся на фронт, натыкался на естречный поток панического, беспорядочного отступления красноармейских частей; и в то время, как рабочие, полные неисчерпаемой еще революционной знергии, деятельно подготовляли оборону — било в глаза полное отсутствие воли к сопротивлению со стороны власти, наряду с безответственным хозяйничаньем военных штабов, совершенно игнорировавших советы и рабочие организации. Вся двусмысленность позиции, занятой большевиками в деле обороны от немцев — правительственные листки, призывающие к сопротивлению и провоцирующие рабочих на борьбу, с одной стороны, паника и пассивность, с другой,— ставила рабочих в отчаянное положение. Не знали, что делать: сдаваться или бороться, бежать в другие неугрожаемые районы или оставаться. Во всем чувствовалась ложь, парализовавшая действие; опускались руки у самых активных.

Каменноугольному району предстояло, очевидно, надолго быть оторванным от центра, долго жить особой мучительной жизнью «оккупации»; местной партийной организации предстояло выдержиаать неопределенное время самостоятельно тяжелую борьбу в условиях глубокого подполья. Необходимо было ехать немедленно, чтобы успеть объехать ряд наиболее значительных шахт, помочь партийным организациям поставить работу по-новому, связаться так, чтобы не растерять друг друга, несмотря на фронты и границы. Немцы продвигались быстро. В военном поезде тов. Мстиславского [4], который пытался среди общей дезорганизации внести какую-нибудь планомерность в оборону,— мы добрались до Дебальцева, а оттуда всякими правдами и неправдами, с ежечасными пересадками и задержками, до Макеевки, куда приехали глубокой ночью. С утра начались митинги на ближайших рудниках и заaодах. С июля месяца, со времени Керенского, рабочие не имели никакой политической информации (огромный район был в этом отношении совершенно заброшен), и на нас, как на приехавших из центра работниках, сосредоточилось все внимание. Митинги устраивались под навесами колоссальных сталелитейных заводов или у самого спуска в шахту. Из-под земли аылезали бледные, изнуренные люди с печатью мучительного беспокойства на лицах и жадно ловили каждое слово бодрости и надежды, засыпали градом вопросов: где предел отступлению, каковы условия Брестского мира и будут ли эти условия соблюдаться большеаиками, скоро ли будет революция в Германии, сдадут ли Петроград, останутся ли для подпольной работы в оккупированной области социалисты...— и ряд вопросов чисто местного значения.

Сосредоточенно слушавшие толпы рабочих после митинга не расходились, а передвигались вместе с нами к следующему пункту и с одинаковым жадным вниманием прослушивали второй митинг. Так и переходили мы со все растущей толпой с места на место.

Мертвый ландшафт, прокопченная и покрытая угольной пылью убогая растительность, тяжелый аоздух, огромные сооружения заводов и домн, весь ад подземной работы и измученные тревогой толпы людей, страстно рвущихся к освобождению и вынужденных хоронить уже, казалось, готовую осуществиться мечту о человеческой жизни,— все это давало цельное, неизгладимое впечатление. Я думаю, что в эти дни окончательно созрела воля и решимость Донского. ...Все четыре месяца, которые ему пришлось после этого прожить на белом свете, он постоянно возвращался к воспоминаниям о поездке. Ему много пришлось выступать. Он говорил простым задушевным языком, умно и содержательно, и всегда четко оттенял интернационалистическую позицию партии в дни борьбы против немцев. Он беседовал часами с толпою и всегда как бы что-то обещал ей, обещал за себя, за партию, обещал бороться рядом, не уходить, отдать силы и жизнь. Впечатление от его слов всегда было значительным — ему верили и верили партии, от лица которой он говорил и отряды и отдельные члены которой всюду в первых рядах бились на фронте.

Через неделю мы решили начать пробираться обратно в Москву, чтобы не быть окончательно отрезанными. Поезд Мстиславского, с которым мы условились вернуться, потерял нас. Мы пробовали проехать по разным направлениям, и, наконец, прорвались на каком-то паровозе через Лиски за несколько часов до занятия их немцами, и затем, с большим опозданием, прибыли в Москву. Здесь как раз происходил 2-й съезд партии [5], между прочим, вынесший постановление о применении партией интернационального террора.

Немного спустя вернулся Смолянский. В результате его заграничной поездки яаилось полное убеждение в необходимости направить первый удар Боевой Организации Партии Лев. Соц.-Рев. против Эйхгорна, генерал-фельдмаршала германских войск, рвавших на части Украину, огнем и железом усмирявших восстания крестьян и рабочих и возродивших на Украине гетманское самодержавие.

Эйхгорн обрисовывался в глазах трудящихся Украины и России как главный палач и душитель трудового крестьянства. По приезде своем на Украину он жестоко расправился с русскими пленными солдатами, которых посылал в рядах своих войск усмирять украинскую революцию. За их отказ — расстреливал и аешал на крестах и виселицах. На полях доклада об усмирении крестьян в одном из уездов, где было положено 8500 человек, где в одном только селе было 17 виселиц и крестьяне стояли в хвосте, ожидая очереди быть повешенными, Эйхгорн написал: «Хорошо». Железнодорожная забастовка была подавлена им жестокими арестами и расстрелами. За короткое время своего командования и властвования на Украине он покрыл богатую, цветущую страну виселицами и неубранными трупами.

Начались переговоры с некоторыми членами Украинского Центрального Комитета партии, находившимися в то время в Москве, относительно совместного выполнения этого акта. Решено было провести его от имени обоих Центральных Комитетов: Московского и Украинского, но окончательная санкция пленума Украинского Центрального Комитета должна была быть получена лишь позднее, так как не было возможности теперь же снестись с его членами, находившимися в Одессе.

Московская Боевая Организация давала трех человек: Б. Донского, Гр. Смолянского и меня, украинцы, со своей стороны, ввели к нам Марусю Залужную, Ивана Бондарчука

и еще двух товарищей — Гришу и Миколу [6], предназначавшихся главным образом для покушения на гетмана Скоропадского, которое мы хотели соединить с покушением на Эйхгорна. Маруся Залужная предназначалась главным образом для связи с Киевской партийной организацией. Она должна была уехать вперед, приготовить нам пристанище на первое время и известить нас о положении в Киеве. На нее можно было положиться вполне, и в лучшие руки мы не могли отдать судьбу своих первых шагов на Украине. Человек с большим партийным опытом, выдержанная, серьезная и страстно преданная делу социальной революции — внешне она была изящной, миниатюрной женщиной, которая своим видом не внушала подозрения опытным агентам охраны.

Бондарчук, работавший впоследствии с нами под фамилией Собченко, был старым партийным работником, отбывшим 10 лет ужасающей каторги, порядком расшатавшей его здоровье, человек серьезный, преданный и упорный. По профессии рабочий-жестянщик, он подготовлял нам на нашей даче-лаборатории в Подосинках (станц. Николаевской ж. д., около Москвы) всевозможные хитроумные оболочки для бомб различных систем. Его родная деревня на Украине была разорена и наполовину уничтожена немцами. Тесно связанный с украинским крестьянством, он жестоко страдал, читая в газетах о кровавых расправах, и нетерпеливо ждал съезда.

Остальные два товарища — Гриша и Микола — произеодили неопределенное впечатление, держались несколько в стороне, но были, видимо, тоже одушевлены одной упорной мыслью — освободить Украину от гетманского засилья. Один из них — Микола — был тоже каторжанином. Нас все время огорчала невозможность вовлечь их в круг создаешихся между нами тесных братских отношений.

К границе двигалась преимущественно бежавшая от московского разгрома буржуазия. У каждого было что спрятать, и публика прибегала к самым хитроумным способам, чтобы провезти мимо красноармейцев и немецких солдат бриллианты, деньги, материи и проч.

В темную дождливую ночь мы подъехали к пограничной станции и, высадившись в открытом поле под проливным дождем, стали поджидать следующий поезд, с которым должна была приехать вторая группа, состоявшая из трех тоаарищей украинцев.

В глубокой темноте двигалась вокруг остановиашегося поезда высадившаяся публика. По ту сторону полотна виднелись телеги местных крестьян-извозчиков, которые за огромные цены брались перевозить через кордон на украинскую территорию. Разрешалось, по обоюдному сговору нашей и немецкой пограничной стражи, профильтроаанной, опрошенной и обысканной публике двигаться в путь с рассветом. На месте кордона сопровождающее нас русское начальство передает список переселенцев немецкому офицеру, и длинный обоз при свете хмурого раннего утра медленно дефилирует под недоверчивыми взглядами немецких часовых. Здесь бывает, что внезапно останавливают обоз, перерывают весь багаж, производят личные обыски, арестуют подозрительных...

Уже совсем светло, ветер разгоняет облака, проглядывает солнце. Все в грязи, мокрые до нитки, но благополучно миновавшие главную заставу. Кругом уже все немецкое, и нам, отвыкшим, странно видеть вытянувшуюся солдатскую фигуру и маленьких деспотических, сердито волнующихся при посадке в вагоны публики, изумительно грубых немецких офицеров. Поезд отбыл со станции и прибыл в Киев пунктуально по расписанию.

Безобразный киевский вокзал, который три дня мыли и скоблили от русской грязи специально согнанные женщины, весь оклеенный украинско-немецкими, неприаычными глазу вывесками и объявлениями, кишит военными, шныряющими штатскими людьми. Каждый приезжий осматривается ими с головы до ног, и нам тоже приходится пройти под колючими взглядами немецких и гетманских шпионов.

Киев, весь залитый майским солнцем, весь в цветах и зелени, производит с первого взгляда очаровательное впечатление, а нарядная, доеольная, будто праздничная толпа, блестящие витрины, переполненные кофейни представляют резкий контраст с голодной и холодной Москвой.

Здесь царство спасшихся от революции «сливок общества». Здесь живут суетливой ненормальной жизнью, лихорадочно спекулируют, лихорадочно веселятся под защитой немецкого штыка, торопясь, пока можно, урвать свой «кусочек хлеба с маслом».

Ровный, как стрела, прямой Крещатик упирается в купеческий сад. На площади цветочные клумбы, фонтаны, на столбе простая серая доска с указующей стрелкой: «В Штаб фельдмаршала Эйхгорна». Надо подняться вдоль тенистого Мариинского парка по Александровской, войти в тихие, красивые улицы Липок. Там, в лучших особняках за колючими заграждениями, опутанные телеграфными проводами, защищенные стальным караулом, расположились немецкие военные власти. Тут же, в дружеском соседстве,— дворец Скоропадского.

После долгих поиское мы, наконец, к вечеру находим ночлег, возможность спрятать на время наш багаж и снять с себя зашитый в одежду динамит. В городе квартирный кризис питает обывательские разговоры и газетное остроумие, но нам везет.

Маруся подыскала заранее чудесную удобную дачку в совершенно заросшем глухом саду в Святошине (6 верст от Киева). На следующий день перебираемся туда втроем: Борис, Смолянский и я и поселяемся в качестве родственников. Кроме того, нам приходится обзавестись двумя квартирами в городе и комнатой «на всякий случай» в Боярке. Мы покупаем извозчичью пролетку и лошадь, снимаем подходящий домик на Глубочице. Там поселяется легковой извозчик, Борис; он выезжает почти ежедневно на своей ленивой светлой лошадке, для поощрения которой никогда не решается употреблять кнута. Во дворе этой извозчичьей избушки мы зарываем динамит и оружие; тут же устраиваем свою несложную лабораторию. В городе на Бибиковском бульваре у меня прекрасная комната, где я прописана как еврейка. Сюда, в качестве брата заходит ко мне Григорий Бор, спекулянт по сахарину. Отношения с хозяйкой устанаеливаются наилучшие.

Устроившись с квартирами, мы приступили к слежке. Нас слишком мало. Сразу же перед нами вырисовываются все трудности установить образ жизни и выходы Эйхгорна. Праада, местная организация сообщает нам через посредство Маруси местоположение дома Эйхгорна, караульных помещений на Екатерининской улице и штаба, где бывает Эйхгорн, но район Липок так пустынен и так тщательно сохраняется контрразведкой и часовыми, что нам приходится быть крайне осторожными. Все методы, практиковавшиеся Боевой Организацией Партии Соц.-Рев. во времена царизма, оказываются совершенно неприменимыми. На Екатерининской ул., где живет Эйхгорн, нет разносчиков, нет магазинов, нет сдающихся квартир и комнат. Это сплошь военный лагерь с редкими, деловито торопливыми прохожими. Все дома здесь заняты под командование, у каждого подъезда стоит часовой, прогуливаются с зонтиками и в калошах в сухую погоду откровенно наглые шпионы. Каждый прохожий обращает на себя их подозрительное внимание.

Представляется возможность пройти вдоль улицы пишь один раз, второй раз приходится идти уже в обратном направлении, как бы возвращаясь. Чтобы иметь за улицей непрерывное наблюдение, мы все время сменяем друг друга, переодеваемся и даже перегримировываемся по нескольку раз в день, что значительно усложняет и затягивает дело... Наконец, случайно, в одну из своих прогулок по Екатерининской встречаюсь с генералом лицом к лицу, и вскоре удается установить окончательно часы его выхода из дома в штаб, находящийся за несколько домов от его дворца. Он выходит ровно в час, пешком, с тросточкой, в сопровождении адъютанта, небрежно козыряя взявшим на караул солдатам и встречным офицерам, абсолютно уверенный в своей безопасности среди этого леса охраняющих его штыков. Через три минуты он скрывается в дверях здания штаба, проходя сквозь коридор выстраивающихся у подъезда солдат. На улице так пустынно, что две небольшие фигуры заметно выделяются во все время перехода и, пересекая дорогу, стоят изолированно и довольно беззащитно для выстрела. На этом единственно удобном для акта моменте и было сосредоточено наше внимание. Трудность заключалась в невозможности останавливаться и выжидать. Необходимо было вполне естественно для постороннего взгляда, не ускоряя шага, встретиться с ним именно в этом пункте улицы. Для этого требовалось особо счастливое стечение обстоятельств. Впоследствии именно эта техническая трудность затянула дело на долгие дни.

Слежка, переодевания, заботы о лошади и квартирах, извозчичьи выезды Бориса, изготовление снарядов, ежедневные поездки с дачи в город — заполняли все время. Мы видели лишь друг друга, сознательно, из конспиративных соображений, изолируясь от местной партийной организации, с которой продолжали держать связь, после отъезда Маруси, через члена Украинск. Центральн. Комитета тов. Терлецкого, привезшего нам из Одессы санкцию Украинского Централь-

ного Комитета. Хотя в Москве мы всячески старались как можно конспиративнее обставить свой отъезд,— все же через неделю уже по нашем приезде местные эсеры передали нам, что о нас знает Украинское правительство, что мы выслежены из Москвы, что нас усиленно ищут, и настойчиво советовали уехать.

Мы решили остаться и лишь особенно тщательно изолироваться от всех знакомых и напряженно следить за своею безопасностью.

Внезапно Эйхгорн уезжает в Крым: добытые с таким трудом результаты слежки могут оказаться погибшими. Переносим поле действия на вокзал и следим по газетам, когда он вернется. В намеченный день всем составом с четырьмя снарядами мы занимаем посты. Газеты обманули. Эйхгорн приехал накануне, и нам приходится снова и уже окончательно утвердиться на первоначальном плане — застигнуть его при переходе из дома в штаб или обратно.

Началось самое трудное время. В колоссальном нервном напряжении, с запавшими глазами и какой-то особой, впервые появившейся у него, мучительной и вместе твердой складкой у рта, вдохновенно сосредоточенный, ежедневно убивая и отдавая свою жизнь, ежедневно прощаясь с близкими и вольным миром, уходил от нас Донской на свой жуткий подвиг. Мы провожали его до угла, виделись с ним во время часового перерыва, когда Эйхгорн был в штабе, и ждали, когда он вновь уходил от нас, звука взрыва — окончательного удара по врагу. Он возвращался потрясенный и смущенный неудачей и рассказывал нам, как загородила ему дорогу случайная извозчичья пролетка, как дети, играя, пробежали слишком близко к генералу, как не удалась сама встреча. Однажды, в благоприятную минуту, он уже схватился за снаряд, как вдруг с него соскочила плохо завинченная крышка и покатилась к ногам Эйхгорна. Борис нагнулся, поднял крышку и с деловым видом стал привинчивать ее на глазах у всех к своему снаряду-термосу,— не возбудив ни в ком подозрения. Тщательно все время сменялся грим и костюм. Бориса раз сменил, тоже неудачно, другой товарищ. Он, видимо, уставал, но упорно, со спокойным мужеством, совершенно детской простотой и неугасающим в глазах огнем шел на свое дело, в которое верил свято и до конца.

В эти дни мы с «Гуком» (так звали мы тов. Собченко) и Гр. Бор. пытались наладить все необходимое для побега Бориса после акта. Нам хотелось предложить ему готовый, выработанный и технически обставленный план, чтобы не заставлять его думать о нем, не тратить на это лишние силы. Предполагалось бросить бомбу с рысака и, воспользовавшись сумятицей, спуститься вдоль монастырских садов по направлению к Печерску; на полдороге бросить лошадь и садами пробраться к Днепру, и затем на лодке — в Слободку, и ускользнуть, таким образом, от всякой погони. Приготовили лошадь, необходимый грим, предусмотрели все случайности, но долго не решались предложить Борису наш план.

Дело в том, что нами всеми было решено при самом начале, что мы должны вложить в акт максимум агитационного содержания. Для этого важно было, чтобы был процесс, чтобы террорист назвал себя, объяснив всему миру смысл своего поступка, и своею гибелью запечатлеть правоту и святость своей идеи. Борис, кроме этих политических соображений, вносил в понимание дела свою особенную окраску. Не из книг, не под чужим внушением, а исключительно из собственного существа он почерпнул свое идеалистическое и глубоко серьезное представление о терроре. «Если пшеничное зерно, упавши на землю, не умрет, то останется одно,— повторял он евангельскую метафору,— а если умрет, то принесет много плода». Счастьем светились его глаза от сознания, что он кладет свою лепту на дело освобождения, счастьем было для него отдать свою молодую, полную возможностей жизнь — но глубоко трагична была для него необходимость убить человека. Если бы не было возможности своей смертью и муками искупить то аморальное, что было для него в самом убийстве,— он, может быть, не смог бы его совершить. Мы знали все это, много говорили с ним на эту тему в последние наши ночи в Святошине,— но нам казалось необходимым все же дать ему возможность отступления, если в последнюю минуту его решение хоть сколько-нибудь поколеблется. Как мы и ждали, Борис отверг наш план и отнесся ко всем соображениям о самосохранении с таким глубоким отвращением, что мы устыдились своих забот о нем. Все мысли о себе у него кончались с выполнением акта. Лишь бы удалось, а там не мое дело, дальше — верно будет хорошо. Он писал в последние дни матери: «Благослови меня, мама, и не жалей меня: мне хорошо, будто в синее небо смотрю». Эти письма попали не к матери, в Рязанскую губернию, а к немецким следователям, которые глубоко недоумевали, как мог сын просить у матери благословения на убийство.

30 июля, около часу дня, мы расстались с ним, как обычно, на углу Лютеранской. Через четверть часа он вернулся, не встретив Эйхгорна. После долгой полосы дождливых дней выглянуло солнышко — деревья бульваров стояли омытые и душистые. Мы порадовались прояснившейся погоде, побеседовали и хотели проститься опять, как вдруг подошел какой-то назойливый господин и долго и подробно стал расспрашивать о том, как пройти к губернаторскому дому. Борис, следивший за часовой стрелкой, резко повернулся и, не пожав нам даже руки, быстро поднялся к Екатерининской. Через пять минут раздался сильный взрыв.

Была ли это случайность — бомба могла взорваться в руках Бориса от неосторожного толчка, был ли убит Эйхгорн,— мы не знали, но оба с товарищем осознали с несомненностью одно: Бориса больше не будет — и сказали это друг другу. Вслед за этим сознанием — мучительная и жгучая тревога о результатах взрыва.

Сошли к Крещатику и снова поднялись гуляющей парочкой к Липкам; навстречу уже валила толпа. Липки были оцеплены войском, никого не пускали ни туда, ни оттуда; долетали фразы: «Убит главнокомандующий, адъютант», «убит адъютант, генерал легко ранен, убийца расстрелян»...

В Ботаническом саду на коре каштанового дерева мы вырезали потом крест — условный знак партийным товарищам, что дело выполнено нашей рукой («конкурентами» нам могли явиться местные соц.-рев.), сели на извозчика и приехали в Святошино ждать вечерних газет, слухов и готовить второе дело, которое мы надеялись осуществить в ближайшие дни.

Вечерние газеты принесли нам известие, что убийца назвал себя, что фельдмаршал, которому взрывом оторвало ногу, при смерти; Скоропадский при нем, адъютант скончался; на улице арестовано несколько человек, и в том числе извозчик, на которого вскочил убийца, спасаясь от погони. Утренние газеты сообщили о смерти Эйхгорна, некоторые дополнительные сведения о личности Бориса; о панихидах и похоронах, и потом ни слова ни вечером, ни на следующий день.

Город был в панике: циркулировали слухи о том, что Киев окружен немецкими войсками; что готовится карательный обстрел города германской артиллерией, шли массовые аресты, и к скрытому торжеству обывателя, который ненавидел немцев, примешивался дикий страх за могущие быть последствия. В городе, на базарных площадях, куда съезжалось население ближайших деревень, в рабочих кругах шло нескрываемое ликование,— «теперь очередь за гетманом»,— говорили вслух на улицах и приписывали акт «Московским товарищам», которые все могут и все сделают, чтобы избавить рабочих и крестьян от кровавого гнета.

День похорон Эйхгорна был назначен на 1 августа. Нам было известно, что гетман будет присутствовать на торжественной панихиде. Мы решили приурочить исполнение второго акта к моменту выхода гетмана из лютеранской церкви после панихиды.

В утро похорон мы приехали в городе на условленное место, куда «Гук» должен был принести снаряды. Он не явился. Спешно, на извозчике, я отправилась к нему на квартиру. Квартирная хозяйка встретила на пороге: «Уходите скорее, его ночью какие-то офицеры увезли на автомобиле и очень били». Кинулись обратно, зарядили новую бомбу, но опоздали к нужному времени. Дело откладывалось, по нашим расчетам, по крайней мере на месяц.

Поздно вечером провожали на вокзал труп Эйхгорна и его адъютанта. Бесконечное мрачное шествие, ряды серых стальных солдат провожали оба гроба. Казалось, за трупом своего генерала, закованное в сталь, залитое кровавым светом факелов, уходит из Киева навсегда насильническое войско.

На следующий день Гр. Бор. решил проведать свою квартиру в Боярке: она могла нам теперь очень пригодиться. Зайдя к своей квартирной хозяйке, в ее лавочку, он узнал, что два дня тому назад его квартира была обокрадена, затем туда нагрянул обыск; хозяйке велено немедленно по его

прибытии доложить в милицию. Гр. Бор. раскричался, возмущаясь обыском, произведенным в его отсутствие, и сделал вид, будто направляется в милицию для объяснений, а сам кинулся в лес. Агенты контрразведки, поджидавшие его приезда, организовали погоню по горячим следам. Он добрался до деревни и был привезен на возу под сеном каким-то крестьянином, угадавшим в нем революционера, в город...

Мы чувствовали, что висим на волоске, и решили, что Гриша поедет в Москву за подкреплением для организации второго дела, а я останусь в Киеве охранять материал, поддерживать завязанные знакомства и связи и, по возможности, продолжать слежку.

Взяв вечером чемодан с городской квартиры, мы отнесли его на квартиру одного знакомого меньшевика, который брался помочь Грише выехать наутро с пароходом из Киева. Ночью, по дороге в Святошино, мы встретились с товарищем из Украинск. Центр. Комитета и втроем отправились на нашу дачу. Ночевать дальше в лесу не было возможности, мы устали, тело требовало отдыха, необходимо было взять все нужное для отъезда, как следует потолковать и сговориться о дальнейшем.

Была очень, очень темная ночь. В саду к нашему домику вела узкая глухая тропинка. Мы взялись за руки и гуськом, тихонько пробирались к дому. С внешней стороны все было очень спокойно, но, подойдя уже вплотную к веранде, я увидела силуэт казака, сидящего на стуле у чайного стола. «Тут кто-то есть»,— успела я крикнуть стоящим сзади товарищам и в ту же минуту, оглушенная пальбой из десяти винтовок, ослепленная светом электрического фонаря, направленного прямо на меня, принуждена была, зажав уши, прислониться к стене. На полу веранды, оказалось, лежали, притаившись, десять человек немецких солдат.

Увидев меня и услышав наши голоса, они открыли бешеную пальбу в упор, за три шага от нас, очевидно, с целью оглушить, ошеломить, но не убить. Минуты две продолжалась только пальба. Оглянулась — никого сзади меня. Пользуясь темнотой, товарищи моментально скрылись за углом дома в густом саду. Солдаты побоялись их преследовать, хотя Терлецкий, как оказалось, простоял около часа без движения, будучи не в состоянии двинуться, у забора сада. Гриша потерял шапку и дорожный несессер, в котором вделаны были письма Бориса к матери и товарищам и мои деловые записки в Москву, благополучно добежал до леса, спрятался от погони автомобилей, освещавших рефлекторами дорогу, в воде какого-то озерка и, наконец, весь промокший, добрался к утру до Киева, участвовал в тушении пожара, который загорелся очень кстати до него на краю города, затем, вымазанный и мокрый, как человек, только что работавший на пожаре, спокойно прошел по улицам в свое убежище и в тот же день счастливо уехал из Киева. Через несколько дней он уже был в Москве, где и сообщил товарищам о том, что с нами произошло, прибавив, что я, очевидно, убита при аресте.

Терлецкий, живший в Святошино, спокойно прошел к себе домой. Немцы даже не знали, что нас в дачу приходило трое, и искали одного Смолянского. Контрразведке пришлось удовлетвориться одной мною. Так, по делу Эйхгорна и фигурировали в качестве обвиняемых Борис Донской и я, в качестве его сообщницы. «Гуку», за недостатком улик, обвинения предъявлено не было.

Дело почему-то затягивалось. Позднее я узнала, что ведший розыск офицер Беляев — главный истязатель Донского — уезжал разыскивать Смолянского, как ему казалось, по горячим следам, а в действительности в совершенно противоположную сторону. О Борисе я ничего не знала, и узнать не от кого было. Попыталась передать ему через тюремную администрацию немного денег. «Брат брату пожать руку хочет,— ответил насмешливо помощник коменданта тюрьмы.— Куда ему, вопрос идет лишь о нескольких днях жизни»...

Бориса казнили в субботу, 10 августа, в 4 часа дня, на площади, при большом стечении народа. Два часа висело на телеграфном столбе его тело с надписью: «Убийца фельдмаршала Эйхгорна».

Судили меня в конторе тюрьмы. Гюбнер откровенно добивался смертного приговора, казенный защитник что-то лепетал «об идеализме этих людей, которых нельзя рассматривать как обыкновенных убийц»; за окном, в квартире какого-то служащего, громко пел граммофон, на лицах судей были написаны тупость и равнодушие. Спорили о словах «помощница» или «сообщница», остановились на последнем, вынесли смертный приговор, исполнение которого задержалось за необходимостью утверждения его самим кайзером. «Повесить даму у нас не так легко»,— заметил Гюбнер, сообщая мне приговор. Прошло полтора месяца, пока приговор съездил в Берлин, и мой полковник ждал ответа. Кайзер был в ставке. Происходили крупные политические события в Германии, и в конце ноября кайзер отрекся от престола, не успев дать санкции на казнь.

После приговора жизнь стала теплее и легче. Я получала множество мелких знаков внимания и сочувствия от заключенных, которым удавалось через часовых передавать то цветок, то записку, бумагу, карандаш; через уборную я завела переписку с общими камерами, написала друзьям на волю. Навещал полковник: «Надо еще подождать, все еще нет ответа, я думаю, за это время вы перемените свои убеждения. Лучше в последнюю минуту понять истину, чем уйти в могилу в заблуждении». «Это большая честь,— о вас будет думать и знать сам кайзер». И когда я шутливо ответила ему при писце и часовых, что их кайзер мне мало импонирует, в ужасе замахал руками и поспешил увести солдат подальше от соблазна.

Приходили то и дело какие-то военные, чтобы посмотреть на «приговоренную русскую даму», задавали любопытные и наивные вопросы о моих религиозных и философских убеждениях. Как-то раз, с тоской и трепетом за нарушение военной дисциплины, подошел к моему окошечку молодой немецкий офицер (как я узнала после — из мобилизованных народных учителей). «Фрейлен, как вы себя чувстеуете? Я ничем не могу помочь вам, я маленький человек, но я крепко жму вам руку; оставайтесь верны своей идее — это лучший путь к счастью»,— и скрылся торопливо. Я очень оценила эту своего рода «луковку».

В Германии разразилась революция, на Украине поднялось могучее повстанческое движение. Петлюра надвигался с восставшими крестьянами на Киев против германских офицерских войск.

Немецкий совет не знал, к какому берегу пристать, и, преследуя цели скорейшей эвакуации своих войск, решил поддерживать того, кто сильнее: то гетмана, когда увеличивались его военные шансы, то Петлюру. Артиллерийская канонада грохотала вокруг Киева дни и ночи. Тюрьма, частью уже опустевшая, жила нервной бессонной жизнью. Над всеми висел страх, в случае поражения Петлюры, попасть от немцев в гетманскую тюрьму. Многих политических преступников Немецкий Совет Солдатских Депутатов передавал Украинскому Правительству. Гетманская тюрьма для многих — вновь пытки, долгое сидение, расстрел или просто смерть в застенке. Приход Петлюры знаменовал свободу. В 15-х числах декабря бои завязались в самом Киеве,— вокруг тюрьмы трещали пулеметы, рвались ручные гранаты.

Петлюра вошел в город. Гетман бежал.

В Рождественский сочельник выпустили тов. Собченко, а меня перевели в Лукьяновскую тюрьму, в распоряжение украинских властей.

В Лукьяновке можно было встретить весьма разнообразное общество. Гетманцы, ставленники немецких властей, русские черносотенцы, просто русские, провинившиеся против новой украинской орфографии, большевики, левые эсеры, бывшие царские шпионы и революционеры-социалисты — все сидели вместе в общих камерах и мало ладили друг с другом.

Охраняли нас галичане и другие петлюровские гайдамаки, политически ни в чем не разбиравшиеся и враждебно настроенные к арестованным. «Знаем мы вас, гетмана надо»,— говорит солдат, грозно выставляя штык в грудь гуляющему в тюремном дворике арестанту. «Что ты, полно, товарищ, мы за власть Советов, а не за гетмана».— «А, за Советы,— уже совсем свирепо ревет тот,— так ты за Советы». Арестант скрывается в дверь корпуса от вполне возможной расправы.

Всю ночь будят выстрелы в окно камеры, оглушительно раздающиеся в каменных стенах,— это тешатся постовые.

Мы стерли с дверей нашей камеры надпись «политические» и написали «уголовные» — так-то спокойнее: по вечерам галичане врывались в коридор: «Мы им покажем гетмана и Советы».

В конце января, почти накануне взятия Киева большеви-

ками, меня освободили после неоднократных требований со стороны рабочих собраний и крестьянского Всеукраинского съезда, после долгих и упорных хлопот с воли, приехавших выручать меня товарищей.

На Лукьяновской площади, у арестного дома, на втором от ворот телеграфном столбе я нашла еще следы от гвоздей, которыми была прибита доска над головой Бориса, и крючья, которые поддерживали веревки. На Лукьяновском кладбище, в участке для нищих, отмеченную щепочкой, которую воткнул кладбищенский сторож, мы разыскали его могилу и поставили на ней деревянный крест.

Из бюллетеня Центрального Комитета Партии Лев. С.-Р. интернационалистов.

7 апреля 1919 года в Киевском революционном трибунале происходил суд над палачом Бориса Донского и другими участниками его казни.

Свидетельскими показаниями выяснены некоторые неизвестные нам до сих пор подробности его ареста и смерти.

После взрыва бомбы Борис Донской был на месте схвачен немецкими солдатами, сильно избит и препровожден в немецкое караульное помещение, где после жестоких побоев ему учинен был первый допрос шефом германско-гетманской охранки Лешником в присутствии германских и украинских властей. На этом допросе тов. Донской дал следующие показания.

«Зовут меня Борис Михайлович Донской. Мне 24 года. Я крестьянин села Гладкие Выселки Михайловского уезда Рязанской губернии; холост, грамотный, не судился. С 1915 до 1917 года служил в Балтийском флоте не транспортном судне «Азия», где был минным машинистом. В пертии состою с 1916 года. Виновным себя признаю. Центральным Комитетом Украинской и Российской партии Лев. С.-Р. было вынесено постановление убивать всех германских, французских и других иноземных военачальников, которые идут в Россию отбирать у крестьян землю и душить русскую революцию. Когда было вынесено такое постановление, я не знаю. Но на последнем съезде нешей партии в Москве это постановление было санкционировано.

Узнав о таком решении, я предложил свои услуги Комитету для совершения любого террористического акта и приблизительно две недели тому назад получил от Комитета приказание отправиться в Киев для убийства фельдмаршала Эйхгорна. Мне вручили бомбу круглой формы, конструкции которой я не знаю, деньги и револьвер. Приехал в Киев вчера, впрочем, нет, я приехал гораздо раньше, но когда, не скажу. Жил нигде. Сегодня я отправился на Екатерининскую, так как узнал, что Эйхгорн пройдет из штаба домой; Эйхгорна узнал по портрету, который получил в Москве. На вопрос, не был ли вчера не Екатерининской, не желаю отвечать. Ни убежать, ни застреливаться не хотел. Пришел за 1—3 часа до екта и прогуливался. Когда Эйхгорн вышел из офицерского собрания, я пошел следом за ним и бросил бомбу в сторону, и сдался подбежавшим германским солдатам. Я хотел, чтобы меня поймали и узнали, по какой причине я убил или хотел убить Эйхгорна. Я рядовой член партии. В Москве жил с начала 1918 года в общежитии на Воздвиженке. Моя партийная кличка — Донской. Каким путем я вошел в сношение с Центральным Комитетом, не желаю сказать.

Показания относительно организации и мотивов убийства не точны; Центральным Комитетом Партии Левых Соц.-Рев. был вынесен смертный приговор Эйхгорну за то, что он, являясь начальником германских военных сил, задушил революцию на Украине, изменил политический строй, произвел, как сторонник буржуазии, переворот, способствуя избрению гетмане, и отобрал у крестьян землю. Когда Центральным Комитетом Российской Партии Лев. Соц.-Рев. приговор был утвержден, я взялся за исполнение этого приговора и согласился убить Эйхгорна».

Когда после допроса Донского перевозили в немецкий арестный дом, германские офицеры бросили его, как собаку, на дно автомобиля, поставили ему сапоги не лицо и били шпорами. В арестном доме ему связали руки и ноги проволокой и прикрутили к койке, положив под голову дрова. В таком положении его подвергали всевозможным пыткам и издевательствам до 10 августа, когда виселице положило конец этим неслыханным мучениям.

О самой казни один из свидетелей рассказывает следующее:

«10 августа, в пять часов дня, из переулка, ведущего из тюрьмы на площадь, место казни, вышли две роты немецких солдат и несколько человек в офицерских серых шинелях. Палач, арестант Лукьяновской тюрьмы, гладко выбритый, в серой шинели стоял у телефонного столба, где была приложене петля из скрученной проволоки и прибите большая доска с надписью: «Убийца генерал-фельдмаршала фон Эйхгорне». Борис Донской подошел к столбу и совершенно спокойно снял связанными руками шляпу с головы; палач «ловко» накинул петлю. Немецкий солдат выбил из-под ног Бориса Донского скамейку, и он повис».

На площади было много народа. Труп его оставили висеть на столбе в течение двух часов. На ночь его сняли и перенесли в часовню. Временный служитель из уголовных потихоньку от администрации собрал цветы из больничного садике и осыпал ими тело покойного. Так в цветах и отпевали его. А тюремный священник, в присутствии немецких солдат, державшихся победителями, прочувственным голосом молил: «Помяни, Господи, душу новопреставленного раба Твоего Бориса, варварами убиенного...»

Утром 11 августа Бориса похоронили на Лукьяновском кладбище.

На дошедшей до нас из тюрьмы каким-то чудом записке мы разобрали полустертые слова: «Для меня нет ничего в жизни более дорогого, чем революция и партия».

Большевистский суд приговорил палача, казнившего Донского, и старшего надзирателя Лукьяновской тюрьмы к расстрелу. Представитель нашей партии энергично протестовал против расстрела жалкого арестанта, действовавшего по приказу германского начальства.

Публикация А. РАЗГОНА и Л. ОВРУЦКОГО.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мирбах В. А. (1871—1918) — немецкий дипломат, с апреля 1916 года — посол в РСФСР. Убит 6 июля 1918 года левыми эсерами Н. А. Андреевым и Я. Г. Блюмкиным.

[2] Эйхгорн Г. (1648—1918) — в 1917 — начале 1918 года командующий группой армий в Прибалтике и Белоруссии, с конца марта — армиями, оккупировавшими Украину и юг России.

[3] Смолянский Г. Б. (1890—1938) — видный деятель партии левых эсеров, впоследствии — большевик, член ВЦИКа II—IV созывов.

[4] Мстиславский (Масловский) С. Д. (1876—1943) — член ЦК партии левых эсеров. После Февраля — чрезвычайный комиссар Петроградского Совета, возглавлял отряд, арестовавший Николая II в Царском Селе. Активный участник Октябрьской революции, член ВЦИКа. В 1916 году — комиссар партизанских формирований при ВВС, член Советского правительства Украины в апреле — июле 1918 года.

[5] Съезд состоялся 17—25 апреля 1918 года, санкционировал антибрестскую позицию, одобрил (правда, большинством всего в 5 голосов) выход левых эсеров из СНК.

[6] Бондарчук И. П. (1880—?) — левый эсер, боевик. До Февраля неоднократно арестовывался, отбывал каторгу.

Сведениями о других лицах, упомянутых Каховской, мы, к сожалению, не располагаем.

Сдано в набор 05.11.89. Подписано к печати 28.11.89. А 00412. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1532. Цена 70 коп.
Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

РОДИНА·90

ЭТО БОЛЕЕ 400000 ПОДПИСЧИКОВ!

Фото Александра ТАМБУЛИДИСА

Минул год с того времени, как редакция журнала «Родина» впервые встретилась с вами, уважаемые читатели. Уверены, без вашего внимания и помощи нам было бы невозможно создать новый журнал, который, как известно, в киосках «Союзпечати» не залеживается. Надеемся и в будущем продолжать плодотворное сотрудничество. Ждем ваших писем, замечаний и предложений. Редакция журнала «Родина» желает своим подписчикам и читателям в новом году успехов в делах, здоровья и счастья!